

Елена Петровна
БЛАВАТСКАЯ

Елена Блаватская

**Письма из пещер и
дебрей Индостана**

«Public Domain»

Блаватская Е. П.

Письма из пещер и дебрей Индостана / Е. П. Блаватская —
«Public Domain»,

Ни у кого нет такой органической духовной связи с древней Индией, как у русских. Наверное, поэтому высокая миссия слияния широких религиозно-философских идей Древнего Востока с точным анализом европейского Запада оказалась под силу только выдающемуся русскому мыслителю – Елене Петровне Блаватской. Именно «пещеры и дебри Индостана» являются одним из главных источников её учения, задача которого – приведение в гармонию всех сторон человеческой жизни, согласование материальных задач человека с его духовными запросами.

Содержание

I	5
II	11
III	21
IV	25
V	29
VI	36
VII	40
VIII	45
IX	52
X	55
XI	61
XII	64
XIII	69
XIV	73
XV	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Из пещер и дебрей

Елена Блаватская

ПИСЬМА ИЗ ПЕЩЕР И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА

I

Е. П. Блаватская

(в то время, когда она писала «Из пещер и дебрей Индостана»)

Поздно вечером 16 февраля 1879 года, после тяжёлого тридцатидвухдневного плавания из Ливерпуля, раздались с пассажирской палубы радостные восклицания: «Маяк, Бомбейский маяк!..» И вот все, кто ни был чем занят, побросали карты, книги, музыку и кинулись наверх. Луна ещё не всходила и, невзирая на звёздное тропическое небо, на верхней палубе было совершенно темно. Звёзды блистали так ярко, что трудно было сразу разглядеть между ними земной огонёк: точно громадные глазища навывкате, моргали они на вас с чёрного неба, на склоне которого тихо сиял Южный Крест... Но вот, наконец, ещё ниже на далёком горизонте заблестал и маяк, ныряя огненной точкой в волнах словно из растопленного фосфора. Горячо приветствовали измученные путешественники давно желанное явление. Все развеселились...

Недолго пришлось нам, однако, любоваться маяком; раздался звонок, и в главной каюте потушили огни. Было десять часов вечера, и в приятных мечтах о будущем дне все разошлись по каютам. Зато в эту ночь никто не ложился спать. Все суетливо укладывались, приготавливаясь на другое утро как можно ранее распротиться с нашею дырявою, заливаемой водой кадушкой, величаемой «океанским стимером»¹ Ливерпульского общества, и с её вечно пьяным, грубым капитаном, который, между прочим, чуть было не утопил нас, а по воскресным дням запрещал пассажирам не только что играть в карты или шашки, но даже заниматься музыкой.

К четырём часам утра все пассажиры были уже на палубе, даже дамы. Такое раннее появление прекрасного пола не входило в расчёт группы англо-индийских офицеров и очень было их переконфузило. Одна партия храбрых воинов, при помощи матросов, весело обливалась водой под палубною помпой, в то время как товарищи их, ожидая очереди, расхаживали

¹ Пароход (англ.). – Прим. ред.

кругом в национальных костюмах индусов, т. е. безо всякого костюма. Но скромные леди тоже *возвращались*, а не ехали в Индию. Видимо, успев уже попривыкнуть к подобной пластической обстановке, они остались совершенно хладнокровными, тем более, что теперь вся разница заключалась в одном колорите. К тому же едва светало...

Но что это был за рассвет!.. Пароход уж больше не качало... Под искусным управлением только что прибывшего туземного лоцмана в костюме Геркулеса, бронзовый силуэт которого резко выделялся на бледном небе, наш стимер, тяжело пыхтя испорченной машиной, тихо скользил по спокойным прозрачным водам Индийского океана прямо по направлению к гавани. Приближались к заливу, и до Бомбея оставалось всего несколько миль; и тому, кто, подобно нам, за четыре недели до того дрожал от пронзительного холода и снежной бури, застигшей нас у входа во много воспеваемый поэтами, но ещё более проклинаемый моряками Бискайский залив, окружавшая нас обстановка казалась просто волшебным сном!.. После тропических ночей на Красном море и невероятно знойных дней, промучивших всех от самого Адена, на нас, северян, веяло чем-то непривычным, тяжело обаятельным в этой чудно-мягкой предрассветной свежести воздуха. Ни одного облачка не виднелось на густо усеянном потухавшими звёздами небе... Догорающий свет луны, серебряною пеленой застилавший небеса, стал мало-помалу исчезать; и по мере того как прямо перед нами, на востоке, над далёким островом постепенно загоралось первое зарево рассвета, последнее лунное сияние всё более и более сосредоточивалось на западе, обрызгивая золотыми искрами прорезаемую кильватером и далеко оставляемую за нами тёмную водную полосу: словно с вами, людьми из Америки,² прощалось сияние запада и свет востока приветствовал пришельцев из далёких стран. Всё сильнее голубело небо, быстро поглощая одну за другою последние еле мерцавшие звёзды; и чудилось нечто трогательное в кротком достоинстве, с каким царица ночи передавала свои верховные права могучему узурпатору. Наконец, она стала тихо погружаться в волны и – исчезла... И вдруг, почти без малейшего перехода от тьмы к свету, багрово-огненный шар вынырнул с противоположной стороны из-за мыса, упёрся на несколько мгновений золотым подбородком в нижний ярус скал острова и, как бы оглядывая нас, на минуту приостановился... Затем одним могучим взмахом очутилось дневное светило высоко над морем, и победоносно поплыло вверх по тропе своей, мгновенно рассеяв мрак и разом захватывая в пламенные объятия и посиневшие воды залива, и прибрежные дачи, и острова с их скалами и лесами кокосовых пальм... Не забыли золотые лучи поласкать и толпу благочестивых поклонников своих, парсов-гебров, стиравших руки с берега моря к могучему «Оку Ормузда». Картина была до того великолепна, что на минуту всё примолкло на палубе; даже красноносый старый матрос, суевившийся возле нас с канатом, приостановил работу и, крикнув, одобрительно кивнул солнцу головой.

Пробираясь тихо и осторожно вдоль столь же прелестного, как и коварного залива, мы имели ещё довольно времени любоваться его окрестностями. Направо от нас виднелась группа островов, во главе которой высится головообразный Гхарипури, или Элефанта, со своим глубокой древности храмом. *Гхарипури* в переводе означает «город пещер» – по мнению ориенталистов, «город очищения» – коли верить туземным санскритологам. Этот высеченный неизвестною рукой в самой сердцевине скалы храм из камня, похожего на порфир, давно уже служит яблоком раздора для археологов, из коих ни один не был доселе в состоянии определить даже приблизительно его древность. Высоко вздымается скалистое чело Элефанты; густо обросло оно вековым кактусом, а под челом, у самого подножия скалы, высечены два придела и главный храм... Словно сказочный Змей Горыныч, широко разинул он чёрную зияющую пасть, как бы готовясь поглотить дерзновенного, пришедшего выведать сокровенную тайну титана; и скалит он на пришельца два уцелевшие, потемневшие от времени длинные зуба, – две громадные колонны, поддерживающие при входе небо чудовища...

² В это время Блаватская уже была гражданином Соединённых Штатов Северной Америки. – *Прим. ред.*

Сколько поколений индусов, сколько рас простиралось во прахе пред *Тримурти*, тройным божеством твоим, о Элефанта!.. Сколько веков понадобилось слабому человечеству, дабы прорыть в порфирном чреве твоём весь этот город пещерных храмов и мраморных пагод и изваять твои гигантские идолы? Кто может это знать теперь! Много лет прошло с тех пор, как виделись мы с тобою в последний раз, древний и таинственный храм! А все те же беспокойные мысли, те же неотвязные вопросы волнуют меня теперь, как и тогда, и остаются всё же безответными... Через несколько дней опять увидимся мы с тобой; снова взгляну я на твоё суровое изображение, на твой гранитный тройной лик в 19 футов вышины, чувствуя столь же мало надежды когда-либо проникнуть тайну бытия твоего!.. Эта тайна попала в верные руки ещё за три века до нашего столетия. Недаром старый португальский летописец дон Диего де Кута похвально (8 декада, книга III, глава XI) тем, что «большой квадратный камень, вделанный над аркой пагоды с чёткою и крупною на нём надписью, был выломан и послан королю дом Жуану III, а затем таинственно исчез... и добавляет далее: «Возле этой большой пагоды стояла другая... и даже третья... самое изумительное строение на острове как по красоте, так и по неимоверно громадным размерам своим и богатству материала. И на эти-то постройки сатаны наши (португальские) солдаты накинулись с такою яростью, что в несколько лет не осталось от них камня на камне».

А главное, не осталось надписей, кои могли бы дать ключ ко многому. Вследствие этого фанатизма португальских вандалов, хронология пещерных храмов Индии должна остаться для археологического мира навеки загадкой, начиная от браминов, которые уверяют туристов, будто элефантскому храму 374 000 лет, и кончая Фергюсоном, доказывающим, что этот храм был высечен чуть ли не в XII веке по Р. Х.³ Куда ни загляни в историю, всюду одни гипотезы, мрак. И, однако же, о Гхарипури упоминается в эпической поэме *Махабхарата*, написанной, по мнению Колебука и Уилсона, задолго до царствования Кира. В другой древней легенде говорится, будто храм Тримурти на Элефанте построен ещё сыновьями *Панду*, изгнанными по окончании войны, воспетой в *Махабхарате* – между династиями Солнца и Луны – восторжествовавшей расой Солнца: раджпуты (потомки последнего) воспевают ещё до сей поры победу свою над врагами. Но и в их народных песнях нет ничего положительного. Прошли и ещё пройдут столетия, а вековая тайна так и умрёт в скалистой груди пещеры...

Налево, как раз против Элефанты, через залив и как бы в контраст всей этой древности и величю, растянулся Малабарский холм, жилище современных европейцев и богачей туземцев. Их ярко расписанные *бэнглоу* (бунгалю) утопают в зелени индийской смоквы, баньяновых и других дерев; а прямые высокие стволы кокосовых пальм покрывают бахромой верхушек своих весь гребень холмистого мыса.

Остров Бомбей, называемый туземцами «Мамбе», получил своё название от богини *Мамба* – на маратском языке *Махима*, или «амба», «мама» и «амма», смотря по диалекту – слово, означающее буквально: «Великая Мать». Едва сто лет назад, там, где теперь городская эспланада, стоял храм, посвящённый «Мамбе Дэви». С невероятными затруднениями и издержками перенесли его ближе к берегу, близ крепости, и поставили против храма Болешвара, *Владыки Невинных*, – одно из названий бога *Сивы* или, вернее, *Шивы*. Бомбей составляет часть значительной группы островов. Между ним и материком немного узкий при входе рукав реки постоянно расширяется; затем, снова суживаясь, далеко впивается между вогнутыми боками обоих берегов, составляя таким образом бесподобнейшую в мире гавань. Недаром изгнанные англичанами португальцы прозвали её «*Buon Bahia*», т. е. хорошим заливом.

В припадке туристского восторга некоторые путешественники сравнивали бомбейский порт с неаполитанским. Но оба, в сущности, столь же похожи друг на друга, как *лазарони* похож на *кули*; всё сходство между последними в цвете кожи, а между портами – в воде. В

³ *Rock-cut Temples of India.*

Бомбее, как и в его гавани, всё оригинально и самобытно, ничто не напоминает даже южной Европы. Взгляните на эти каботажные суда и рыбацьи лодки: оба построены наподобие птицы, и обоим служила моделью морская птица *cat*, нечто вроде рыболова. Такая лодка, особенно на ходу, олицетворение грации; в движении она словно плывёт задом, а странной формы косоугольный (латинский) парус прикреплен к высокому шесту острою вершиной вверх, словно два крыла. С широко раздутыми на обе стороны крыльями, такое туземное судно, при попутном ветре и пригнувшись носом почти в уровень с водой, летит с изумительною быстротой.

Окрестности залива перенесли в то утро наше воображение в одну из волшебных стран «Арабских сказок».⁴ Далеко тянулась вдоль восточной стороны города горная цепь Гхат, с перемежающимися её почти столь же высокими холмами. От подножия до скалистых, фантастически торчащих вершущек своих, эти холмы обросли дремучим лесом и непроходимыми джунглями, где живут хищные звери, а народное воображение одарило каждую скалу своей особенной легендой. Весь скат усеян пагодами, минаретами и храмами всевозможных сект. Там и сям, горячо обливаемая утренним солнцем, торчала древняя крепость, когда-то грозная и неприступная, теперь же полуразрушенная и обросшая непроницаемым кактусом. Что ни шаг, то чья-либо святыня. Здесь – далеко уходящая внутрь горы «вихара», колья буддийского *бикшу*; там скала, осенённая символом бога *Шивы*; далее – капище джайнов; заросший тиной священный *танк* – пруд, наполненный благословенною брамином и поэтому очищающею ото всякого греха водой – непременная принадлежность каждой пагоды. Все окрестности, вся страна усеяна символами богов и богинь; каждое из 33 миллионов божеств индийского Пантеона имеет в чем-нибудь своего представителя или что-нибудь посвящённое себе: кусок камня, цветок, дерево, птицу. Вот на западной стороне Малабарского холма выглядывает «Валукешвара», храм *Владыки из песка*.

Толпы индусов обоёго пола, блистая на солнце золотыми кольцами на пальцах ног и рук, браслетами от кисти рук до локтей и от щиколотки до икр ног, со свежеразрисованными красною, жёлтою и белою красками священными сектантскими знаками на лбах, в ярких тюрбанах и белоснежных одеяниях, тянутся длиною вереницей к знаменитому храму.

Индия – страна легенд и таинственных уголков. Нет в ней развалины, нет памятника или леска, чтобы не было у него своей истории. А главное, как обыкновенно ни опутана последняя паутиной народной фантазии, всё гуще свиваемой с каждым последующим поколением, но трудно, однако, указать хоть на одну такую, которая не была бы основана на каком-нибудь историческом факте. С терпением, а главное с помощью учёных браминов, раз войдя в их доверие и дружбу, всегда возможно докопаться до истины. Но уж, конечно, не англичанам, с их высокомерием и явно выказываемым презрением к «побеждённой расе», ожидать чего-либо подобного. Поэтому-то между *официально* расследованной Индией и (если дозволено так выразиться) *подземной*, настоящей Индией такая же разница, как между Россией в романах Дюма-рёге и настоящей *русской* Россией.

Ещё далее по той же дороге стоит парсийский храм огнепоклонников. У алтаря его горит неугасаемый огонь, ежедневно пожирающий пуды сандалового дерева и ароматических трав. Зажжённый триста лет тому назад священный огонь ещё ни разу не потухал, невзирая на беспорядки, сектантские распри, ни даже на войну. Парсийцы весьма гордятся этим храмом *Заратушты*, как они называют Зороастра. Рядом с этим – храмы индусов, разукрашенные как красная писанка. То капища, чаще всего посвящённые Хануману, богу-обезьяне и верному союзнику бога Рамы, или же какому другому божеству, как, например, слонголовоу Ганеше (бог тайной мудрости), или одной из *дэви*. Подобные храмы встречаются на всех улицах. Пред каждым ряд столетних пипал (*Ficus religiosa*), без которых не обойдётся ни один храм, так как эти деревья служат любимым жилищем для стихийных духов и грешных душ. Всё это перемешано,

⁴ Так в английском переводе называются сказки «Тысяча и одной ночи». – Прим. ред.

спутано и разбросано, являясь пред глазами внезапно, как картина во сне... Тридцать столетий оставили своих представителей на этих островах. Природная лень и сильно присущее Индии чувство консерватизма сохранили ещё до европейского вторжения эти памятники буддистов и других неприязненных браминам сект даже от разрушительного мщения фанатиков. По природе индус неспособен на бессмысленный вандализм, и френолог напрасно отыскивал бы на его черепе шишку разрушения. Если столько древностей и незаменимых памятников старины, пощаженных рукой времени, теперь искажены, разрушены и даже совсем попорчены, то разрушителями их постоянно являлись если не мусульмане, то португальцы, под руководством иезуитов.

Красота Бомбейского залива далеко, однако, не искупает, со стратегической точки зрения, слабостей его порта. Эта слабость, которую, впрочем, никто кроме специалиста никогда бы и не заметил, странно указывается самими же англичанами. И с чужестранцами толкуют они о ней, и рассуждают об этом в газетах, и даже горько жалуются на неё в своих «гидах».

А между тем, описывая так подробно свои слабейшие пункты, англо-индийцы видят в каждом невинном туристе из других государств – шпиона. Проехала здесь, года два назад, русская артистка, пианистка m-lle Olga Duboin, и пожелала прокатиться по Индии; двадцать сыщиков тайной полиции, как тени, следили за ней по пятам. Явился немец-живописец, уроженец Петербурга, но еле говорящий по-русски (г. Орас фан-Руит), изучать типы Индостана; шпионы переодеваются и являются к нему, предлагая себя в модели. Приехала партия, состоящая из американского полковника, чистейшего янки, двух англичан из Лондона – ярых патриотов, но либералов, и американской гражданки, хотя и *русской* по рождению, и вот национальность последней подымает на ноги всю полицию! Напрасно было бы доказывать, что эти туристы единственно заняты метафизическими спекуляциями о мирах неведомых, и что они не только не интересуются политикой земного мира, но что их русская спутница даже и «аза в ней не смыслит». «Коварство России давно вошло в пословицу», отвечают ей.

Эта национальная черта англичан кричать «караул, режут», тогда их никто и не думает трогать, – отвратительна. Она в них особенно развилась со времён Биконсфильдского премьерства. Но если эта черта замечательна даже в Англии, то с чем же сравнить её в Индии? Здесь подозрительность перешла в мономанию: англо-индийцы готовы видеть шпионов России даже в собственных сапогах, и они упиваются этой идеей до чёртиков.

Следят за каждым новопривывшим из одной провинции в другую, даже если бы то был и англичанин. У народа не только отняли всякое оружие, но даже лишили последнего топора и ножа. Крестьянину нечем ни дров нарубить, ни защититься от тигра. Но англичане всё ещё дрожат. Правда, что их здесь всего 60 000, в то время как туземного населения насчитывают до 245 миллионов. Да и система их, перенятая ими от искусных укротителей зверей, хороша лишь, доколе зверь не почувет, что его укротитель, в свою очередь, трусит... Тогда горе ему! Во всяком случае подобное постоянное выказывание хронического страха обнаруживает лишь сознание собственной слабости.

Наконец мы бросили якорь, и в одну минуту сотни тощих, голых индусов, могулей, парсийцев и других народов атаковали как наш багаж, так и нас самих. Вся эта ватага мгновенно выскочила как бы со дна морского; защebetала, зачирикала, залопотала и стала голосить, как умеют голосить одни азиатские народы. Чтобы скорее избавиться от подобного Вавилонского столпотворения, грозившего оглушить нас навеки, мы бросились в первый попавшийся бундер-бот и отчалили.

Едва успели мы войти в густой, заросший сад нашего будущего жилища, как с каждого дерева послетала с пронзительным карканьем стая ворон: птицы эти окружили нас, прыгая на одной ноге. Чудилось нечто положительно *человеческое* в позе хитро склонённой на бок головы *пьяной* птицы, и чисто дьявольское выражение светилось в лукавом глазе, оглядывающем нас снизу вверх...

II

Индусский храм в Центральной Индии

Мы занимали три маленькие *бэнглоу*, утопающие как гнёзда в зелени сада, с крышами, буквально покрытыми розами, растущими на трёхсаженных кустах, и с окнами, затянутыми кисейй, вместо обычных рам и стёкол. Эти бунгало находились в туземном квартале. Таким образом мы были разом перенесены в настоящую Индию: мы жили в Индии, и отнюдь не как англичане, лишь издали *окружённые* Индией; мы могли изучать её нравы, обычаи, религию, суеверия и обряды, знакомиться с её преданиями, словом, жить в одном кругу с индусами, в кругу заколдованном и недоступном англичанам, как вследствие вековых предрассудков туземцев, так и по собственному высокомерию англо-саксонской расы.

Всё в Индии, в стране слона и ядовитой кобры, тигра и неудачного английского миссионера, всё своеобразно, странно; всё кидается в глаза чем-то непривычным и неожиданным даже для того, кто побывал в Турции, Египте, Дамаске и Палестине. В этих тропических странах условия природы до того разнообразны, что делается понятным, почему все формы бытия в животном и растительном царствах должны различаться от тех же форм, к которым мы так привыкли в Европе. Взгляните: вот идут женщины к колодезю через частный, но всем открытый сад, где пасутся чьи-то коровы. Кому не случалось встречать женщин, видеть коров и любоваться садом? Кажется, вещи самые обычные; но стóит лишь взглянуть в них внимательнее, чтобы тотчас же сообразить всю громадную разницу между этими самыми предметами в Европе и Индии. Нигде человек не чувствует так своего ничтожества, своей слабости, как пред этою величественною природою тропиков. Прямые, как стрелы, стволы кокосовых пальм достигают иногда 200 футов вышины; эти «принцы растительного царства», как назвал их Линдлей, увен-

чанные короной длинных ветвей – кормилицы и благодетели бедного народа: пальмы доставляют ему и пищу, и одежду, и кров. Самые высокие наши деревья показались бы карликами пред баньяном и особенно пред кокосовыми и другими пальмами. Наша европейская корова, приняв индусскую свою сестру сперва за телёнка, тотчас же отказалась бы от родства с нею, так как ни мышиный цвет шерсти, ни прямые, как у козла, рога, ни большой на спине её горб (как у американского бизона, но без его гривы) не позволил бы ей впасть в подобную ошибку. Что же касается женщин, то хотя каждая из них способна привести любого художника в восторг своими движениями, костюмом, грацией, тем не менее от нашей румяной и деблой какой-нибудь Анны Ивановны ни одна из красавиц Индостана не дождалась бы ни ласки, ни привета: «Ведь экая срамота, прости Господи, глядишь: баба-то совсем голая!» Мнение нашей русской женщины 1879 года вполне согласовалось бы на этот счёт с таковым же мнением знаменитого русского странника XV столетия, «грешного раба Божия Афанасия, сына Никитина, из Твери». Совершив «грешное странствовало» своё по трём морям: морю Дербентскому, сиречь «Дорьи Хвалиской», морю Индии, «Дорьи Иондустанской», морю Чёрному или «Дорьи Стамбульской» (Стамбул), – Афанасий Никитин прибыл в Чаул⁵ (или, как он называет его, *Чевиль*) в 1470 году и описывает Индию в следующих словах: «Сия есть земля Индейская. Люди в ней ходят голые, с непокрытыми головами и голыми грудями; с волосами заплетёнными в одну косу. Жёны здесь рожают детей каждый год и ребят у них много; мужи и жёны чёрные. Их князь носит одну фату на голове, а другую обматывает промеж ног; бояре носят её на плечах (т. е. брамины, носящие шарф через плечо), а княгини – на плечах и вокруг поясицы; но все босые. Жёны прохаживаются простоволосые и с голыми грудями. Мальчики и девочки ходят до семи лет совершенно наги и стыда своего не скрывая...»⁶ Всё это описание совершенно верно; только относительно их *бескостюмия* Афанасий Никитин не совсем-то прав: описание его может относиться лишь к низшим и беднейшим кастам. Эти действительно прохаживаются в одной «фате»; да и *фата* – то эта до того бедна, что часто представляет собою лишь тесёмку. Но у женщин она состоит из куска материи иногда до 15 аршин длины; один конец служит короткими шароварами, а другим прикрывается грудь и голова на улице, хотя лица всегда открыты; причёска же напоминает греческий шиньон. Ноги ниже колен, руки до плеч и поясица всегда голые. Да и ни одна здесь честная женщина не согласится надеть башмаки: последние составляют принадлежность и отличительную черту только «нечестных» туземок. В южной Индии, напротив, башмаки дозволены лишь жёнам и дочерям браминов. Когда не так ещё давно жена мадрасского губернатора вздумала, под влиянием миссионеров, хлопотать в пользу закона, обязующего женщин покрывать грудь, то дело дошло почти до революции: ни одна женщина на это не согласилась, так как верхнее платье здесь носят лишь публичные танцовщицы. Проект, к великому горю миссионеров и благородных леди, провалился; правительство скоро поняло всё неблагоприятное восстановлять против себя женщин (которые в иных случаях гораздо опаснее своих мужей и братьев) покушением уничтожить обычай, предписанный законом Ману и освящённый трехтысячелетнею давностью.

В течение более двух лет до нашего выезда из Америки мы находились в постоянной переписке с одним учёным, известным даже в Европе, брамином, слава которого гремит в настоящее время по всей Индии. Этот брамин, под руководством которого мы приехали изучать древнюю страну ариев, «Веды» и трудный язык её, пандит Дайананд Сарасвати, свами.⁷ Он считается величайшим санскритологом современной Индии. Пандит этот составляет для всех непроницаемую загадку: выступив лет пять тому назад на арену реформаторства, он, как древ-

⁵ В 30 милях от Бомбея. Чаул был при португальцах цветущим и богатым городом.

⁶ За неимением в руках подлинника, с английского перевода графа Вильгорского, в «*India in the XV century*», by R. F. Major, London, 1869, part. III, p. 8 & 9.

⁷ *Свами* (Swami) называются здесь учёные анахореты, посвящённые в таинства своей религии, недоступные остальным смертным; это безбрачные монахи, отличные от «нищенствующей» братии, от так называемых *саньяси* и *госсейнов*.

ние «гимнософисты» (упоминаемые греческими и римскими писателями), жил до того времени отшельником в «джунглях», а затем, под руководством мистиков и анахоретов,⁸ изучал главные философские системы *Арьяварты* и тайный смысл «Вед». С первых дней своего появления он поразил всех, и его тотчас прозвали Лютером Индии. Странствуя из одного города в другой, сегодня на юге, завтра на севере, переносясь с невероятною быстротой с одного конца страны на другой, он исходил весь полуостров от мыса Кумари до Гималаев и от Калькутты до Бомбея, проповедуя *единство божества* и доказывая с «Ведами» в руках, что в этих древних писаниях нет ни одного слова, могущего быть перетолкованным в смысле политеизма. Гремя против идолопоклонства, великий оратор восстаёт всеми силами против каст, раннего брака и суеверия. Карая всё это зло, привитое к Индии столетиями фальшивой казуистики и лжетолкованием «Вед», он прямо и бесстрашно укоряет в нём браминов, обвиняя их пред массаами народа в унижении родины, когда-то великой и независимой, теперь павшей и порабождённой. Но Великобритания имеет в нём не врага, а пожалуй даже и защитника. Он не только не подстрекает народ к бунту, но, напротив, говорит ему прямо: «Прогоните англичан, и завтра и вы, и я, и все мы, восстающие против идолопоклонства браминов и зол мусульманского деспотизма, будем перерезаны как бараны. Мусульмане сильнее идолопоклонников, но последние сильнее нас...» И однако же англичане так мало понимают свою выгоду, что два года тому назад, в Пуне, где народ разделился на две партии: реформаторов и идолопоклонников-консерваторов, когда партия первых развозила своего проповедника с торжеством и ликованиями на слоне, а другая бросала в него камнями и грязью, то вместо того, чтобы защищать Дайананда, она выслала его из города, запретив ему впредь являться туда.

Много горячих диспутов держал пандит с браминами, этими коварными врагами народа, и всегда выходил победителем. В Бенаресе к нему подослали убийц; но преступление не удалось. В одном местечке Бенгалии, где он особенно резко нападал на фетишизм, какой-то фанатик ловко бросил ему на голые ноги огромную змею кобру-дикапеллу, укушение которой причиняет в три минуты смерть и от которого медицина до сих пор не знает спасения. «Да решит наш спор сам бог *Васуки!*»⁹ воскликнул поклонник Шивы, уверенный, что его воспитанная и дрессированная для таинств змея тут же покончит с оскорбителем её святыни. «Да», спокойно ответил Дайананд, стряхнув сильным движением ноги обвиняющуюся вокруг неё кобру, «только твой бог слишком медлил; спор решаю я...» И быстрым, могучим движением пятки раздавил голову змеи. «Идите», добавил он, обращаясь к народу, «и поведайте всем, как легко погибают фальшивые боги!»

Благодаря превосходному знанию санскритского языка, пандит оказывает великую заслугу как народу, рассеивая его невежество насчёт монотеизма Вед, так и науке, указывая, что такое именно брамины, единственная каста в Индии, имевшая в продолжение столетий право изучать санскритскую литературу и толковать «Веды» и воспользовавшаяся этим правом лишь для собственного интереса. Задолго ещё до появления таких учёных ориенталистов, как Бюрнуф, Колебрук и Макс Мюллер, было немало туземных реформаторов, старавшихся доказать чистый монотеизм учения «Вед». Являлись и основатели новых религий, отрицавшие откровение этих писаний, как, например, раджа Рамохун Рой, а за ним бабú Кешуб-Чен-

⁸ Между индусами укоренилось древнее поверье, что на Бхадринатских высотах (22 000 футов над уровнем моря) существуют пространные подземные жилища, обитаемые этими анахоретами уже несколько тысяч лет. *Бхадринат* (в северном Индостане на правом берегу реки Бишегунги) знаменит своим храмом Вишну, построенным в самом центре города; внутри храма бьют несколько горячих минеральных источников. Около 50 000 пилигримов ежегодно посещают это место: воды источника очищают их от грехов.

⁹ *Васуки* – змея, обвивающая на идолах шею бога Шивы и обоготворенная мифологией браминов, так же как и змей *Ананда*, на котором изображён лёжа бог Вишну. В конце июля, когда совершается празднество *Наг*, или змий, на всех площадях в улицах приготовлены сосуды с молоком, и змеи сотнями приносятся профессиональными «заклинателями» во все города и деревни. В этот день Индия откармливает своих пресмыкающихся «богов», а европейцы боятся выйти из дому.

дер-Сен, оба калькуттские бенгалцы.¹⁰ Но ни те, ни другие не имели положительного успеха: они только к бесчисленному множеству других сект Индии прибавили новые. Рамохун Рой умер в Англии, не успев ничего сделать, а преемник его, Кешуб-Чендер-Сен, установив «церковь Брахмо-Самадж», в которой исповедуется религия, извлечённая из глубины собственного воображения бабу, бросился в самый отвлечённый мистицизм и теперь оказывается «одного поля ягода» со спиритами, которые его считают за медиума и провозглашают калькуттским Сведенборгом.

Таким образом, все попытки возобновить чистый первобытный монотеизм арийской Индии оставались до сей поры более или менее тщетными. Они разбивались, как волны, о неприступную скалу брахманизма и веками вкоренившихся предрассудков. Но вот неожиданно-негаданно является пандит Дайананд. Никто даже из самых приближённых к нему учеников не знает, кто он и откуда он. И сам он откровенно сознаётся перед народом, что даже имя, под которым они его знают, ему не принадлежит, а дано ему при посвящении его в *йоги*.¹¹ Знают одно: такого учёного санскритолога, глубокого метафизика, удивительного оратора и бесстрашного карателя всякого зла, Индия не видала со времён «Шанкарачарьи», знаменитого основателя философии *веданты*, самой метафизической из всех систем Индии, венца пантеистического учения. К тому же наружность Дайананда поразительная: громадный рост, бледная (скорее европейская, нежели индийская) смуглость лица, большие чёрные искромётные глаза и длинные чёрные с проседью волосы.¹² Голос у него чистый, звучный, способный передавать оттенки всякого внутреннего чувства, переходящий от нежного, почти женского шёпота, увещания, до громоподобных раскатов гнева против злоупотреблений и лжи презренного жречества. Всё это взятое вместе неотразимо влияет на нервного, мечтательного индуса. Всюду, где бы ни появился свами Дайананд, толпы падают пред ним ниц и простираются во прахе ног его. Но он не проповедует им, как, например, бабу Кешуб-Чендер-Сен, новой религии, не учит их новым догматам; он только просит их обратиться к санскритскому, почти забытому языку и, сравнив учение праотцев их, арийской Индии, с учениями Индии браминов, вернуться к чистым воззрениям на божество первобытных риши (*rishis*): Агни, Вайю, Адитьи и Ангиры.¹³ Он даже не учит, как другие, что «Веды» были-де получены откровением свыше; он учит, что «всякое слово в „Ведах“ принадлежит к высшему разряду божественного вдохновения, *возможного* человеку на этой земле, – вдохновению, повторяющемуся в истории всего человечества, в случае надобности, и между другими народами...»

В эти последние пять лет у свами Дайананда насчитывают около двух миллионов новообращённых, большею частью из высших каст. Последние, по-видимому, готовы положить за него все до одного и жизнь, и душу, и даже самоё состояние, что для индуса часто бывает драгоценнее самой души. Но Дайананд, как истый йог, до денег не дотрагивается, денежные дела презирает и остаётся довольным несколькими горстями риса в день. Словно заколдована жизнь этого удивительного индуса, так беспечно играет он самыми худшими человеческими страстями, возбуждая во врагах своих самый бешеный и столь опасный в Индии гнев. Мраморное изваяние не оставалось бы спокойнее Дайананда в минуты самой ужасной опасности. Мы один

¹⁰ В настоящее время этот последний совершенно сошёл с ума, сделался каким-то пляшущим дервишем и, сидя в грязном бассейне, прославляет Чайтанию, Коран и Будду, а себя называет пророком.

¹¹ *Патанджали*, основатель одной из шести главных философских систем древней Индии, учредил мистическую школу под названием «школа *йогов*». Думают, что и неоплатоники Александрийской второй и третьей школы были последователями индийских *йогов*, особенно их теургии, вывезенной, по преданию, из Индии, Пифагором. Есть ещё и в настоящее время сотни *йогов* в Индии, усердно следующих системе Патанджали и – если верить им – имеющих общение с *Брахмой*. Однако большая часть их тунеядцы, и хотя «нищие» по призванию, но плуты вследствие ненасытной жажды индусов к чудесному. *Настоящие* же *йоги* не являются публично, но живут в полном уединении и проводят всю жизнь в учении, кроме особых случаев необходимости, какому покорился Дайананд, явившийся «спасти свою страну».

¹² Йоги и дикшаты («посвящённые») носят волосы длинные, не обрезая ни бороды, ни усов.

¹³ По преданию, четыре книги «Вед» были переданы людям этими четырьмя патриархами.

раз видели его на деле: отослав всех приверженцев своих и запретив им следовать за ним либо заступаться за него, он остановился один пред разъярённою толпой и спокойно смотрел в глаза чудовищу, готовому прыгнуть и разорвать его на куски... Два года тому назад он начал переводить с собственными, совершенно новыми комментариями «Веды» с санскритского на язык *хинди* – самый распространённый здесь диалект. Его *Веди-Бхашия*¹⁴ служит неисчерпаемым источником учёности самого Макса Мюллера, в переводах немецкого санскритолога, который постоянно переписывается и советуется с Дайанандом. Ему также многим обязано другое светило по части ориентализма – Монье Уильямс, профессор в Оксфорде, который, побывав в Индии, лично познакомился с пандитом Дайанандом и его учениками.¹⁵

Но здесь необходимо небольшое отступление.

Лет пять тому назад в Нью-Йорке образовалось общество образованных, энергических, решительных людей. Один остроумный учёный прозвал этих людей «членами Общества *des Malcontents du spiritisme*». Основатели этого клуба были люди, верившие в феномены *спиритуализма*, как и в возможность всяких других феноменов в природе, но вместе с тем отвергавшие теорию «о духах». Люди эти взирали на современную психологию как на науку, стоящую ещё на самой первоначальной ступени развития, находящуюся в совершенном неведении относительно «духовного человека» и, притом, отвергающую в лице многих своих представителей всё то, чего она сама не может разом объяснить по-своему.

С первых же дней основания этого Общества (Теософического) к нему примкнули многие из самых учёных людей Америки. Члены эти разнились в своих понятиях и взглядах не менее членом любого географического или археологического общества, столько лет ссорившихся, например, из-за истоков Нила или египетских иероглифов. Но как в отношении к устьям и иероглифам все единодушно соглашались, что раз существуют воды Нила и пирамиды, то где-нибудь да находятся и эти истоки, и ключ к иероглифам; так точно и в отношении к феноменам *спиритизма* и *магнетизма*. Феномены ждали лишь своего Шампольона, а Розетский Камень следовало искать не в Америке или Европе, а в странах, где ещё верят в магию, где местным жречеством производятся «чудеса» (в которые общество не верило) и куда ещё не проникал холодный материализм науки, словом – на Востоке. «Ламо-буддисты», рассуждал совет Общества, «не верят ни в Бога, ни в личную индивидуальность человеческой души, но они славятся своими феноменами; а „месмеризм“ известен и практикуется в Китае под названием *инь* и *янь* уже много тысяч лет. В Индии боятся и ненавидят столь уважаемых спиритами духов, но их простые, невежественные факиры производят «чудеса», ставящие в тупик самых учёных исследователей и приводящие в отчаяние известнейших в Европе фокусников. Многие из членом Теософического общества бывали в Индии, многие родились там и самолично неоднократно присутствовали при «колдовствах» её браминов. Основатели этого клуба, глядя на современное невежество относительно духовной стороны человека, рассуждали, что должен же когда-нибудь метод сравнительной анатомии Кювье быть допущенным и в метафизике и перейти из области *физической* в область *психологической* науки и на таких же дедуктивных и индуктивных началах, как и в первом случае; иначе психиатрия не сделает ни одного шага вперёд и запрудит даже и другие науки естествознания. Мы уже видим, как физиология малопомалу захватывает не принадлежащие ей права охотиться во владениях чисто метафизических, абстрактных знаний, притом делая всё время вид, будто бы и знать ничего не хочет о

¹⁴ Издаётся и выходит ежемесячно в Бомбее; подписная плата идёт на устройство школ и библиотек для *Арий-Самадж*, Бомбей. *Ария-Самадж* – буквально «общество» или скорее, «братство ариев». Этим школ и библиотек учреждено теперь пандитом Дайанандом более 60 во всей Индии. Все они содержатся на собственные средства; санскритский язык в них обязателен.

¹⁵ В продолжение двухлетнего своего пребывания в Индии Уильямс усиленно искал себе помощника для переводов с санскритского. Ему наконец удалось привлечь лучшего из учеников Дайананда, молодого пандита Шамджи Кришнаварму. Юный индус недавно уже отправился в Оксфорд пожинать лавры для учёного английского санскритолога. В настоящее время он сделался оксфордскою знаменитостью. В два года изучил превосходно латинский и греческий языки и сдал блистательно трудный экзамен, оставив далеко позади себя всех юных лордов. О нём говорят постоянно английские журналы.

последних, и, втеснив их в неподдающееся её страданиям Прокрустово ложе естествоведения, старается подвести психологию под итог *точных наук*.

В скором времени Теософическое общество стало считать своих членов не сотнями, а тысячами. Все «malcontents» спиритуализма в Америке (а там считается спиритуалистов 12 миллионов) присоединились к помянутому Обществу. Между тем установились коллятеральные¹⁶ ветви его в Лондоне, Корфу, Австралии, Испании, Кубе, Калифорнии и пр.¹⁷ Производились эксперименты, и всё более приходили к убеждению, что *не одни же «духи» производят феномены*.

Наконец основалась ветвь Теософического Общества и в самой Индии, и на Цейлоне.¹⁸ В числе членов Общества постепенно стало оказываться больше буддистов и брахманистов, нежели европейцев. Составился союз, и к имени общества было добавлено название «Brotherhood of Humanity» (братство человечества). Вступив в деятельную переписку с вождями религиозных и реформаторских партий *Ариш-Самадж* (то есть Общества арийцев), основанной свами Дайанандом, все слились с Теософическим обществом. Затем главный совет Нью-Йоркского Общества решил отправить в Индию делегацию с целью изучения на месте, под руководством санскритологов, древнего языка «Вед», рукописи и «чудес» *йогизма*. Для этого избраны президент Нью-Йоркского общества, два секретаря и два советника. И вот 17 декабря 1878 года «миссия» отплыла из Нью-Йорка в Лондон и затем в Бомбей, куда и прибыла в феврале 1879 года.

Понятно, что при таких благоприятных обстоятельствах члены помянутой миссии в состоянии изучать страну и производить исследования тщательнее, нежели кто-либо другой, не принадлежащий к Обществу. На них взирают, как на «братьев», и им помогают самые влиятельные туземцы Индии. Они имеют членов между пандитами Бенареса и Калькутты, между первосвященниками буддистских *вихар* Цейлона (учёный «Сумангала», между прочим, глава пагоды на Adam's Peak, о котором упоминает г. Минаев в своём путешествии), среди лам Тибета, в Бирме, Траванкоре и т. д. Членов миссии допускают в святилища, где ещё не была нога европейца; поэтому они смело могут надеяться, что, несмотря на неохоту представителей *точных наук* и их недоброжелательство к ним, верующим, они будут в состоянии оказать более одной услуги миру и науке.

Тотчас по приезду в Бомбей мы намеревались ехать лично знакомиться с Дайанандом и поэтому немедленно отправили к нему телеграмму. В ответ он нас известил, что ему необходимо ехать в Хардвар (Hurdwar), куда стекалось в этот год несколько сот тысяч пилигримов. Он просил нас вместе с тем не приезжать в Хардвар, так как там непременно должна появиться холера, и назначил нам чрез месяц местом свидания местечко у подножия Гималаев, в Пенджабе. Таким образом нам оставалось довольно времени осмотреть все достопримечательности Бомбея и его окрестностей.

Решив наскоро осмотреть первый, мы согласились ехать потом, не теряя времени, в Декан, на большой храмовой праздник в *Карли*,¹⁹ старинный пещерный храм буддистов, по уверению одних, – браминов, как доказывают другие. Затем, посетив Танну, на острове Саль-

¹⁶ Побочные (англ.). – Прим. ред.

¹⁷ В Теософических обществах Лондона насчитывают не менее семи членов Королевского общества меж сотен других известных в области науки и литературы людей. К F. R. S. (Fellow Royal Society) прибавляют F. T. S. (Fellow Theosophical Society). Сын одного известного члена парламента – президент Лондонского общества, а президент «Eclectic Theosophical Society» Симлы бывший министр (Secretary for India) А. О. Юм.

¹⁸ В 1882 году в Индии было 36, а в Цейлоне 8 теософических обществ, основанных Американским обществом.

¹⁹ Эти религиозные сборища (*мелла*) назначаются по очереди в разных пунктах Индии и всегда в городах, история коих связана с каким-либо особенно священным преданием. В Хардваре подобная «мелла» назначается каждые 12 лет. На эту религиозную *ярмарку* стекаются представители всевозможных сект и держат диспуты, после учёных диссертаций, каждый в защиту своей особенной секты. Одних *саньяси* – «монашествующих нищих» – было там в 1879 году до 35 000. Холера действительно появилась.

сетте, и храм Каннари, мы намерены были отправиться в столь прославленный Афанасием Никитиным Чаул.

А пока поднимемся на вершины Малабарского холма, к «Башне Молчания», последнему жилищу каждого из сынов Зороастра.

«Башня Молчания», как сказано, кладбище парсов. Тут богатый и убогий, *набоб* и *кули*, мужчины, женщины и дети – все кладутся рядом, и от каждого из них *через несколько минут* остаются лишь одни скелеты... Странное, тяжёлое впечатление производят на иностранца эти «башни», где действительно целые века царствует гробовое молчание. Подобные строения рассеяны повсюду, где только живут и умирают парсы, особенно в Сурате. Но в Бомбее из шести таких башен самая большая выстроена 250 лет тому назад, а следующая за ней по величине даже очень недавно. Это круглые, иногда и четырёхугольные строения без крыш, без окон, без дверей, от 20 до 40 футов вышины и с одним лишь закрытым кустами отверстием на восток, состоящим из толстой железной дверцы. Первый труп, принесённый в новую *дакхму* (так называются эти башни), должен быть трупом невинного ребёнка и непременно дитяти «мобеда» (жреца). К этим башням, построенным в стороне, на холме и среди уединённого сада, никому не дозволяется подходить, даже главному смотрителю и сторожам, ближе как на тридцать шагов расстояния. Одни *нассесалары*²⁰ (носильщики трупов), ремесло коих наследственное и которым закон строго воспрещает заговаривать с живыми, дотрагиваться или даже подходить к ним, входят и выходят из «Башни Молчания». Входя, они вносят труп, безразлично богатого или бедного человека, завёрнутый в белые и самые старые тряпки; раздев его донага, они кладут его в тот или другой из трёх кругов и, не произнося ни слова, выходят в таком же молчании из башни, запирая её до следующего покойника, а саван – тряпки – тотчас же сжигают.

Смерть у огнепоклонников лишена всего своего величия, и труп возбуждает в них лишь одно омерзение. Коль скоро замечают, что наступает последний час больного, все домашние отделяются от него, как для того, чтоб не помешать душе освободиться от тела, так и затем, чтобы живому не оскверниться прикосновением к мёртвому. Один *мобед* шепчет на ухо умирающему напутственное из Зенд-Авесты наставление: «Ашем-Воху» и «Ято-ахуварье», и удаляется, пока отходящий ещё жив. Затем приводят собаку и заставляют её смотреть в лицо умирающему. Эта церемония называется *сас-дид* (собачий взгляд), так как собака единственное из живых существ, взгляда которого боится *друкс-насу* (злой демон), сторожащий умирающих, дабы завладеть их телом... Следует однако остерегаться, чтобы чья-нибудь тень не легла между мёртвым и собакой; иначе пропадает вся сила собачьего взгляда, и демон воспользуется благоприятною минутой. Где бы ни умер парс, там он и остаётся, пока за ним не явятся *нассесалары*, с руками, погружёнными до плеч в старые мешки. Положив покойника в железный закрытый гроб (один для всех), его относят в *дакхму*. Если б отнесённый в *дакхму* даже ожил (что нередко случается), он уж не выйдет более на Божий свет: *нассесалары* в таком случае убивают его. Кто раз осквернился прикосновением к мёртвым телам и побывал в «башне», тому возвращаться в мир живых уже невозможно: он осквернил бы всё общество.²¹ Родные следуют за гробом издали и останавливаются в 90 шагах от «башни». У отверстия, после последней молитвы, повторяемой хором носильщиками возле тела, а *мобедом* издали, ещё раз повторяется церемония с собакой. В Бомбее нарочно для этого дрессированная собака

²⁰ Положение этих несчастных людей гораздо хуже положения наших палачей. Живя совершенно отдельно от света, в глазах которого они верх всего осквернительного, они никогда не сообщаются с остальным миром. Не смея ничего покупать на базаре, они обязаны доставать себе пищу как знают. Они рождаются, женятся и умирают в отчуждении от прочих, проходя через улицы города лишь за покойником или с ним на пути в башню.

²¹ Вследствие нескольких таких несчастных случаев, парсы хлопочут о новом законе, который бы, во-первых, признал за оживающими право вернуться в мир живых и, во-вторых, обязал *нассесаларов* оставлять единственную дверцу башни незапертою на ключ, дабы дать средству несчастному экс-мертвецу спастись бегством. Странно, что коршуны, пожирающие немедленно покойника, никогда не тронут мнимого мертвеца и с криком отлетают в сторону.

держится на цепи у дворец башни. Затем *нассесалары* вносят тело внутрь и, вынув его из гроба, кладут на отведённое трупы, смотря по полу или возрасту, место.

Мы два раза присутствовали при церемонии «умирания» и один раз при «погребении», если позволено употребить подобное не подходящее к делу выражение. На этот счёт парсы гораздо снисходительнее индусов, считающих присутствие европейца осквернением их религиозных обрядов. Хоронили какую-то богатую женщину, и наш знакомый смотритель башни, Н. Байранжи, пригласил нас к себе в дом. Таким образом мы присутствовали при всех обрядах, находясь шагах в сорока от башни, на веранде бунгало нашего любезного хозяина. Сам он, хотя уже много лет служил при «башне», в неё никогда не входил и даже близко не подходил. Пока собака гладела на покойника, мы, признаться, с тайным чувством отвращения гладели, в свою очередь, на огромную стаю коршунов, летавших над *дакхмою*. Коршуны влетали в неё и снова вылетали с кусками окровавленного человеческого мяса в клюве... Эти птицы, которые ныне сотнями свили себе гнёзда над «Башней Молчания», привезены нарочно с этою целью из Персии, так как коршуны Индии оказались и не довольно хищными и слишком слабыми, чтобы справляться с окоченевшими трупами со скоростью, требуемою законом Зороастра. Говорят, будто процесс совершенного очищения костей от мяса требует не более нескольких минут...

По окончании обряда нас повели в другое здание, где на небольшом столе стояла превосходная деревянная модель *дакхмы* с её внутренним устройством. Таким образом мы могли легко сообразить, что в эту минуту происходило в башне. Представьте себе дымовую четверугольную трубу, стоящую на земле, и вы получите верное понятие об устройстве пустой «башни». В гранитном помосте, в самом центре, чернеет глубокий, безводный колодец, покрытый, как водосток, железною решёткой. Вокруг, на постоянно возвышающейся к стене покато-сти, окружая колодец тройным кольцом, прорыты три широкие круга; в каждом из них, отделённые одно от другого тонким простенком в два вершка вышины, находятся гробообразные места для тел. Таких мест 365. В первый круг или выбой (2 фута ширины) у колодца кладутся дети; в средний (в 4 фута) – женщины; в третий (5 футов ширины), расположенный у самой стены, – мужчины. Этот тройной круг служит типом трёх кардинальных у Зороастра добродетелей: «добрых дел, ласковых слов и чистых помышлений». Последний круг принадлежит детям, первый мужчинам.

Благодаря стаям голодных коршунов, менее нежели в час времени кости всегда обглоданы до последнего атома, а через две-три недели тропическое солнце сушит скелеты до такой хрупкости, что они при малейшем прикосновении обращаются в прах, а затем их уже сваливают в колодец. Ни малейшего запаха, ни малейшего предлога для чумы или другой эпидемии. Способ этот, пожалуй, ещё вернее телосожигания, которое всё-таки оставляет за собой в атмосфере *гота*²² хотя слабый, но дурной запах. Вместо того, чтобы кормить «мать сырую землю» падалью, парсы отдают *Армаити* (земле)²³ лишь совершенно очищенный прах. Почитание земли, предписанное им Зороастром, так велико у них, что они принимают всякие меры предосторожности, дабы не осквернить «Коровы-Кормилицы», дарящей их «стократ золотым зерном за всякое зерно». Во время муссона, когда дождь льёт в продолжение четырёх месяцев ливнем и, конечно, смывает все оставленные коршунами около трупов нечистоты в колодец, вода, стекая в него, всасывается в землю уже фильтрованная: всё дно колодца, стенки которого выложены гранитными плитами, покрыто с этою целью водоочистения песчаником и углём.

Менее мрачно и гораздо любопытнее зрелище *Пинжратала*, бомбейского «госпиталя для престарелых животных», существующего, впрочем, в каждом городе, где только живут *джайны*, о которых кстати здесь сказать несколько слов. По своей бесспорной древности эта

²² *Гота* – место, отведённое на берегу моря или реки для сожигания тел индусов.

²³ *Армаити* – буквально «Корова-Кормилица». Зороастр учит, что земледелие самое благородное и Богом любимое занятие. – *Ясна* (гимны).

секта здесь одна из самых интересных, она много древнее буддизма (появившегося около 543—477 до Р. Х.). *Джайны* похваляются тем, что религия Будды есть не что иное, как ересь джайнизма, так как Гаутама, основатель буддизма, был учеником и последователем одного из их главных *гуру* и святых. Обычаи, обрядность и философские воззрения *джайнов* ставят их чем-то средним между браминами и буддистами; в общественном отношении они походят на первых, в религиозном склоняются более к буддистам. Как и брамины, они придерживаются каст, никогда не едят мясного и не почитают тел святых; но вместе с буддистами они отвергают «Веды» и богов индусов, вместо которых поклоняются своим двадцати четырёх *тиртáнкарам* (Tirthankara) или *джайнам*, причтённым к лику «блаженных». Опять как у буддистов: духовенство у джайнов сохраняет безбрачие и живёт в уединённых *вихарах* (кельях) и монастырях, выбирая себе преемников во всех классах общества. Считая священным и употребляя в духовной литературе лишь язык *пали* (как и на острове Цейлоне), они имеют с буддистами одну общую традиционную хронологию, также не едят после заката солнечного и тщательно подметают место, прежде чем сесть на него, боясь раздавить и малейшую букашку. Обе системы или, скорее, философские школы, следуя в этом древней школе атомиста Канады,²⁴ защищают теорию вечных атомов или элементов и неразрушимости материи. По их понятиям, мир никогда не имел начала и никогда не будем иметь конца. «Всё в мире одна иллюзия, *майя*», говорят ведантисты, буддисты и джайны. Но в то время как последователи Шанкарачарьи проповедуют *Парабрахму* (божество без воли, понимания и без действия)²⁵ и исходящего от него *Ишвару*, джайны вместе с буддистами отрицают создателя Мира и учат лишь о существовании *свабхавата*, пластического, вечного и самозданного принципа в природе. Зато твёрдо веруют, как и все прочие секты в Индии, в переселение душ; их страх лишиться жизни животное или насекомое и этим совершить, быть может, отцеубийство доводит их любовь ко всему животному царству и попечение о нём до невероятно аффектированных крайностей. Не только в каждом городе и деревне устроены больницы и приюты для всех искалеченных и старых животных, но их жрецы ходят не иначе, как с кисейным «намордником» (да простят они мне это непочтительное выражение), прикрывающим им рот и ноздри, дабы дыханием своим нечаянно не истребить какой-нибудь мошки. Поэтому они и воду пьют не иначе, как фильтрованную. Джайнов считают несколько миллионов; они рассеяны в Гуджерате, Бомбее, Конкане и других местностях.

Бомбейский *Пинжрапаль* занимает целый большой квартал, разделённый на дворы и дворики, на лужайки и рожицы с прудами, большими клетками для опасных животных и загородками для более ручных. Заведение это могло бы служить моделью для Ноева ковчега. На первом дворе, вместо животных, мы увидели несколько сот человеческих живых скелетов: стариков, женщин и детей. То были уцелевшие жители из так называемых *famine-districts* (голодающих уездов), приползшие в Бомбей молить о куске хлеба. Отечественное правительство, повыгнав их из последних лачужек за недоимки податей, взимающихся во время голодного мора так же, как и в самые урожайные годы,²⁶ довершило своё христолюбивое попечительство о язычниках, отведя им место при больнице животных. В то время как несколько постоянно находящихся при этой странной богадельне ветеринаров перевязывали перебитые лапы у шакалов, тёрли мазью опрокаженные спины чесоточных собак и приправляли деревянные костыли хромым журавлям, там, в двух шагах, на другом дворе, умирали от голода старики, женщины и дети. Их кормили пока за счёт благотворителей животных, а животных, к счастью, было в то время менее обыкновенного. Наверное многие из этих страдальцев с радостью согласились бы, не

²⁴ Канада (*поедающий атомы*) – основатель системы вайшешика. – Прим. ред.

²⁵ *Брахм* – без понимания, ума и воли, «ибо Брахм само есть абсолютное понимание, ум и воля ...» – учит веданта.

²⁶ Несколько лет тому назад подати взымались с крестьян натурой, но теперь крестьяне должны вносить их наличными, не взирая ни на что.

теряя времени, трансмигрировать в любого из зверей, так спокойно доканчивающих жизненное поприще в больнице...

Но и в Пинжрапале розы не без шипов. Если травоядные «субъекты» ничего лучшего не могут себе пожелать, то сомневаюсь, чтобы плотоядные, как, например, тигры, гиены, шакалы и волки, оставались вполне довольны как постановлениями, так и насильно предписанною им диетой. Так как сами джайны не употребляют мясной пищи и с ужасом отворачиваются даже от яиц и рыбы, то и все находящиеся на их попечении животные обязаны поститься. При нас кормили старого, подстреленного английскою пулей тигра. Понюхав рисовую похлёбку, он замахал хвостом и, свирепо скаля жёлтые клыки свои, глухо зарычал и отошёл от непривычной пищи, всё время косясь на толстого надсмотрщика, который ласково уговаривал его «покушать». Одна решётка спасала джайна от протеста этого ветерана лесов «действием». Гиена, с окровавленную, повязанною головой и отодранным ухом, бесцеремонно и видимо в знак своего презрения к этому для неё спартанскому соусу, сперва села в лохань с похлёбкой, а затем опрокинула её; волки же и несколько сот собак подняли такой оглушающий вой, что привлекли внимание двух неразлучных друзей, Кастора и Поллукса заведения, старого слона с передней ногой на деревяшке и исхудалого вола с зелёным зонтом над больными глазами. Слон, по своей благородной природе думая лишь о приятеле, покровительственно обвил хоботом шею вола, и оба, подняв головы, с неудовольствием замычали. Зато попугаи, журавли, голуби, фламинго, корольки, всё пернатое царство ликовало, заливаясь на все тоны над завтраком. Охотно отдавали ему честь и обезьяны, прибежавшие первыми на зов. Нам также указали на *святого*, кормившего в углу насекомых собственною кровью. Совершенно нагой, он неподвижно и с закрытыми глазами лежал на солнце. Всё тело его было *буквально* покрыто мухами, комарами, муравьями и клопами...

– Все, все они наши братья! – умилённо повторял директор госпиталя, указывая рукой на сотни насекомых и животных. – Как можете вы, европейцы, убивать и даже поедать их?

– А что, – спрашиваю, – сделали бы вы в случае, если бы вот эта змея подползла к вам и попыталась укусить вас? От её укушения ведь неминуемая смерть. Неужели вы бы не убили её, если б успели?

– Ни за что на свете! Я бы старался осторожно поймать её, а затем отнёс бы за город в пустое место и пустил бы её на свободу.

– А если б она всё-таки укусила вас?

– Тогда бы я произнёс «мантру».²⁷ А если б мантра не помогла, то я счёл бы это за определение судьбы, и спокойно оставил бы это тело, чтобы перейти в другое.

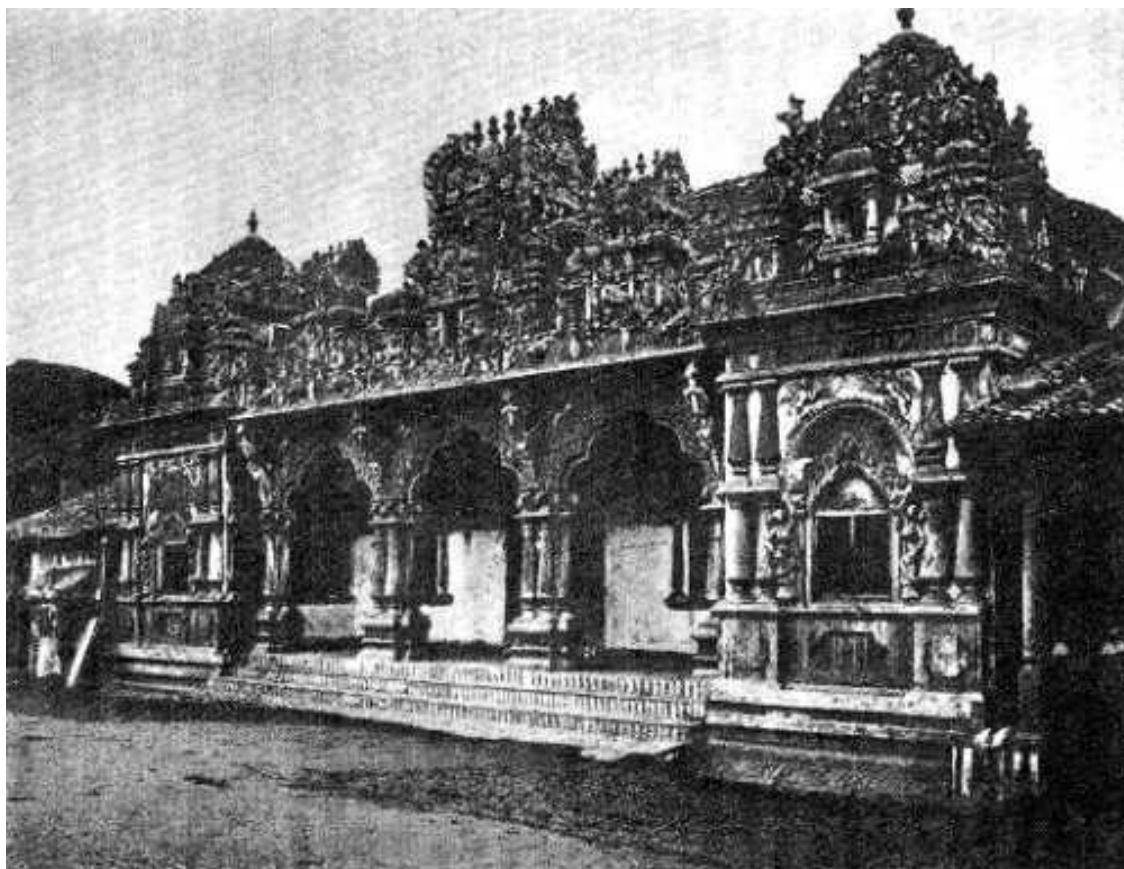
Это нам говорил человек по-своему образованный и даже весьма начитанный. На наше возражение, что ничто не даётся природой напрасно, и что если устройство зубов у человека плотоядное, то стало быть ему определено самою судьбой питаться мясом, он отвечал нам чуть ли не целыми главами из Дарвиновской «Теории естественного отбора и происхождения видов». «Это всё неправда, будто первобытные люди родились с глазными зубами», рассуждал он. «Лишь впоследствии, с разращением рода человеческого и когда в нём стала развиваться страсть к плотоядной пище, то и челюсти, покоряясь новой потребности, стали изменяться, пока мало-помалу совершенно не изменили своей первобытной формы»...

Подумаешь: *où la science va-t-elle se fourrer?*..²⁸

²⁷ *Мантра* – молитва в стихах и вместе с тем заговор против всякой немочи. В Индии все глубоко верят в силу мантры.

²⁸ И где наука всё это берёт? (фр.). – *Прим. ред.*

III

Один из храмов индусов

В тот же день вечером в театре Эльфинстона давалось в честь «американской миссии» (как нас здесь величают) необычайное представление. Туземные актёры играли на гуджерагском языке древнюю волшебную драму *Ситта-Рама*, переделанную из *Рамаяны*, известной эпической поэмы Вальмики. Драма состояла из 14 актов и несчётного множества картин с превращениями. Все женские роли игрались по обыкновению мальчиками и, верные историческому и национальному костюму, все актёры были полунагие и босые. Зато богатство костюмов – какие требовались – декорации, машины, превращения были поистине изумительны. Трудно было бы даже на сцене больших столичных театров представить лучше и вернее природе, например, армию союзников Рама – обезьян, под предводительством их знаменитого в истории (Индии, *s. v. p.*) полководца Ханумана: воина, государственного мужа, бога, поэта и драматурга. Древнейшая и лучшая из всех санскритских драм *Хануман-наттек* (наттек – драма) приписывается этому нашему талантливому праотцу ... Увы! прошли те времена, когда гордые сознанием своей *белой*, быть может, *après tout*²⁹ только *вылинявшей* под северным небом кожи, мы взирали на индусов и других черномазых народов с подобающим нашему величию презрением! Крепко огорчился мягкосердечный сэр Вильямс Джонс, переводя с санскритского такие, например, унижительные для европейского самолюбия речи, что «*Хануман* был-де нашим прародителем». Коли верить легенде, то за оказанное храброй обезьяньей армией пособие Рама, герой и полубог, даровал в супружество каждому из холостяков этой армии одну

²⁹ Впрочем (фр.). – Прим. ред.

из дочерей великанов острова Ланки (Цейлона), *бакиазасов*, назначив этим «дравидским» красавицам в приданое все *западные* части света... Тогда, после величайшего в мире торжества бракосочетания, обезьяны-воины, соорудив из собственных хвостов висячий мост, перекинули его из Ланки в Европу и, благополучно перебравшись с супругами на другой берег, зажили счастливо и наплодили кучу детей. Эти дети – мы, европейцы. Найденные в языках Западной Европы (как в наречии басков, например) чисто дравидские слова привели браминов в восторг; в благодарность за это важное открытие, так неожиданно подтверждающее их древнее сказание, они чуть было не возвели филологов в сан богов. Дарвин увенчал дело. С распространением в Индии западного образования и её научной литературы, в народе более чем когда-либо утвердилось убеждение, что мы потомки их Ханумана и что притом каждый европеец (если только поискать) украшен *хвостом*: узкие панталоны и длинные юбки пришлецов с Запада много способствуют к укоренению этого крайне нелестного для нас мнения... Чтò ж? уж если раз наука в лице Дарвина поддерживает в этом мудрость древних ариев, то нам остаётся лишь покориться. И право, в таком случае гораздо приятнее иметь Ханумана – поэта, героя и бога – праотцем, чем какую-либо другую «макашку», хотя бы даже и бесхвостую...

Но *Ситта-Рама* – пьеса представленная в тот вечер – принадлежит к мифологическим драмам-мистериям вроде Эсхилых. Глядя на это классическое произведение отдалённой древности, зритель невольно переносится в те времена, когда боги, сходя на землю, принимали живое участие во вседневной жизни смертных: ничто не напоминало нам современную драму, хотя внешняя форма сохранилась почти та же. «От великого до смешного (и наоборот) всего один шаг»: от козла (*τράγος ὕδῆ*), выбираемого в жертвоприношении Бахусу, мир получил трагедию; предсмертное бляение и бодание четвероногой жертвы древности вышлифованы рукой времени и цивилизации: в итоге является предсмертный шёпот Рашели во образе Адриенны Лекуврер и ужас наводящее реалистическое «брыканье» современной Круазет в сцене отравления в «Сфинксе»... Но в то время как потомки Фемистокла, в продолжение многих лет рабства, как и независимости, принимали и продолжают с восторгом принимать все изменения, а по современным воззрениям и «улучшения» Запада, как вновь исправленное и дополненное издание гения Эсхила, – индусы, к счастью археологов и любителей древностей (вероятнее всего со времён нашего незабвенного прародителя Ханумана), так и застыли на одном месте...

С живым любопытством готовились мы следить за представлением *Ситта-Рама*. Кроме здания самого театра, да разве нас самих, всё было здесь туземное и ничто не напоминало нам нашу западную обстановку. Об оркестре не было и помину: вся наличная музыка должна была раздаваться за кулисами или же на самой сцене. Наконец взвился занавес... Тишина, заметная даже в антрактах при таком наплыве зрителей обоего пола, стала ещё заметнее. Видно было, что в глазах публики, по большей части поклонников Вишну,³⁰ шла не обыкновенная пьеса, а религиозная мистерия, представляющая жизнь и приключения их любимых и самых уважаемых богов.

Пролог. *Эпоха* (ранее которой ещё ни один драматург не рискнул выбрать для своего сюжета) *пред сотворением*, или скорее пред последним появлением *мира*:³¹ в то время как *пра-лайя* приходит к концу, Парабрахма просыпается; вместе с его пробуждением вся вселенная, покоящаяся в божестве, то есть бесследно исчезнувшая с предыдущего разрушения мира в субъективной эссенции его, отделяется вновь от божественного принципа и делается видимой. Все боги, умершие вместе со вселенною, начинают медленно возвращаться к жизни. Один «Невидимый» дух – «вечный, безжизненный», ибо он есть безусловная *самобытная жизнь*, –

³⁰ *Рама* – одно из воплощений Вишну.

³¹ По единодушному соглашению философских систем всех сект Индии (кроме мусульман), вселенная существовала всегда. Индусы разделяют эти периодические проявления и исчезновения мира на *дни* и *ночи* Брахмы. Ночи или отсутствие объективного мира – называются *пра-лайя*, а эпохи нового пробуждения к жизни и свету – зовутся *манвантарами* и *югами* или «веками богов». Эти периоды также называются «вдыханиями» и «выдыханиями Брахмы».

парит, окружённый безбрежным хаосом. Священное «присутствие» невидимо: оно проявляется лишь в правильном периодическом колыпании хаоса, представляемого тёмной массой вод, затягивающей всю сцену. Эти воды ещё не отделены от суши, ибо Брахма, творческий дух Нараяна, ещё сам не отделился от Вечного. Но вот колыхнулась вся масса, и воды начинают светлеть: от золотого яйца, лежащего под водами хаоса, пробиваются лучи; оживотворенное духом Нараяны яйцо лопается, и проснувшийся Брахма поднимается над поверхностью вод под видом огромного лотоса. Являются лёгкие облачка; сперва прозрачные и белые, как паутина, они сплываются и мало-помалу превращаются в «праджапати» – десять олицетворённых творческих сил Брахмы, владыки всех тварей, поющих хвалебный гимн Творцу. Веяло чем-то наивно поэтическим от этой непривычной нашему уху странной мелодии, без оркестра, в унисон. Пробил час общего пробуждения; конец *пралайе*: всё ликует, возвращаясь к жизни. На отдалившемся от вод небе являются *азуры* и *гандхарвы*.³² Индра, Яма, Варуна и Кувера, – духи, заведующие четырьмя странами света. Из четырёх стихий: воды, огня, воздуха и земли, брызжут дождём атомы и зарождают змия *Ананду*. Чудовище всплывает на поверхность воды и, согнув лебединую шею дугой, является лодкой, на которой покоится Вишну; в ногах бога сидит Лакшми – богиня красоты, его супруга. «Сватха! Сватха! Сватха!»³³ – восклицают хором небесные певцы, приветствуя божество. Вишну в одном из своих будущих воплощений (аватар) будет Рамою, сыном великого царя, а Лакшми воплотится в Ситте. Вся поэма Рамаяны вкратце пропета небесными хористами. Кама, бог любви, осеняет божественную чету, и от этого вмиг загоревшегося в их сердцах пламени плодится и размножается весь мир...³⁴

Далее идут 14 действий хорошо всем известной поэмы, в которой принимают участие несколько сот лиц. Под конец *пролога* собравшиеся боги, по примеру лиц древних драм, подходят к рампе и знакомят вкратце публику с сюжетом и развязкой предстоящей пьесы, прося снисхождения зрителей. Словно оставив свои ниши в храмах, сошли с них знакомые нам божества из раскрашенного гранита и мрамора, чтобы напомнить смертным о делах...

«...давно минувших дней,
Преданьях старины глубокой...»

Зала была битком набита туземцами. Кроме нас четырёх, не было ни одного европейца. В креслах расстилалась, как огромный цветник, масса женщин в ярких цветных покрывалах. Между прекрасными бронзовыми лицами выглядывали красивые, иногда матово-белые личики парсийских женщин, очень напоминающих красотой грузинок. Все первые ряды были заняты женщинами. От огнепоклонниц с их чистыми лицами и волосами, покрытыми белой косынкой под цветным покрывалом, их сёстры индианки отличались непокрытой головой, роскошью своих блестящих чёрных кос, закрученных греческим шиньоном на затылке, расписанным красками лбом³⁵ и кольцами в одной ноздре. В этом состоит вся разница их костюма.³⁶

³² Небесные музыканты и певцы – херувимы.

³³ Свят, Свят, Свят!

³⁴ *Вишну* – одно из трёх лиц *Тримурти* (буквально: три лика; *мурти* означает священный лик или идол), троицы индусов, *сохранитель* всего живущего, как Брахма – *творец*, а Шива – *разрушитель* его.

³⁵ В Индии всегда легко различить как исповедуемую веру, так и секту и даже касту, к которой кто-либо принадлежит, по знакам, расписанным на лбах сектантов обоего пола, а также девушку от замужней и вдовы.

³⁶ По истреблении Александром Македонским священных книг гебров, их секта была постоянно притесняема идолопоклонниками. Царь Ардшир-Бабехан восстановил огнепоклонничество в 229—243 годах по Р. Х. После этого их опять преследовали до царствования одного из трёх царёв Шахпуров, II, IX и XI из Сассанидов, но до которого именно – не известно, хотя один из них сильно покровительствовал учению Заратушты. Вследствие поражения Йездегерда, огнепоклонники эмигрировали на остров Оромазд, а 16 лет позднее, отыскав древнюю книгу пророчеств Зороастра, много столетий было затерянную, вследствие одного из пророчеств они бежали массой в Индостан. После долгих странствований, от 1000 до 1200 лет тому назад, они появились на территории Махарани Джаядевы, принца, подвластного раджпутскому царю Чампанира, который и дозволил им поселиться на его землях с условием, чтоб они сложили оружие, заменили персидский язык языком хинди, а их

Как те, так и другие страстно любят яркие, но однообразные материи, покрывают голые руки до локтей браслетами и носят одинаковые *сары* (покрывала). За ними, в партере волновалось целое море самых оригинальных, нигде кроме Индии не встречающихся тюрбанов. Тут были и длинноволосые *раджпуты* с их прямыми, чисто греческими чертами лица, с разделённой на подбородке бородой, концы которой закручиваются за уши, в *пагри*, тюрбане, состоящем из двадцати аршин белой тонкой кисеи, обкрученной верёвкой вокруг головы, в серьгах и ожерельях; тут были *маратские брамины*, с гладко выбритую (кроме центральной длинной космы волос) головой, прикрытой громадным блюдообразным тюрбаном ослепительно красного цвета с золотым, выгибающимся вперёд, словно рог изобилия, украшением наверху. Задавшись было долгом сосчитать, сколько разных форм тюрбанов в одном Бомбее, мы уже через две недели объявили себя побеждёнными: легче сосчитать звёзды на небе. Каждая каста, ремесло, секта, каждое из тысячи подразделений общественной иерархии имеет свой отличительный, блестящий пурпуром и золотом головной убор; золото снимается только в случае траура. Но зато все, даже богачи, советники муниципалитета, купцы, брамины, *рао бахадуры* и пожалованные правительством баронеты – все до одного ходят босые, голые до колен и в белоснежных *балахонах*: этой полурубашки-полукафтана нельзя сравнить ни с чем другим. Сидит министр, либо раджа какой на слоне³⁷ – видали мы их в Бароде даже на жирафах из конюшни зверинца Гайквара³⁸ в торжественные дни их праздников – сидит и жуёт *пансопари* (бетель).³⁹ Голова у него так и клонится вниз под тяжестью драгоценных камней на тюрбане; все пальцы на руках и на ногах украшены перстнями, а ноги браслетами. В тот вечер в зале не было ни слонов, ни жирафов, но зато были и раджи, и министры. С нами приехал красавец-посол и бывший воспитатель юного Махарани Удайपुरского (*Oodeypore*), раджа-пандит, Мохунлал-Вишнудал-Пандиа, в бледно-розовом маленьком тюрбане с бриллиантами, в розовых же баржевых панталонах и белой газовой кофте. Длинные, чёрные, как вороново крыло, волосы падали на янтарную шею, украшенную ожерельем, способным свести с ума парижанку. Бедному раджпуту ужасно хотелось спать; но он геройски выдерживал роль и, задумчиво пощипывая бородку, водил нас по безысходному лабиринту метафизических запутанностей Рамаяны.

В антрактах нас потчевали кофе, шербетами и папиросами, которые мы и курили во всё время представления, сидя напротив сцены, в первом ярусе. Нас, как идолов, обвешали длинными гирляндами из жасмина, а сам директор, дебелый индус в рогообразном малиновом тюрбане и белой прозрачной кисее на смуглом теле, несколько раз окроплял нас розовой водой.

Представление, начавшееся в 8 часов вечера, дошло до 9-го акта только в два с половиной часа пополуночи. Невзирая на стоявшего позади каждого из нас сипая с гигантскою *пáнккой* (веером), жара была нестерпимая. Чувствуя себя не в силах выдержать долее, мы отпросились домой. Опять букеты, *пансопари* и окропление розовой водой, и мы наконец добрались домой в четыре часа пополуночи... На другой день мы узнали, что представление окончилось в половине седьмого утра.

женщины свой национальный костюм – костюмом женщин Индии и привяли бы все обычаи страны, дозволив им, впрочем, ходить обутыми, так как это строго приказано Зороастром. С тех пор произошли изменения, но весьма незначительные.

³⁷ Слоны в Бомбее, под предлогом, что они пугают лошадей англичан, теперь запрещены, но во всех других городах провинции их очень много.

³⁸ *Гайквар* – общее имя или титул владетельных принцев Бароды.

³⁹ Смесь пряных листьев перца бетель с кусочками семян пальмы арека и небольшим количеством извести. – *Прим. ред.*

IV

Жилище человека среднего достатка в Индии

Раннее утро последних мартовских дней; светлое безоблачное небо. Ветерок, нежно ласкающий бархатной рукой заспанные лица пилигримов; по дороге опьяняющий запах тубероз и жасмина в цвету, перемешанный с острыми запахами базара. Толпы голоногих браминок, стройных и величавых, в цветных *сары*, с блестящими, как золото, медными *лотти* (кувшинами) на головах, направляющихся, как библейская Рахиль, к колодцу. Наполненные тинистой водой священные *танки* (пруды), на ступенях которых индусы обоих полов совершают своё утреннее религиозное омовение. Под забором сада, под самыми скалами Малабарского холма, чей-то ручной *мангуст*, величиной с сурка, пожирает голову пойманной им *кобры*; обезглавленное туловище змеи судорожно, но уж безвредно обвивается вокруг и хлещет худошавого зверька, с видимым наслаждением взирающего на эту операцию. Возле группы животных группа индусов. Совершенно нагой *мали* (садовник), стоя у безобразного каменного идола Шивы, сыплет ему приношение соли и бетели, дабы отвратить гнев «Разрушителя» за убиение одного из подвластных ему богов, опасной змеи кобры. В нескольких шагах от железнодорожной станции мы встречаем скромную католическую процессию из новообращённых париев и туземных португальцев. Под балдахинном, на носилках, раскачивается коричневая Мадонна в одеянии туземных богинь и с кольцом в носу (*sic*). На руках у неё младенец в жёлтых *пиджамах* и красном тюрбане брамина. «*Хари! Хари देваки!*» (Слава, слава деве-богине!) восклицает

цают новообращённые, не признавая ни малейшей разницы между *Деваки*, матерью Кришны, и Мадонной.

Наконец наши *гарри*, туземные двухколёсные таратайки с запряжёнными в них двумя сильными волами с громадными прямыми рогами, подкатывают к крыльцу станции. Чиновники-англичане таращат в изумлении глаза при виде европейцев в *туземных* позолочённых колесницах... Но мы американцы; мы приехали знакомиться с Индией, а не с Европой и её произведениями на здешней почве.

Если турист потрудится бросить взгляд на берег, противоположный бомбейской пристани, то он увидит пред собою тёмно-синюю массу, возвышающуюся, словно стена, между ним и горизонтом. То Парбуль, плоскоголовая гора в 2250 футов высоты. Правый склон её крепко прижался к двум остроконечным скалам, доверху покрытым густым бором; самая высокая из них – *Матаран*, цель нашей поездки. Полотно железной дороги расстилается у подножия прелестнейших холмов, пересекает сотни озерков и пронизывает слишком двадцатью тоннелями самую сердцевину скалистых *гхот*.

Мы ехали с тремя знакомыми индусами. Двое из них – когда-то высокой касты, ныне исключены из неё и «отлучены» от пагоды за сообщничество и сношения с нами, презренными иностранцами. На станции к нам присоединились ещё двое приятелей из туземцев, с которыми мы переписывались из Америки уже несколько лет. Все они члены нашего Общества, реформаторы юной Индии и враги браминов, каст и предрассудков, сговорились отправиться вместе с нами на годичную ярмарку храмового праздника в пещерах *Карли*, посетив сперва Матаран и Кхандалы. Один из них был брамин из Пуны, другой *мудельяр* – помещик из Мадраса, третий *сингалезец* из Кегаллы, четвёртый *земиндар* – землевладелец из Бенгала, пятый – громадного роста раджпут, независимый *такур* из провинции Раджастхан,⁴⁰ которого мы давно знали под именем Гулаб Лалл Синга, а звали просто Гулаб Синг. Распространяюсь о нём более, нежели о других, потому что об этом странном человеке шли самые удивительные и разнообразные толки. Ходила молва, будто он принадлежит к секте *раджа-йогов*, посвящённых в таинство магии, алхимии и разных других сокровенных наук Индии. Он был человек богатый и независимый, и молва не смела заподозрить его в обмане, тем более, что если он и занимался этими науками, то старательно скрывал свои познания ото всех, кроме самых близких ему друзей.

Такуры почти все ведут свой род от *Сурьи* (солнце) и потому называются *сурьявансами*, потомками солнца, в гордости не уступая никому. По их выражение: «земная грязь не может пристать к лучам солнца», т. е. к раджпутам; поэтому они не признают никакой касты, кроме браминов, отдавая почести лишь одним бардам, воспевающим их военные доблести, которыми они так справедливо гордятся.⁴¹ Англичане страшно боятся их и не решились их обезоружить, как другие народы Индии. Гулаб Синг приехал со слугами и щитоносцами.

Владея неистощимым запасом легенд и, как видно, хорошо знакомый с древностями своей страны, Гулаб Синг оказался самым интересным из всех наших собеседников.

– Вон там на лазоревом фоне неба, – рассказывал нам Гулаб Лалл Синг, – рисуется вдали величественный *Бхао-Маллин*; то бывшая обитель святого отшельника, куда теперь ежегодно

⁴⁰ Это имя означает буквально «обитель или земля царей», от двух слов: *раджа* – царь или принц, и *стхан* – земля, обитель и владение.

⁴¹ Замечая о невежестве Европы в отношении Индии, полковник Тод, между прочим, говорит следующее: «Великолепие и роскошь при дворах раджпутских владений в ранние периоды истории несомненно были изумительны, невзирая на поэтические вольности и преувеличения их бардов. Северная Индия была с самых ранних времён богата и в ней-то находились богатейшие сатрапии Дария. Во всяком случае, страна эта изобиловала самыми поразительными событиями, могущими служить богатым материалом для истории. Нет того незначительного в Раджастхане княжества, которое не имело бы своих Фермопил, или городка, не породившего своего Леонида. Но покров веков завесил от потомства то, что перо историка могло бы завещать бесконечному удивлению народов: Сомнаут явился бы тогда соперником Дельф, сокровища Хинда поспорили бы с богатствами ливийского царя, и в сравнении с армией братьев Панду армия Ксеркса стала бы незначительной горстью людей и отодвинулась бы на задний план».

стекаются толпы пилигримов и где, по глупому народному преданию (прибавил он улыбаясь), происходят разные чудодейные дела... На верху горы в 2000 футов высоты – платформа крепости, а позади её ещё другая скала в 270 футов; на самой её остроконечной верхушке находится развалина другой, ещё более древней крепости, служившей в продолжение семидесяти пяти лет обителью одному святому. Чем отшельник питался, останется навсегда неразгаданною тайной; вероятно, кореньями, которых, впрочем, на голой скале никогда не бывало. Единственный доступ к этому отвесному возвышению – это высеченные в скале углубления для носка ноги и верёвочные перила. Казалось бы, одним только акробатам да обезьянам и лазить по ней! И однако же фанатизм придаёт индусам, по-видимому, крылья: ни с одним из них никогда не было ещё несчастного случая. Как на беду, лет сорок тому назад, несколько человек англичан задумали было полезть туда для осмотра развалин. Поднялся ветер и сильным порывом их снесло в бездну. Тогда генерал Диккинсон приказал разрушить доступ к верхней крепости. А нижняя крепость (осада которой стоила бомбейской армии, в первые времена их нашествия, столько крови и потерь) теперь совершенно брошена и служит логовищем тиграм и орлам...

Пред таинственным и грандиозным *прошлым* Индии, древней *Арьяварты*, её *настоящее* естественная тушёвка; чёрная тень на светлом фоне картины, необходимое зло в цикле каждой нации. Индия одряхла и упала, как падают громадные памятники древности, разбившись вдребезги; но зато каждый из мельчайших кусков этих обломков останется навеки драгоценностью для археолога и артиста, и даже со временем может послужить ключом для философа, как и для психолога. «Древние индусы строили как гиганты и заканчивали работу как ювелиры», восклицает в восторге епископ Гебер в книге своих путешествий по Индии. Описывая «Тадж-Махал» в Агре,⁴² это поистине восьмое чудо света, он называет его «целою поэмой из мрамора». Но он мог бы также добавить, что трудно найти в Индии хотя скольконибудь сохранившуюся развалину, которая бы не повествовала красноречивее целых томов о прошлом Индии, о её религиозных стремлениях, верованиях и надеждах.

Нигде в мире древности, не исключая даже фараоновского Египта, переход от субъективного идеала к демонстрации его объективным символом не выражен более отчётливо, искусно и вместе артистически, как в Индии. Весь пантеизм веданты заключается в символе двуполого божества *Арданари*. Он окружён двойным треугольником, известным в Индии под именем «знака Вишну»; возле него лежит лев, бык, орёл; в руке у него полный месяц, отражающийся в воде у ног его. Веданта учит несколько тысяч лет уже тому, что некоторые немецкие философы проповедовали в прошлом и настоящем столетиях, а именно, что всё объективное в мире, как и сам мир, не более как иллюзия, *майя*, призрак нашего воображения, заключающий в себе столь же мало действительности, как отражение луны в воде; как феноменальный мир, так и наша субъективная концепция об *эго* – одна грёза. Истинный мудрец никогда не поддастся обольщениям иллюзии. Он знает, что человек познаёт самого себя и становится настоящим *эго* лишь по окончательном слиянии собственной частички с целым, соделавшись неизменным, вечным, всемирным *Брахмой*, и поэтому весь цикл рождения, жизни, дряхлости и смерти в его глазах один фантазм воображения...

Вообще говоря, философия Индии, раздроблённая на бесчисленное множество метафизических учений, имеет в связи с её онтологическими доктринами столь развитую логику и такой замечательной утончённости психологию, что может поспорить в этом со всеми древними и современными школами, как идеалистов, так и позитивистов, и побить каждую поодиночке. Позитивизм мистера Луиса (Lewes), подымающий дыбом от ужаса каждый волосок на голове оксфордских богословов, является какою-то карикатурной игрушкой пред учением

⁴² Тадж-Махал – громадный памятник-мавзолей, построенный императором Акбаром над могилой любимой жены. Его тело лежит рядом с ней, в Агре, на правом берегу реки Юмны. Это здание, которое будет описано мною далее, знаменито своею красотой и нет ему нигде соперников во всём свете.

атомистической школы вайшешики, с её миром, разделённым, как шахматная доска, на шесть категорий вечных атомов, 9 веществ, 24 качества и 5 движений. И как ни трудным и даже невозможным кажется верное представление всех этих абстрактных идей, идеалистических, пантеистических и даже чисто материалистических в сжатой форме аллегорических символов, однако ж Индия сумела более или менее успешно выразить все эти учения. Она обессмертила их в уродливых о четырёх головах кумирах, в геометрических формах своих замысловатых храмов и памятников и даже в запутанных линиях и знаках на лбах своих сектантов.

Обо всём этом и о другом рассуждали мы с нашими спутниками индусами. Присевший к нам на одной из станций католический *падре*, учитель из иезуитской коллегии Св. Ксаверия в Бомбее, не выдержал и вмешался в разговор. Улыбаясь и потирая руки, он полюбопытствовал узнать, в силу каких софизмов мог бы наш спутник доказать что-либо подходящее к философскому объяснению, например, «в основной идее четырёх лиц этого увенчанного змеями уродливого Шивы, что торчит там при входе погоды», заключил он, тыкая по направлению идола пальцем.

– Очень просто, – отвечая бенгальский *бабу́*. – Вы видите, что эти четыре лица направлены к четырём странам света – к югу, к северу, западу и востоку?.. Но эти лица на одном туловище и принадлежат одному богу...

– Вы прежде объясните нам философскую идею четырёх лиц и восьми рук вашего Шивы, – заметил он.

– С большим удовольствием... Считая нашего великого Рудру⁴³ *вездесущим*, мы изображаем его с лицом, повёрнутым в одно и то же время во все четыре стороны, восемь рук указывают на его всемогущество, а одно туловище напоминает, что хотя он везде и всюду и никто не может избежать как его всевидящего ока, так и карающей его длани, но всё же он един...

Падре хотел было что-то сказать, но поезд остановился: мы приехали в Нарель.

⁴³ Имя Бога в Ведах.

V

Вице-президент Теософического общества

Прошло едва 25 лет с тех пор как Матеран, – громадная масса различных родов траппа, большею частью сильно кристаллизованного, – был впервые погран ногой белого человека. Под самым боком Бомбея, всего в нескольких милях от Кхánдалы (летней резиденции европейцев), грозные вершины этого великана долго считались совершенно неприступными. К северу, его гладкая и почти перпендикулярная стена возвышается на 2450 футов над долиной реки Пен; а ещё выше возносятся до облаков бесчисленные вершины отдельных скал, холмы, покрытые дремучим бором и пересечённые долинами и пропастями. В 1854 году железная дорога пронизала один из боков Матерана и теперь доходит до подножия последней горы, останавливаясь в Нареле, котловине, где ещё недавно была одна только пропасть. Оттуда до верхней площадки остаётся около 8 миль, и туристу приходится выбирать между пони и паланкином, закрытым либо открытым, смотря по вкусу. Так как мы приехали в Нарель только к шести часам пополудни, то последний способ представлял маленькое неудобство: цивилизация одолела неодошевлённую природу, но до сих пор ещё, невзирая на весь деспотизм властелинов, не могла преодолеть ни тигров, ни змей. Если первые удалились в более непроходимые тущобы, зато змеи всевозможных родов, особенно кобры и *коралилло*, живущие предпочтительно на деревьях, царствуют в матеранских лесах как и во времена оны, и ведут против узурпаторов

настоящую гверильясскую⁴⁴ войну. Горе запоздавшему пешеходу или даже всаднику, проезжающему под деревом, на котором засела такая змея! Кобры и другие пресмыкающиеся по земле породы редко нападают на человека, разве только в случае, если неосторожная нога наступит на них; вообще же они бегут и прячутся от людей. Но эти лесные гверильясы, *tree serpent*, кустарные змеи, выжидают жертв. Едва голова человека поравняется с ветвью дерева, на котором приютился «враг человечества», как, укрепясь за ветку хвостом, змея ныряет всю длиной туловища в пространство и жалит человека *в лоб*. Этот любопытный факт, долго считавшийся вымыслом, теперь проверен и принадлежит к фактам естественной истории Индии. В подобных случаях туземцы видят в змее посланника смерти и исполнителя воли кровожадной Кали, супруги Шивы.

Но вечер после знойного дня был так обаятелен, а лес манил нас издали такою прохладой, что мы решились рискнуть. Среди этой дивной природы, где так и тянет стряхнуть с себя земные оковы, обобщиться с нею жизнью беспреградной, и самая смерть в Индии является *привлекательной*.

К тому же после восьми часов вечера всходила полная луна, и нам предстояло трёхчасовое путешествие в гору в одну из тех лунных тропических ночей, за который туристы готовы приносить всевозможные жертвы и которые одни только истинные великие художники и способны описать. Молва начинает громко произносить имя нашего В. В. Верещагина как одного из тех немногих художников, которые сумели передать на полотне всю прелесть лунной ночи в Индии...

Пообедав на скорую руку в *дак-бэнглоу* (почтовой станции), мы потребовали наши кресла-носилки. Нахлобучив покрепче на лбы наши *топи* с их широкими, крышей спускающимися на глаза и затылок полями, мы отправились в 8 часов вечера в путь. Восемь *кули*, одетых по обыкновению в «виноградные листья» из тряпок, подхватили каждое кресло и с гиком и криком, бессменными спутниками индусов, пустились в гору. За каждым креслом бежали по восьми человек переменных носильщиков, итого, не считая индусов со слугами верхом, 64 человека: армия, способная спугнуть любого забредшего из *джунглей* леопарда или тигра, словом всякого зверя, исключая только наших бесстрашных «кузенов» по прадедушке Хануману. Едва мы повернули из аллеи в лесок у подножия горы, как несколько десятков этих родственников присоединились к нашему шествию. Благодаря заслугам союзника Рамы, обезьяны считаются в Индии священными, почти неприкосновенными. Правительство, следуя в этом старинной мудрости Ост-Индской Компании, запрещает трогать их или даже прогонять их из городских садов, а тем менее из принадлежащих им по праву лесов. Перескакивая с одной ветки на другую, стрекоча как сороки и делая страшнейшие рожи, они, как ночные кикиморы, преследовали нас почти всю дорогу. Облитые светом полной луны, они висли как русалки на деревьях и, далеко забегая вперёд, поджидали нас на поворотах дороги, словно указывая нам путь. Один младенец-макашка так и свалился ко мне в ноги на носилки. В одно мгновение ока родительница его, бесцеремонно перескакивая по плечам носильщиков, явилась тут же и, прицепив младенца к груди, скорчила мне самую богопротивную гримасу... и была такова.

– *Бандры* (обезьяны) всегда приносят своим присутствием счастье, – заметил мне в утешение за измятую топи один из индусов. – К тому же, если мы видим их здесь ночью, то можем оставаться совершенно спокойными: наверное на десять миль кругом нет ни одного тигра...

Всё выше и выше подымались мы по крутой извилистой тропе; а лес становился всё гуще, темнее и непроходимее... Под чащей иногда становилось темно, как в могиле; пробираясь под вековыми баньянами, невозможно было различить в двух вершках собственный палец. Мне казалось непонятным, чтобы люди шли тут иначе как ощупью; но *кули* даже ни разу не споткнулись, а, напротив, прибавили шагу. Все, как бы сговорясь, молчали в такие минуты; среди

⁴⁴ От испанского *guerillas* – воинство, ополчение. – *Прим. ред.*

этого тяжёлого, окутывающего нас как флёром мрака, слышалось лишь короткое, прерывистое дыхание носильщиков, да мерная, мелко выбиваемая дробь нервных шажков их босых ног по каменистому грунту тропинки... Делалось больно, стыдно за человечество, или скорее за ту часть человечества, которая способна была превратить другую во вьючных животных. И эти несчастные, с одного конца года до другого, получают за подобную работу по 4 *анны* в день на человека: 4 *анны*, то есть менее 8 коп. в сутки за совершение путешествия вверх и вниз на 8 миль в конец, не менее двух раз или четырёх концов, что составляет 32 мили на возвышенности 1500 футов и к тому же с ношею на шеях в 6 пудов!.. Впрочем, в Индии, стране застывшей в вековых обычаях, где всё идёт по одному шаблону, 4 *анны* – законная плата за день какой угодно работы. Призовите искусного подёнщика-ювелира, и он сядет, поджав ноги, на пол, без всяких инструментов, кроме щипцов и крошечной железной печи, и создаст вам, из вашего золота и по данному рисунку, украшение, достойное мастерской фей. За это, то есть за 10 часов работы, он потребует 4 *анны* ...

Но вот чаще и чаще стали попадаться просеки и открытые площадки, где становилось светло, как днём. Миллионы кузнечиков трещали по лесу, наполняя воздух металлическим звуком, напоминающим гудение губной гармоники; гоготали совы, и стаи испуганных попугаев металась с одного дерева на другое. По временам доносилось до нас издали, из глубины поросшей дремучим лесом пропасти, долгое, громоподобное рычание тигра, могучий рёв которого, по словам *шикари* (охотников), можно слышать в тихую ночь за много миль. Освещённая, словно бенгальским огнём, панорама изменялась при каждом повороте. Реки, поля, леса и скалы, расстилаясь у ног наших на необозримом пространстве, волновались, дрожали, облитые серебряным светом, переливались как волны марева... Фантастичность этой картины просто захватывала дух; кружилась голова, когда заглядывали мы в эти глубины на 2000 футов вниз, при неверном свете луны; а бездна так и тянула к себе... Один из наших спутников (американец), ехавший верхом, принуждён был сойти с лошади и пойти пешком, боясь невольно поддаться влечению и нырнуть в бездну головой вниз. Несколько раз мы встречали спускавшихся с Матерана совершенно одиноких мужчин и даже молодых женщин, возвращавшихся с подённой работы на горе в свои сёла. Но случается нередко, что ушедший накануне человек не возвращается более и пропадает без вести. Полиция хладнокровно решает, что его унёс тигр или убила змея, и исчезновение предаётся тут же забвению: что может значить одною личностью более или менее среди 240 миллионов народонаселения Индии? Но странно поверье, существующее между племенами Декана, сгруппированными вокруг этой таинственной и доселе во многих местах ещё не исследованной горы. Поселяне уверяют, будто, несмотря на число погибающих в горах, никогда ещё не было найдено в лесу *ни одного скелета*: покойник, будь он целым или обглоданным тиграми, тотчас же переходит во владение обезьян; они собирают кости и хоронят их в глубоких ямах, зарывая так искусно, что не остаётся и малейшего следа. Англичане смеются над этим поверьем, но полиция не отрицает бесследного исчезновения тел. При прорытии горы для железной дороги найдено, на удивительной глубине, несколько скелетов, сохранивших как бы измятые зубами зверей и переломанные браслеты и серебряные украшения на руках, ногах и шеях. Эти украшения доказывали, что их владельцев зарывали не люди, так как ни религия индусов, ни жадность их не допустила бы их до этого... Неужели же в царстве животных, как и между людьми, рука руку моет?

Переночевав в португальской гостинице, свитой как орлиное гнездо из бамбука и прилипшей к почти перпендикулярно обрывающемуся боку скалы, мы встали с рассветом и, обойдя все знаменитые красотой *points de vue*,⁴⁵ тотчас же собрались в обратный путь. Днём панорама являлась ещё великолепнее: недостаточно целых томов для её описания. Не будь горизонт замкнут с трёх сторон истерзанными гребнями горных хребтов – всё плато Декана

⁴⁵ Вид (фр.). – Прим. ред.

явилось бы пред глазами. Бомбей – как на ладони; лиман, отделяющий город от Сальсеты, кажется тонкою серебристою струйкой. Как змея извивается он кольцами по направлению к гавани, окружает Канери и другие острова, разбросанные словно горошинки по светлой ска-терти вод, пока наконец не сливается нестерпимо блестящей линией с далёким горизонтом Индийского океана. С другой стороны северный Конкан, замыкаемый хребтом Таль-Гхат; игло-образные вершушки скал Джано-Мабли, и наконец зубчатый кряж Фунелля, грозный силуэт которого, словно замок сказочного великана, обрисовывает свои тёмные линии на далёкой, дымчатой синеве неба.

Тому, кто совершал несколько раз перевал через Кавказские горы и следил за громом и молнией под ногами с Крестовой горы, кто побывал на Альпах и посетил Риги, знаком с Андами и Кордельерами и обходил все углы Катскильских гор в Соединённых Штатах – тому, надеюсь, будет дозволено выразить своё скромное на этот счёт мнение. Быть может, Кавказские горы и величественнее и в отношении красоты нисколько не уступают *гхатам* Индии, но то красота чисто условная, классическая, если можно так выразиться; она внушает восторг, но вместе с тем и страх: человек чувствует себя пигмеем пред этими титанами природы. Но в Индии, за исключением Гималаев, чувство, возбуждаемое горными видами, совершенно другого рода. Самые высокие вершины нагорной равнины Декана, как и треугольной цепи, обрамляющей северный Индостан, и даже восточных *гхат*, не превышают 3000 футов. В одних только западных гхатах, расстилающихся вдоль всего Малабарского берега от мыса Кумари до реки Сурата, найдутся вершины в 7000 футов над уровнем моря. Поэтому, не с белым, как лунь, дедушкой Эльбрусом, или Казбеком, вышиной в 15-16000 футов, мы позволим себе сравнить горы Индостана. Главная и совершенно своеобразная прелесть последних состоит в изумительно прихотливой их форме. Эти горы или, скорее, отдельные вулканические скалы, иногда тесно прижатые друг ко другу, тянутся хребтами; но чаще всего, к великому затруднению геологов, разбросаны безо всякой видимой причины в самых неподходящих к ним по грунту местностях. На каждом шагу пространные долины, замкнутые, как стеной, высокими скалами, по кряжу которых часто пролегает железная дорога. Взгляните вниз: вам померещится, будто перед вами мастерская прихотливого титана-ваятеля, наполненная разбросанными полуоконченными группами, статуями, памятниками... Вот невиданная птица, распустив крылья и разинув пасть дракона, сидит на голове чудовища в 600 футов вышины; возле неё бюст человека в зубчатом, как стена феодального замка, шлеме; далее сказочные, пожирающие друг друга животные, безрукие статуи, шары, наваленные кучами, одинокие стены с бойницами, переломленные мосты и башни. Всё это перепутано, разбросано; всё с каждым новым шагом изменяет форму, как призрачные видения во время лихорадочного сна... А главное, нет здесь ничего искусственного; всё это чистая игра природы, которою при случае и пользовались древние строители. Человеческое искусство в Индии следует чаще искать *внутри*, чем *на поверхности* земли. Как бы стыдясь или считая грехом соперничать с изваяниями природы, индусы редко строили свои древние храмы иначе, как в недрах земли. Выбрав, например, пирамидально заострённую скалу или куполообразный холм, как в Элефанте и Карли, они выдалбливали их, по преданию Пуран, в продолжение веков, по планам, грандиозность которых превышает все понятия современной архитектуры и теперь совершенно ей недоступна.

Из Нареля проезд в Кхандалы совершается по железной дороге, напоминающей свою удивительно постройкой такую же дорогу из Генуи вверх через Аппенинские горы. Это путешествие скорее можно назвать «воздушным», нежели сухопутным. Дорога проходит на возвышении 1400 футов над Конканом, и в иных местах одна сторона рельсов проложена на острых гребнях скал, в то время как другая опирается на своды арок; один виадук в Мали-Кхинде возвышается на 163 фута. В продолжение двух часов мы летели между небом и землей, окружённые с обеих сторон пропастями, густо заросшими цветущими манговыми деревьями и бананами. Надо отдать справедливость английским инженерам: они строят великолепно.

Переезд через Бхор-гхат совершён благополучно, и мы в Кхандалах. Наш бунгало построен на окраине пропасти, глубину которой тщательно скрыла природа самую роскошную растительностью. Всё в цвету, и одной этой бездонной ямы хватило бы на всю жизнь ботаника. Пальмы исчезли; они растут лишь на морских берегах, и их заменили баньяны, манго, *пипалы* (*Ficus religiosa*), смоковницы и тысячи других деревьев и кустарников, пород для нас, профанов, неизвестных. Флора Индии была не раз оклеветана: её обвиняли в том, что цветы её прекрасны, но без запаха. Быть может, в известные сезоны замечание окажется справедливым; но пока цветёт жасмин и различных родов бальзамина, белая тубероза и золотистая *чампа* – царь по величине меж цветущими деревьями, – то это совершенная неправда. От одного запаха чампы, растущей обыкновенно на гористых местностях и цветущей, как алоэ, один раз каждые сто лет, может закружиться голова; а в этот год сотни таких деревьев цвели на Матеране и в Кхандалах.

Сидя в тот вечер на веранде отеля над пропастью и невольно залюбовавшись окружающими нас видами, мы заговорились почти до полуночи. Всё вокруг нас спало, и мы остались одни с нашими спутниками, говорившими по-английски не хуже любого оксфордского профессора. Кханда, большая деревня, построенная на гладкой ровной возвышенности одной из гор хребта Сахиядры (около 2200 футов над морем), окружена изолированными холмами такой же странной формы, как и прочие. Один из них, прямо пред нами на противоположной стороне пропасти, представлял совершенное подобие длинного одноэтажного строения с плоскою крышей и зубчатым парапетом. Индусы клялись, что в окрестностях этого холма существует потайной вход, ведущий в пространные залы под холмом – целый подземный дворец, и что есть ещё люди, владеющие тайной этой подземной обители. Святой отшельник, йог и маг, обитающий уже много столетий в подземелье, открыл тайну его знаменитому махратскому вождю Сиваджи. В этой таинственной обители непобедимый герой, как Тангейзер в опере Вагнера, провёл семь лет своей юности; там он и приобрёл свою необычайную силу и храбрость.

Сиваджи – деканский Илья Муромец XVII столетия, вождь и царь махратов, основатель их весьма недолгой империи. Ему одному Индия обязана ослаблением, если не совершенным уничтожением мусульманского ига. Маленького, как женщина, роста, с рукой, как у ребёнка, он, однако же, владел необычайною силой, которую, конечно, соотечественники его приписывают колдовству. До сих пор его сохраняющаяся в музее сабля приводит всех в изумление своею величиной и тяжестью, в то время как разве только десятилетний ребёнок в состоянии просунуть руку в узкую рукоятку. Основанием славы нашего героя, сына бедного офицера на службе у могольского императора, послужило умерщвление этим новым Давидом мусульманского Голиафа – Афзал-хана. Но он убил его не пращей, а страшным махратским орудием *вагнакх*, состоящим из пяти длинных стальных, заострённых, как иглы, и крепких, как железо, когтей, которые публичные бойцы надевают на пальцы правой руки и затем рвут друг друга как дикие звери на куски. Декан полон преданиями о Сиваджи, и даже английские историки упоминают о нём с большим уважением. Как в легенде о Карле Великом, одно из местных преданий уверяет, что он не умер, а обитает до поры до времени в одном из многих подземелий горных хребтов Сахиядры. Когда пробьёт час освобождения (по исчислению астрологов он недалёк), Сиваджи явится и снова освободит свою любимую родину.

Хитрые и учёные брамины, настоящие иезуиты Индии, пользуются этими глубоко вкоренившимися в народе преданиями, чтобы выманить у них деньги, часто даже последнюю корову, кормилицу целых семей. Привожу курьёзный пример случившегося всего месяца два тому назад происшествия. В последних числах июля 1879 года появилось послание, таинственно ходившее по рукам в Бомбее. Перевожу буквально с махратского оригинала:⁴⁶

«Шри!» (Приветствие – непереводимое).

⁴⁶ Оригинал был переведён на все диалекты Индостана (которых 273!!).

«Да будет всем известно, что это послание, начертанное на оригинале золотыми буквами, снизошло в присутствии святых браминов с «Индра-лока» (небо Индры) на алтарь храма Вишвешвара, что во святом граде Бенаресе.

Внимайте и помните, народы Индостана, Раджастхана, Пенджаба и пр. и пр. В субботу, на второй день первой половины месяца *магха*,⁴⁷ эры Шаливагана 1809 года (то есть 1887 года), ровно через восемь лет, во время Ашвини Накшатра,⁴⁸ когда солнце войдёт в знак Козерога, а время дня станет приближаться к созвездию Рыб, то есть ровно один час и 36 минут по восходу солнца, пробьёт конец калиюге и восстановится столь желанная сатья-юга.⁴⁹ На этот раз сатья-юга продлится 1100 лет. Во всё продолжение этого периода сроком человеческой жизни будет 128 лет. Дни удлинятся и будут состоять из 20 часов 48 минут, а ночи из 13 часов и 12 минут, то есть сутки станут длиться ровно 34 часа и 1 минуту. В тот знаменательный для нас первый день сатья-юги, в четыре часа и 24 минуты после восхода солнца, к нам прибудет с далёкого севера новый царь, с белым лицом и золотыми кудрями. Он сделается самодержавным владыкой Индии. *Майя* (иллюзия) человеческого неверия со всеми ей подвластными ересями будет низвергнута в Патал,⁵⁰ а *майя* достойных и благочестивых людей поселится с ними и поможет им наслаждаться жизнью в *Мрэтин-локе*.⁵¹ Да будет также всем и каждому известно, что тому, кто поможет в распространении сей божественной рукописи, за каждую отпустится столько грехов, сколько обыкновенно отпускается набожному человеку за пожертвование брамину ста коров. Что же касается неверующих и непомогающих нам, то они будут отправлены в *Нарак* (ад).

Передано и переписано работою бога Вишну, во храме Вишвешвара, в Бенаресе – Мадлау Шрирам, в субботу, 7-го дня, первой половины шравана⁵² 1801 года, эры Шаливагана...» (то есть 26 июля 1879 года).

Дальнейшая судьба этого невежественно-хитрого послания мне неизвестна; остановила ли полиция распространение его или нет – дело мудрых правителей. Но оно превосходно характеризует как легковерие погрязшего в фанатизме народа, так и бессовестность браминов, эксплуатирующих свою несчастную паству.

Чрезвычайно интересно в отношении названия *Патал*, буквально означающего «преисподняя», одно открытие, сделанное санскритским учёным (свами Дайанандом Сарасвати, о котором мы говорили во втором письме), особенно если оно подтвердится филологами, как это обещано фактами. Дайананд доказывает, что древние арийцы знали и даже посещали Америку, которая и называется в древних рукописях Паталом – преисподней страной, из имени которой позднее народная фантазия создала ад вроде греческого $\alpha' \delta \eta \varsigma$. Он подтверждает своё открытие изобильными цитатами из старейших писаний, особенно из легенд о Кришне и его любимом ученике Аржуне. По преданию, сам Аржуна ввёл это поклонение змеям в Патале. Стечение обстоятельств и тождественность имён до того поразительны, особенно, когда мы находим их в двух совершенно противоположных странах света, что, право, стоило бы нашим учёным обратить на это внимание.

Имя жены Аржуны *Иллупль* чисто древне-мексиканское и если мы отбросим в сторону гипотезу свами, то станет совершенно невозможным объяснить себе присутствие подобного названия в санскритских рукописях задолго до христианских времён. Из всех древних языков и диалектов только между языками аборигенов Америки постоянно встречаются подобные комбинации согласных букв как *тль*, *иль* и т. д. Дайананд указывает, между прочим, на Сибирь

⁴⁷ *Магха* – 11-й месяц, по летосчислению эры Шаливагана.

⁴⁸ *Ашвини Накшатра* – первое из 27 созвездий на пути луны.

⁴⁹ То есть придёт конец Махаюги – великого цикла, обнимающего все четыре юги.

⁵⁰ Патал – в одно и то же время преисподняя (ад) и антиподы.

⁵¹ Мрэта – наша земля; «Мрэтин-лока» – место нашей земли.

⁵² Шраван – пятый месяц индусского года.

и Берингов пролив, как на путь, пройденный Аржуной 5000 лет тому назад и приводивший его в Америку.

Далеко за полночь просидели бы мы, слушая подобные легенды, если бы содержатель гостиницы не прислал предупредить нас об опасностях, угрожающих нам на балконе, ночью, особенно в *лунные* ночи. Программа этих опасностей состояла из трёх отделений: 1) змеи; 2) дикие звери; 3) дакоиты. Кроме кобры и «скалистой змеи», здешние горы изобилуют породой маленьких горных змей, известных под именем *фурзен*, самой опасной изо всех пород; укушение их убивает человека с быстротою молнии. Луна привлекает их, и целые компании этих непрошенных гостей залезают на веранды домов «греться»; им тут, во всяком случае, теплее, нежели на земле. Цветущая же и благоуханная пропасть у подножия веранды оказывалась любимым местом прогулки тигров и леопардов, приходящих туда по ночам «напиться» у протекающего внизу широкого ручья, и бродящих иногда до самого рассвета под окнами бунгало. Наконец шальные дакоиты, притоны которых рассеяны по этим неприступным для полиции горам, часто стреляют в европейцев из одного лишь удовольствия отправить к праотцам ненавистного им *белляти* (иностранца). За три дня до нашего приезда жена одного брамина была унесена тигром в пропасть, а две любимые собаки коменданта, спавшие на дворе, были убиты змеями. Не дожидаясь дальнейших объяснений, мы немедленно разошлись по своим комнатам. На рассвете нам предстояло ехать за 6 миль в Карли.

VI

Пандит Прамада-Дас-Митра, профессор санскритского языка

В пять часов утра мы уже были у подножия горы, доехав в нашей колыхаге на волах до последних пределов не только экипажного, но и верхового тракта. Последнюю полмилю мы ехали по настоящему взбаломученному морю камней, а теперь оставалось лишь взлезать или скорее карабкаться на четвереньках по тропе, идущей зигзагами вверх по перпендикулярному почти склону в 900 футов высоты. Совершенно растерявшись, посматривали мы на эту историческую громадину, не зная, что делать далее. Почти на самом верху горы, под далеко нависшими скалами, зияло с дюжину чёрных отверстий; сотни пилигримов в праздничных одеждах ползли по склону, как разноцветные муравьи. Но тут выручили нас наши преданные друзья индусы. Один из них, приложив ладонь ко рту, закричал громким, пронзительным не то криком, не то свистом. По первому зову раздался ответный сигнал сверху; вслед за тем несколько полуголых браминов – наследственные сторожа храма, – с быстротой и ловкостью диких кошек запрыгали по скалам сверху вниз. В пять минут они уже были около нас, опутали нас ремнями и затем скорее поволокли, нежели повели, вверх. Через полчаса, измученные, но целые, мы уже стояли пред входным портиком главного храма, до той поры сокрытого со всех сторон гигантскими липами и кактусами.

Величественный, весь покрытый скульптурой портик храма (в 52 фута ширины), на четырёх массивных колоннах, образующих четырёхугольник, покрыт вековым мхом. Впереди портика стоит «колонна льва», так названная от четырёх изваянных в натуральную величину львов, сидящих спиной к спине на четырёх сторонах капители. Над главной дверью проведена огромная арка, а стены по обе стороны фасадной двери покрыты изваяниями мужских и женских фигур гигантских размеров; впереди этих фигур далеко выдвигаются из стены три

колоссальные слона *en relief* с головами и хоботами. Самый храм овальной формы в 128 футов длины и 46 ширины; среднее его пространство отделено от правого и левого крыла 42 колоннами, поддерживающими круглый куполообразный потолок; за ним, отделённый от первого алтарём, находится другой купол, поменее, над комнатой вроде потаённого святилища, служившего внутренним алтарём для древних первосвященников арийского племени. Оба ведущие к ней боковые коридора, не доходя до главного алтаря, обрываются, заставляя предполагать, что в древности здесь были или двери, или стена, которых теперь уже не существует. Все 42 колонны на высоких подножиях, восьмиугольных стержнях и богатой лепной работы на капителях, изображающей на каждой двух коленопреклонённых слонов с двумя сидящими на них фигурами, бога и богини, «самой изящной работы», говорит Фергюсон. По его мнению, храм этот, или *чаитья*, сохранился лучше всех других и древнее прочих. Он может быть отнесён к эпохе за 200 лет до Р. Х., так как надпись, разобранный Принсепом на колонне Силастамбы,⁵³ гласит, что *колонна льва* есть жертвоприношение храму от Аджитры Указа, сына Сахы Равизобхоти, а другая надпись указывает на посещение храма Датхамой Харой (он же и Даттагамини) царём цейлонским на 20 году его царствования, то есть 163 года до нашей эры. Д-р Стивенсон,⁵⁴ почему-то в этом случае настаивает на 70 годах до Р. Х., уверяя, будто *Карлен* (Карли) построен императором Девобхути, под надзором Ксенократа (Дханукаката). Но как могло бы это быть ввиду предыдущей и, как доказано, совершенно подлинной надписи? Даже Фергюсон, этот известный защитник египетских древностей и враг древностей Индии, положительно доказывает, что Карли принадлежит к постройкам III века до Р. Х., добавляя при том, что «расположение отдельных частей архитектуры его совершенно тождественно с архитектурой хоров готического круглого или со многоугольными апсидами собора».

Над главным храмом ещё два выдолбленные в скале яруса; в каждом из них открытая во всю ширину галерея с толстыми резными колоннами, а из галереи идут внутрь горы большие залы-кельи и внезапно оканчивающиеся по-видимому глухой стеной коридоры, иногда очень длинные, но теперь бесполезные. Сторожа и хранители святилища либо сами утратили тайну входов, ведущих далее, либо ревниво скрывают её от европейцев.

Кроме главной, есть множество меньших *вихар*, или храмов-монастырей, ещё древнее первой, как полагают археологи, рассеянных по склону горы; но какому именно веку или эпохе принадлежат они, о том не знает никто, кроме немногих браминов, да и те молчат. Вообще говоря, положение археологов в Индии весьма грустное: массы народа, погружённые в невежество, не могут, конечно, оказать им какой-либо помощи, а учёные брамины, посвящённые во все тайны потаённых библиотек в пагодах, молчат и стараются всеми силами препятствовать разысканиям археологов. Да и трудно и даже несправедливо было бы обвинять в этом браминов после всего случившегося. Горький опыт в продолжение долгих столетий научил их, что их единственное спасение – в осторожности и недоверчивости, иначе и национальная история и драгоценнейшие их святыни давно пропали бы бесследно. Политические перевороты, мусульманские нашествия, столько веков терзавшие Индию и потрясшие эту страну до самого основания, всеразрушающий фанатизм мусульманских вандалов, католические падре, пускающиеся на всякие хитрости, лишь бы завладеть рукописями, а затем уничтожить их, всё это более чем оправдывает браминов. Несмотря, однако же, на вековые разрушения, до сих пор в разных местах Индии имеются обширные библиотеки, доступ куда пролил бы яркий свет не только на древнюю историю самой страны, но и на самые тёмные гипотезы всемирной истории. Некоторые из этих наполненных драгоценными рукописями библиотек находятся во владении туземных принцев и подвластных им пагод; но большая часть в руках джайнов (самой древ-

⁵³ Journal of the Asiatic Society, Vol. VI.

⁵⁴ Bombay, Asiatic Society's journal, Vol. V.

ней секты) и такуров Раджпутаны,⁵⁵ старинные, наследственные замки которых разбросаны по всему Раджастхану, как орлиные гнёзда, на вершинах скал. Знаменитые коллекции в Джайсалмере и Патане известны, но недоступны правительству. Рукописи написаны на древнем и давно забытом языке, понятном лишь великому первосвященнику и его посвящённым библиотекарям. Один толстый фолиант считается до того священным и неприкосновенным, что он повешен на тяжёлой золотой цепи среди храма Чинтамуна в Джайсалмере (столице Раджпутанской пустыни) и снимается только для обчистки и нового переплёта с каждым восшествием нового понтифика. Это сочинение известного в истории Сомадиты Суру Ачарьи, великого первосвященника до мусульманского нашествия. Мантия его сохраняется до сих пор в храме и в неё облачается при посвящении каждый новый первосвященник. Тод, живший столько лет в Индии и приобретший любовь народа и браминов, какой ни один англичанин не добился и не добьётся, человек, привязавшийся к этому народу всеми силами души и написавший об Индии единственную правдивую историю,⁵⁶ не мог получить дозволения даже дотронуться до фолианта. Молва идёт, что ему предложили принять веру этой секты, обещая в таком случае посвятить его во все таинства. Страстный археолог, он чуть было не решился на это, но, принуждённый по болезни ехать в Англию, умер, не успев вернуться в своё второе отечество. Таким образом тайна этого нового тома Сивиллы остаётся доселе неразгаданной.

То же рассказывают и о Карли, его библиотеках и подземных ходах. А между тем археологи даже не в состоянии определить, кем построен этот древний храм, буддистами или браминами. Огромная *дагхота* (алтарь), закрывающая от взоров прихожан находящаяся за нею святилище, похожая на низкий минарет с куполом, осенена грибообразною крышей, называемую археологами зонтиком, как фигуры Будды и китайских мудрецов. Но шиваиты, во владении коих находится теперь Карли, уверяют, будто это приземистое здание, похожее на барабан с куполом, есть *лингам* Шивы. К тому же и лепная работа, и вырезанные в скале изваяния богов и богинь не допускают мысли, что этот храм есть произведение буддистов.

«Моё замечание, что пещеры *чаитьи* как бы мгновенно достигли высшего совершенства в архитектурном и скульптурном смысле, относится в особенности к этому пещерному храму (Карли)», пишет Фергюсон. «Возьмём ли мы нашим путеводителем Махавансу или надписи царя Ашоки, как тот, так и другой выбор приводит нас к одному и тому же результату. Очевидно, что эта страна (Декан) под именем Махараштханы (в рукописях Махавансы, а в надписях – Питеники) есть та самая необращенная земля, куда Ашока на десятом году своего царствования посылал миссионеров Будды; поэтому, если допустить это исчисление, то между обращением страны и сооружением этого великолепного памятника прошло не более одного века. В *вихарах* Карли, как и в других таких же, принадлежащих к той же эпохе, нет ничего такого, что не могло бы быть изваяно из натуральной пещеры того же времени; но в храме Карли мы видим такое смешение стилей и такое совершенство работы, что находимся более чем когда-либо в затруднении. Что такое этот памятник древности? Храм ли то браминов или буддистов? Выстроен ли он по плану, начертанному после смерти Шакьи Синги, или это есть принадлежность ещё более древней религии? Наконец, если мы правы, полагая, что рытьё пещер началось только после царствования Ашоки (в III веке до Р. Х.),⁵⁷ то для чего

⁵⁵ Такуры играют в Индии ту же роль, какую играли в Европе средневековые бароны феодальных времён. Номинально они подвластны или своим владетельным принцам, или же британскому правительству; но *de facto* они ни от кого не зависят. Построенные на неприступных скалах, их замки, кроме явного затруднения добраться до них иначе как по одному человеку, гуськом, представляют ещё ту выгоду, что каждый из них сообщается с подземными ходами, тайна которых переходит лишь наследственно, от отца к сыну. Мы посетили два из таких подземных покоев; один из них способен поместить в своих обширных залах целую деревню. Одни йоги (кроме владельцев) и посвящённые адепты имеют свободный к ним доступ. Хорошо известно, что никакая пытка, – тем более, что они саморучно и ежедневно прибегают к пытке сами, – не в состоянии заставить их выдать тайну.

⁵⁶ «The Annals and Antiquities of Rajast'han». By Colonel James Tod.

⁵⁷ Умер в 222 до Р. Х.

же, в то время как другие *вихары* (за исключением, впрочем, десятков иных, как Элефанта, Аджунта, Каннери и пр., которые Фергюсон старается придвинуть по возможности ближе к нашим временам) так малы и ничтожны, был предпринят подобный громадный труд прорытия скалы и сооружены именно этого храма?»

«That is the question».⁵⁸ Если Фергюсон, вынужденный фактическими доказательствами надписей допустить древность Карли, всё-таки станет утверждать, что Элефанта гораздо современнее, то ему едва ли когда-либо удастся выпутаться из этой дилеммы, так как стиль архитектуры тот же, а скульптурная работа ещё грандиознее. Приписывать храмы Элефанты и Каннери буддистам, а затем относить их постройку к IV и V, а другую к X столетиям нашей эры, значить навязывать истории странный и ни на чём не основанный анахронизм. После I века по Р. Х. в Индии не оставалось ни одного влиятельного буддиста; разбитые и преследуемые браминами, они бежали тысячами на Цейлон и за Гималаи. Со смертью царя Ашоки буддизм стал быстро распадаться, и в Индии его совершенно вытеснил теократический брахманизм. Гипотеза Фергюсона, что изгоняемые с материка последователи Шакьи Синги, вероятно, искали убежища на окружающих Бомбей островах, также едва ли может выдержать критически анализ. Элефанта и Сальсета под боком Бомбея (всего в двух и пяти милях) наполнены древними храмами индусов. Возможно ли предположить, чтобы брамины, более чем когда-либо в силе пред периодом, предшествовавшим мусульманскому нашествию, фанатики и смертельные в ту эпоху враги буддистов, дозволили ненавистным им еретикам строить буддистские пагоды не только в своих владениях вообще, но в «Харипури» в особенности, на острове их священного «города пещерных храмов»? Не нужно быть ни специалистом-архитектором, ни великим археологом, чтобы с первого же взгляда убедиться в том, что храм Элефанты, например, есть работа циклопов, требующая столетий, а не годов. В то время как в Карли всё выстроено и высечено по строго обдуманному плану, в Элефанте как бы тысячи разных рук, задаваясь каждая своим планом и следуя собственной идее, созидали каждая в своё время. Все три пещеры, например, выдолблены внутри твёрдой порфировой скалы: как средний большой, так и два боковые храма. Первый храм, почти квадратный (130 1/2 ф. длины и 130 ширины), имеет 26 толстейших колонн и 16 пилястр. Некоторые колонны отстоят друг от друга на 12, другие на 16 футов, на 15 и три вершка, на 13 и два вершка и так далее. Такую же разницу мы находим в пьедесталах колонн, где каждая разнится украшениями и чистотой работы от другой. Так почему же, спрашивается, не обратить внимания на объяснения браминов? Они говорят, что храм был задуман и начат сыновьями Панду, после «великой войны» *Махабхараты*, и что они завещали всем верующим продолжать работу по своему усмотрению. Затем храм строился целые три века. Желая искупить свои грехи приносил резец и работал; часто многие из членов царских фамилий и сами цари лично принимали участие в труде...⁵⁹ Если храм был мало-помалу заброшен, то это потому, что люди предыдущих и нынешнего поколения сделались слишком недостойными посещать подобное святилище.

⁵⁸ Вот в чём вопрос (англ.). – *Прим. ред.*

⁵⁹ По правую сторону храма конический камень, называемый линг или лингам (эмблема Шивы в его роли оплодотворяющей силы природы), стоит посреди небольшой четырёхугольной капеллы с четырьмя дверями. Вокруг этой капеллы расположено много огромных человеческих фигур; то, по словам браминов, портреты-статуи самих ваятелей, изображающее придверников святых, индусов самой высокой касты.

VII

*Женщины, толкущие рис.
Центральная Индия*

Ярмарка была в самом разгаре, когда мы, окончив наши визиты в кельи, облазив все ярусы и осмотрев знаменитую «залу бойцов», спустились вниз не по лестницам, от которых не осталось и следа, а как спускаются ведра в колодцы – на верёвках. До трёх тысяч народа собралось из соседних сёл и городов. Женщины, разукрашенные до пояса, в блестящих *sari*, с кольцами в ноздрях, ушах, губах и всюду, где только можно их прицепить, с гладко зачёсанными назад блестящими от кокосового масла волосами, цвета воронова крыла, с синим оттенком, косы коих были украшены пурпуровыми цветами, посвящёнными Шиве и Баване, женской половине бога. Перед храмом образовались ряды лавочек и палаток, где продавались все принадлежности обычных жертвоприношений: ладан, ароматические травы, сандаловое дерево, рис и *гулаб*, красная краска в порошке, которым они мажут идолов и затем собственные физиономии. Факиры, байраги, госсейны, весь штат нищенствующей братии прохаживались в толпе; обвитые чётками, с обмазанными синевакою сажёй лицами и телом, с их длинными, включенными волосами, собранными на макушке в чисто женский шиньон, они со своими

бородатыми физиономиями представляли пресмешное подобие голых обезьян. Некоторые из них, вследствие самобичевания, были страшно изранены. Были тут и *буни* – змее-чародеи, с целыми десятками кобр, фурзенов и змей вокруг пояса, шеи, рук и ног – модель, достойная кисти художника, желающего изобразить мужскую «фурию». Особенно отличался между ними один *джадугар* (колдун), обвинивший себе голову кобрами как чалмой; раздув капюшоны и подняв свои зелёные, листообразные головы, кобры безостановочно шипели – шипением, напоминающим тяжёлое дыхание умирающего; оно слышно за сто шагов. Быстро высовывая тонкое жало,⁶⁰ они сверкали маленькими злыми глазками на всех проходящих... Между прочим, вот что случилось: передаю факт так точно, как происходил, безо всяких объяснений и собственных гипотез, а прямо предоставляя разгадку проблемы натуралистам.

Надеясь, вероятно, на заработок, *буни* в змеиной чалме прислал к нам мальчика, предлагая показать, как он очаровывает змей. Не желая терять случая, мы согласились. Не стану распространяться обо всех штуках и фокусах, какие нам удалось видеть; перейду прямо к главному факту. Вынув *вагуду* (род дудки из бамбука), буни сперва погрузил змей в каталептический сон. Наигрываемая им мелодия, тихая, медленная и чрезвычайно оригинальная, усыпила было и нас самих: по крайней мере, всех нас вдруг стало непреодолимо клонить ко сну безо всякой видимой причины. Из этого полубетаргического состояния мы были вырваны нашим приятелем Гулаб Сингом, который, нарвав какой-то травы, советовал нам натереть ею крепко виски и веки. Затем буни вынул из грязного мешка что-то вроде круглого камешка, похожего на рыбий глаз или чёрный оникс с белой крапинкой посередине, величиной с наш гривенник. Он уверял, что кто купит этот камень, тот «очарует» им какую угодно кобру (на других змей камень не действует), мигом парализуя и под конец усыпляя её: к тому же это единственное, по его словам, спасение против укушения кобры; следует только немедленно приложить этот талисман к ране, к которой он тут же и пристанет так крепко, что его нельзя будет оторвать; затем, высосав весь яд, камень отпадает сам собою, и тогда минует всякая опасность...

Буни между тем стал дразнить своих змей. Выбрав громадную кобру, футов в 8 длины, он раздражил её до бешенства: обвив хвостом пень, она поднялась на дыбы и стала страшно шипеть.⁶¹ Наконец она укусила буни за палец, на котором вскоре показалось несколько капель крови. У толпы вырвался единодушный крик ужаса. Но буни не торопясь приклеил к пальцу свой камешек, который и пристал к нему как пиявка, и затем стал продолжать свои представления. «У змеи мешок вырезан», заметил полковник из Нью-Йорка; «это просто фарс...» Как бы поняв замечание, буни, после небольшой борьбы в ловкости, поймал кобру за шею одной рукой, а другою всунул ей в рот сломанную спичку, установив её перпендикулярно между двумя челюстями так, что они остались разинутыми; затем он стал подносить змею к нам поочерёдно, указывая на убийственную железку с ядом. Но полковник сдался не сразу. «Мешок там, а яду быть может и нет. Почём мы знаем?» Принесли живую курицу и, связав ей ноги, положили возле змеи. Но та отвернулась от жертвы и грозно шипела на буни. Тогда, просунув между связанных лап курицы палку, буни стал снова дразнить кобру, пока та, наконец, не укусила несчастную птицу. Слабо закудаhtала жертва, встрепенулась раз, другой и окоченела. Смерть была мгновенная...

⁶⁰ Выражение, общепринятое на всех языках, «ужаление» змей, чрезвычайно неверно передаёт факт укушения. Жало змеи (или её язык) совершенно безвредно. Для того, чтоб яд перешёл в кровь человека или животного, змее надо «прокусить» тело зубами, а не уколоть жалом, чего никакая змея не делает. Тонкие, как иглы, глазные зубы её сообщаются с мешочком (железкой, наполненной ядом и находящейся под нёбом); если у кобры вырезать этот мешочек, то она после того живёт не более двух, трёх дней. Поэтому заявление некоторых скептиков, что буни «вырезают» эти мешочки или железки у своих змей, несправедливо.

⁶¹ «Шипеть» также неправильное выражение. Змея (кобра по крайней мере) не шипит, а скорее «хрипит»; тяжёлое и громкое дыхание раздувает всё тело её, как грудь у человека.

Вслед за этим произошло нечто столь странное, что можно быть заранее уверенным, что мой рассказ восстановит против себя всех петербургских и московских антиспиритов и критиков. Но *факты*, даже вследствие самой убийственной критики, не могут перейти в область фикции, а так и останутся фактами. Змея мало-помалу дошла до такого исступления, что видно было, как самому *джадугару* становилось опасно приблизиться к ней. Как бы приклеенная хвостом ко пню, она металась во все стороны передним телом, стараясь укусить что ни попадало. В нескольких шагах от нас показалась собака, и на неё-то теперь буни устремил всё своё внимание. Скорчившись на земле, на благоразумном расстоянии от бесновавшейся кобры, он вперил в собаку неподвижный, стеклянный взор и стал напевать что-то сквозь зубы. Собака сразу обнаружила признаки беспокойства: поджав хвост, она было полуобернулась, чтоб уйти, но осталась как бы прикованною к земле. Через несколько секунд собака стала ползти на животе по направлению к буни, всё ближе и ближе, слабо визжа и не сводя с него глаз, словно очарованная... Я поняла мысль чародея, и мне стало ужасно жаль бедной собаки; мне хотелось как-нибудь спасти её, разрушить это влияние. Но, к ужасу моему, я почувствовала, что у меня самой язык как бы прилип к гортани, и что мне невозможно было не только встать, но и пошевеливать пальцем. Эта дьявольская сцена продолжалась, к счастью, недолго. Медленно ползя, собака уже была на пол-аршина от кобры: в одно мгновение со страшным шипением змея кинулась на неё и укусила в голову... С жалобным визгом животное упало на спину, задрогало ногами и менее чем в минуту издохло. Сомневаться в присутствии яда в мешочке становилось более невозможным. Между тем камешек отпал от ранки, и колдун стал всем показывать свой заживший палец, на котором чуть краснел укол не более как в булавочную головку. Поставив всех своих змей на хвосты и держа камешек между большим и указательным пальцами, он стал показывать влияние на них своего талисмана. По мере приближения пальцев к головам змей, те подавались всем телом назад; упёршись глазами в камень, они дрожали, наклонялись всё ниже и ниже, пока наконец не падали наземь усыпленные... Затем он предложил скептическому полковнику сделать лично опыт. Несмотря на наши предостережения, этот немедленно согласился, выбрав для первого эксперимента большую кобру. Вооружённый *камнем*, полковник храбро подошёл к ней и поднёс его к голове змеи. Сперва, раздув капюшон, она сделала движение, чтобы кинуться на него, но вдруг остановилась как бы вкопанная и, закинув голову назад, вперила глаза в камешек, которым тот медленно водил по всем направлениям, приближая его постепенно ко лбу змеи и заставляя её крутиться на хвосте. От страха мы положительно не смели двигаться. Когда же камень, а вместе с ним и пальцы полковника приблизились на полвершка от головы змеи, она вдруг зашаталась всем телом и во все стороны, как пьяная; шипенье делалось всё слабее, капюшон повис по обеим сторонам шеи; глаза стали закрываться. Склоняясь всё ниже и ниже, змея наконец упала наземь, как надломленный сучок дерева, и в свою очередь заснула...

Только тогда мы вздохнули свободно. Отведя колдуна в сторону, мы пожелали купить у него камень, на что он, к нашему удивлению, тотчас же согласился, запросив две рупии. Талисман перешёл в мою собственность и в настоящее время находится у меня в сохранности. Буни уверяет (а наш приятель индус подтверждает), что это не камень, а нарост. Его находят в нёбе у кобры, у одной из ста, между костью верхней челюсти и кожей, покрывающей нёбо. Камешек этот не прикреплен к черепу, а висит отдельно на жилке и может быть вынут посредством простого надреза кожи; но вслед за этою операцией кобра умирает. По словам Бишу-Натха (имя нашего колдуна), подобный во рту нарост делает из владеющей им змеи нечто вроде царя между кобрами⁶² (говорил буни), и другие кобры повинуются ей. Затем буни предложил поймать другую

⁶² Шудры – низшая из четырёх главных каст: 1) брамины, 2) кшатрии (воины), 3) вайшья (купеческое сословие) и 4) шудры (земледельцы, слуги) Эти четыре касты подразделяются на бесчисленное множество других.

собаку, что и было сделано: змея укусила её, а он приложил к ранке камень; собака даже и не заметила укушения, оставаясь очень спокойною, пока он не отнял камня от раны. Прощаясь с нами, буни советовал держать «талисман» в сухом месте и остерегаться оставлять его поблизости мёртвого тела, или же оставлять при свете во время солнечного и лунного затмения, иначе он потеряет силу. Затем, в случае укушения бешеной собакой, стоило только положить «камень» в стакан с водой и оставить его в ней на ночь; на другой же день дать больному выпить эту воду, и он выздоровеет.

– Это чёрт, а не человек! – воскликнул полковник, когда буни ушёл в направлении к святилищу Шивы, куда нас, впрочем, не пустили.

– Такой же смертный, как и мы с вами, – заметил, улыбаясь, *раджпут*, – и даже очень невежественный. Только, как почти все эти *serpent charmers*,⁶³ он воспитан браминами во храме Шивы, великого патрона всех змей; там их учат разным «месмерическим фокусам» *практически*, не объясняя им ровно ничего, с целью, чтоб они верили, что всё это производится Шивой, которому они, конечно, и приписывают всю честь своих *чудес*.

– Но ведь правительство давно уже предлагает премию в несколько тысяч рупий за противоядие от укушения кобры. Почему же они не являются за премией, когда каждый год погибает столько народу?

– Брамины никогда не допустят их до этого. Если бы правительство потрудились вникнуть серьёзнее в статистику смертных случаев от укушения змей, то оно нашло бы, что *ни один индус из секты Шивы не умирает ещё от кобры*. Умирают люди других сект, а своих они спасают.

– Но ведь вот же он нам, незнакомым, и вдобавок иностранцам, открыл секрет. Почему же англичанам не воспользоваться им?

– Потому что для европейцев он совершенно бесполезен. Индусы и не скрывают этого противоядия, ибо знают, что без них никто не в состоянии им воспользоваться. «Камень» сохраняет свою силу лишь при условии быть вынутым из *живой* кобры. Чтобы поймать эту змею живую, необходимо сперва погрузить её в летаргический сон или, как это называется, «очаровать» её. Кто из иностранцев способен на это? Даже между индусами, за исключением воспитанников шиваитских браминов, не найдётся ни одного во всей Индии человека, владеющего этим секретом древности. Одни брамины Шивы, да и то далеко не все, а только исключительно принадлежащие к школе лже-Патанжали, к школе так называемых аскетов *бхутов* (демонов), имеют монополию. Во всей стране осталось лишь с полдюжины таких школ-пагод, рассеянных по всем пунктам Индии, а их обитатели скорее расстанутся с жизнью, чем выдадут тайну.

– Мы заплатили две рупии за камень, который в руках полковника оказал такое же влияние, как и в руках буни. Разве так трудно скупать запасы подобных камней?

Наш приятель засмеялся.

– Через несколько дней талисман в ваших неопытных руках потеряет всю свою целительную силу. Он оттого-то так дешёво и продал вам его, и в эту минуту, вероятно, приносит свой ловкий обман в жертву пред алтарём своего божества. За одну неделю целительного свойства вашей покупки ручаюсь; затем вы можете его смело выбросить за окно.

Мы скоро убедились в истине сказанных слов на деле. Укушенная на другой же день зелёным скорпионом девочка каталась в последних судорогах. Как только мы приложили к ране камень, ребёнок получил немедленное облегчение, а через час уже весело играл, тогда как в случае укушения даже простым чёрным скорпионом люди болеют по две недели. Но когда дней *через десять* после того в Аллахабаде мы пожелали испробовать силу «камня» над

⁶³ Заклинатели змей (англ.). – Прим. ред.

бедным кули, которого только что ужалила змея (тут же убитая кобра), талисман наш даже и не пристал к ране, а через час несчастный умер.

Я не берусь ни объяснять, ни защищать свойство «камня»; я просто заявляю факт, оставляя его дальнейшую судьбу на произвол судьбы и господ скептиков. Но и в этом мне легко найти много живых свидетелей в Индии. Когда д-р Файрер, только что издавший в свет своё известное во всей Европе сочинение о змеях Индии *Thanatophidia*, категорически заявил в нём о своём неверии во все эти пресловутые средства «фокусников» Индии, то случилось следующее. Его повар через неделю или две по появлении его учёного сочинения между англо-индийцами был укушен коброй. Проходивший мимо дома буни вызвался спасти несчастного. Именитый натуралист уже приготовился было приказать вытолкать буни за порог, как майор Келлей и другие офицеры упростили его «попробовать». Презрительно махнув рукой и объявив, что через час его повара всё-таки не станет, доктор согласился. *Через час* повар стряпал почтенному учёному и его гостям обед на кухне, а сам профессор чуть было не кинул своё новое сочинение в огонь...

День становился страшно знойным; солнце накалило скалы до такой степени, что они жгли ноги даже сквозь толстые подошвы. Мы решились уйти домой, то есть в нашу прохладную пещеру, находившуюся шагах в шестистах от большого храма.

VIII

Храм в Аджанте

Пройдя портик у главного входа, мы заметили стоящего отдельно от толпы молодого человека, поразившего нас своею идеальною красотой. То был член секты *садху*, «кандидат во святого», как выразился один из нашей компании.

Эти *садху* отличаются от прочих сектантов. Они не ходят нагими, не покрывают тела мокрою золой, не носят отличительных знаков на лице и лбу и не поклоняются идолам. Принадлежат к строгой секте адвайти школы веданты, они признают лишь Парабрахму (великого духа). Одетый в довольно приличную светло-жёлтую кисейную рубашку без рукавов, с длинными распущенными волосами, *садху* стоял с непокрытою головою, опершись локтем на корову, с выросшею у ней из горба «пятою ногой». Это удивительное произведение природы обмахивалось своею пятою ногой, словно рукой, чеша голову копытцем и хлопая им по ней мух. Приняв сперва этот запасный член за фокус, мы очень недоверчиво смотрели как на него, так и на красивого обладателя коровы; но, подойдя ближе, мы убедились, что то действительно была игра шаловливой природы, а не хитрость человека. Мы узнали от хозяина, что это животное было подарено ему магараджей Холькаром и уже два года кормило его своим молоком, единственною его пищею.

Садху – ученики и последователи *раджа-йога* обыкновенно секты ведантистов (как уже сказано выше), то есть посвящённых мистиков, совершенно отрешившихся от света и ведущих целомудренную жизнь монахов; они не отличаются каким-либо особенным костюмом, кроме белого тюрбана и длинных волос. Между *садху* и *буни* (учеников шиваитов) существует смертельная вражда, выражающаяся с одной стороны молчаливым презрением, а с другой – неудачными со стороны буни попытками стереть *садху* с лица земли. Эта неприязнь напоминает антагонизм «света и тьмы», нечто вроде дуализма Ахура-Мазды и Аримана у последова-

телей Зороастра. На первых народ взирает как на магов, сынов солнца и божественного начала; на вторых – как на опасных колдунов. Наслышавшись о репутации первых и их «чудодейных» способностях, сгорая любопытством увидеть на деле приписываемые им (даже многими англичанами) *чудеса*, мы очень просили *садху* навестить нас вечером в нашей вихаре. Но красивый аскет наотрез отказался, под предлогом, что мы поселились в храме идолопоклонников, одна атмосфера которых действует на него неприязненно. Видя его непреклонность, мы было пробовали предложить ему денег, но он решительно от них отказался, и мы ушли.

Тропинка, или скорее выем на почти перпендикулярной стене скалы к нашей вихаре, ведёт от главной пещеры вдоль обрыва в 900 футов глубины. Требуется верный глаз, твёрдая поступь и очень крепкая голова, чтобы при малейшем неосторожном шаге не скатиться в пропасть; тут посторонняя помощь почти бесполезна, так как по этому выему (около двух футов ширины) идти двум особам рядом положительно невозможно. Пришлось пробираться гуськом, призывая на помощь все имеющееся налицо присутствие духа; у некоторых же из нас этот дух находился в бессрочном отпуску. Особенно неприятно было положение нашего американского полковника, весьма полного, близорукого почти до слепоты и, вследствие этого, страдающего головокружением. В виде слабого утешения, мы было затагнули хором дуэт из *Нормы* «*Morgiam insieme*»... и для вящей уверенности, что смерть либо минует всех, либо мы все четверо «умрём вместе», крепко держали друг друга за руки – гуськом; однако полковник нас заставил-таки сильно перетрусить за него. Мы были уже на полдороги, как вдруг он, оступившись, зашатался, внезапно вырвал руку из моей руки и – покатился вниз... Держась все трое одною рукой за кусты и скалы, мы даже не успели поддержать его другою. Вырвавшийся у нас единокорный крик ужаса замер с первой секунды, когда, обернувшись лицом к пропасти, мы увидели, как, наткнувшись по склону шагах в шести под нами на деревцо, он повис на нём обеими руками и ногами. К счастью, мы знали его за хорошего гимнаста, владеющего к тому же замечательным хладнокровием. Но минута была критическая: тонкий ствол мог каждую минуту сломаться, и наш полковник полететь в бездну. Мы уже стали было кричать о помощи, как вдруг, будто выросши из недр горы, нам предстал таинственный *садху* со своею коровой...

Оба шли футах в двадцати под нашими ногами, по невидимым выступам скал, где, казалось, негде было укрепить и детской ноги – шли также беспечно и уверенно, как если бы вместо отвесной скалы они шли по широкой шоссеиной дороге. Подняв голову, *садху* закричал висевшему над его головой полковнику держаться крепче, а нам не трогаться с места. Ласково потрепав «пятиногую» по шее, он снял с неё верёвку, всё время тихо напевая что-то вроде «мантры»; затем, взяв её обеими руками за голову, направил её в нашу сторону и, защёлкав языком, спокойно сказал ей: «чал!» (иди!) В одно мгновение, запрыгав, словно дикая коза, вверх по скалам, корова очутилась немного впереди нас, где и стала на тропинке, как вкопанная. Сам же *садху*, по-видимому, с такою же ловкостью полез к дереву, и обмотав полковника верёвкой за пояс, сперва поставил его на ноги, а затем, поднявшись выше на тропинку, одним взмахом сильной руки втащил его за собою, немного бледного и потерявшего лишь своё *ripse-pez*, но отнюдь не присутствие духа.

Происшествие, грозившее было окончиться трагедий, заключилось комедией.

Солнце уже склонялось к западу и становилось опаснее, чем когда-либо, терять время. «Через несколько минут станет темно, и тогда мы все погибнем», заметил секретарь полковника, Эдвард У***. Между тем наш *садху*, не понимавший, по-видимому, ни слова по-английски, опутав снова шею своей коровы верёвкой, стоял неподвижно на повороте тропинки. Его высокая, тонкая фигура, возвышаясь над пропастью, словно висела на воздухе; одни развевающиеся по ветру длинные чёрные волосы заставляли помнить, что пред нами стоит живой человек, а не великолепное бронзовое изваяние. Забыв только что миновавшую опасность и наше положение, мисс Б., художница по призванию и страстная почитательница всего артистического, громко воскликнула: «Вы только взгляните на этот чисто греческий, величественный

профиль!.. Посмотрите на позу этого человека... Как он весь отделяется на золотисто-голубом фоне неба. Это греческий Адонис, а не индус»... Но «Адонис» первый прервал этот восторг. Он медленно повернулся к нам, взглянул мельком, не то кротко-насмешливым, не то презрительным взором на выпучившую на него глаза мисс Б***, и произнёс своим тихим певучим голосом на языке хинди:

– Маха-саиб (великий саиб, господин) не может идти далее без помощи чужих глаз; его глаза – враги саиба. Пусть саиб сядет на мою корову; она никогда не оступится...

– Чтоб я сел верхом на корову, да ещё вдобавок и пятиногую? никогда! – воскликнул бедный полковник с таким растерянным видом, что мы все покатались со смеху.

– Лучше саибу сидеть на корове, нежели лежать на читте,⁶⁴ – серьёзно и также кротко заметил *садху*. – Зачем приближать час, который ещё не пробил?

Делать было нечего, и мы наконец уломали полковника. Осторожно и ловко посадив его на корову и посоветовав держаться покрепче за её пятую ногу, индус повёл её на верёвке вперёд, а за ним поплелись и мы.

Чрез минуты две мы уже стояли на крытом крыльце или – по-здешнему – веранде, идущей глубоко внутрь скалы вихары, где и нашли наших вернувшихся другою тропинкой индусов. Рассказав им о происшествии, мы повернулись, ища глазами *садху*. Но он уже успел исчезнуть со своею коровою...

– Не ищите его, он ушёл другою, одному ему известною дорогой, – небрежно заметил Гулаб Синг. – В вашей благодарности он вполне уверен, а денег ваших ему не нужно. Он *садху*, а не *буни*, – добавил он с гордостью.

Мы вспомнили, что наш гордый приятель сам принадлежит к секте *садху*.⁶⁵

– Кто знает, – шепнул мне полковник, – быть может и правда, что о нём говорят?

В главной зале вихары, в трёх стенах которой были прорыты двери в 12 меньших келий, находилось высеченное в скале в натуральный рост изображение *Бавани* (богиня Шивы). Из утробы «деваки» струились чистые, прохладные воды горного родника, падавшие в бассейн у ног её. Кругом лежали кучи жертвоприношений: цветы, рис, бетель и ладан. Там было так сыро, что мы предпочли остаться ночевать на воздухе. Таким образом мы провели эту ночь на веранде, висая, можно сказать, между небом и землей, освещаемые снизу огнями пылавших костров, зажжённых слугами Гулаб Синга на страх диким зверям, а сверху – светом полной луны. Эта обстановка, ужин в чисто-восточном вкусе, на полу, на разостланных коврах и на толстых банановых листьях вместо тарелок; скользящие неслышными шагами, как немые тени, босые служители в белых кисейных драпировках и красных тюрбанах; пред нами беспредельная глубь, теряющаяся в волнах лунного сияния, а за нами тёмные своды вековых пещер, вырытых неизвестною расой, в неведомые времена и неведомо в честь какой доисторической религии, – всё это переносило нас в непривычный мир, в другие далёкие эпохи... Вот пред нами сидят пять представителей пяти различных народов, пяти совершенно разных типов и в пяти разнообразных костюмах. Все пятеро известны в этнографии под генерическим названием *индусов*, вроде того как орлы, грифы, ястреба, коршуны и совы известны в орнитологии за «хищных», но представляют между собою такую же разницу. Каждый из этих пяти собеседников – раджпут, бенгалиец, мадрасец, сингалезец и махрат – потомок рас, о началах и происхождении которых европейские учёные спорят уже более полувека, не приходя ровно ни к какому между собою соглашению. Несмотря ни на что, показания самих народов отвергаемы по большей части потому только, что они не гармонируют с предвзятыми понятиями; смысл древних рукописей их перековеркан и факт отдан в жертву фикции, коль скоро последняя

⁶⁴ *Читта* – костёр, на котором сжигают покойников.

⁶⁵ «Садху-Нанака» не следует смешивать с сектой сикхов последователей «Гуру-Нанака»: первые – ведантисты «Адвайты»; последние – монотеисты. Адвайты признают лишь «Парабрахму», безличное божество.

исходит из уст неких излюбленных оракулов. Невежественный народ часто обвиняется в суеверии по той лишь причине, что создаёт себе вымышленных идолов в мире духовном; а между тем образованный мир, мир жаждущий познаний, мир просвещённый, поступает в отношении к своим авторитетам ещё глупее обвиняемого им народа. Предоставив полдюжине увенчанных лаврами учёных право извращать факты по-своему, выводить собственные заключения по личному усмотрению, он побивает камнями каждого, кто осмелится восстать против резолюции этих якобы непогрешимых специалистов, называя его невеждой и глупцом. Вспомним, например, случай с Луи Жаколио, прожившим двадцать лет в Индии, изучившим в совершенстве язык и страну и смешанным однако же с грязью Максом Мюллером, чья нога никогда не была в Индии.

Самые древние народы Европы являются ребятами, еле вышедшими из пелёнок в сравнении с племенами Азии, особенно в Индии. И, Боже мой, как жалки и бедны кажутся генеалогии самых старинных европейских фамилий сравнительно с генеалогией некоторых раджапутских семейств! По мнению полковника Тода, более двадцати лет изучавшего их на месте в Раджастане, эти родословные, ведущие свои записи от 1000 до 2200 лет до Р. Х. и подтверждаемые во множестве случаев греческими писателями, являются самыми совершенными и самыми безошибочными между родословными всех древних народов. После долгих и тщательных разысканий и сравнений с ними *Пуран* и разнообразных надписей на памятниках, Тод пришёл к заключению, что в одних рукописях Удайпурского архива (ныне уже кем-то припрятанных) найдётся ключ не только к истории Индии, но и ко всемирной древней истории. Вот что, между прочим, говорит он по этому поводу: «Дабы отыскать этот ключ, мы не должны следовать легковерному примеру многих археологов, незнакомых с Индией и потому воображающих, будто истории Рамы, Махабхараты, Кришны и пяти братьев Панду суть одни лишь „аллегории“. Тот, кто пожелает серьёзно вникнуть в их легенды, очень скоро убедится, что эти так называемые „басни“ все до одной основаны на фактах истории, доказательством чему служат потомки их героев, племена, древние города и до сей поры существующие монеты. Разберём сперва надписи на колоннах *Инды-Престхы*, *Пураса* и *Мевара*, на скалах *Джуннагура* в Биджоли, на *Аравули* и в древних, рассеянных по всей Индии джайнских храмах, где мы находим столько надписей на языке, до сей поры нам неизвестном языке, в сравнении с которыми самые иероглифы являются игрушкой, – и только тогда мы получим право выразить наше окончательное мнение».

А между тем профессор Макс Мюллер, который, как сказано выше, никогда и не заглядывал в Индию, судит и рядит и устанавливает для неё хронологические таблицы по собственному усмотрению. Европа, принимая его слово за слово оракула, беспрекословно подчиняется его решениям. Et c'est ainsi que s'écrit l'histoire...⁶⁶ Говоря о хронологии почтенного немецкого санскритолога, не могу утерпеть, чтобы не показать (хоть бы России), на каких хрупких началах основаны все его учёные доводы и как мало мы можем придавать веры его исчислениям, когда дело идёт о давности той или другой рукописи. Быть может, что в этом поверхностном описании Индии, не имеющем ни малейшей претензии на учёность, сказанное мною покажется не идущим к делу; но в России, как, впрочем, и во всей Европе, об этом филологическом свете судят лишь по знакам восклицания и одобрения его подобострастных последователей, а *Веда-Бхашии*, например,⁶⁷ свами Дайананда не читают, да может никогда и не слышали об этом сочинении, что профессору Макс Мюллеру, конечно, весьма на руку. Постараюсь передать суть дела как можно короче.

В своём санскритском сочинении *Sahitya Grantha* профессор Макс Мюллер, указывая, что арийское племя в Индии приобрело свои понятия о Боге постепенно и чрезвычайно мед-

⁶⁶ И так пишется история (фр.). – Прим. ред.

⁶⁷ Перевод Вед на язык хинди с комментариями и объяснениями. Это первый полный перевод.

ленно, желает этим доказать, что *Веды* совсем не такое древнее писание, как это утверждают некоторые из его коллег. Представив затем более или менее веские доказательства и подтверждение этой новой теории, он заключает их неопровержимым, по его мнению, фактом, указывая в *Мантрах* на слово *hirannya-garbha*, которое он переводит словом «золото», и при этом добавляет, что так как отдел *Вед*, называемый *Chanda*, появился 3100 лет тому назад,⁶⁸ то отдел *Мантр* не мог быть написан ранее 2900 лет. При этом он рассекает филологически и хронологически *Мантру* («*Agnihi Poorwebhihi*» etc.), в которой он находит выражение *hirannya-garbha* и затем торжественно уличает оное в анахронизме: «о *золоте* древние народы не имели никакого понятия (говорит он), стало быть, если в *Мантре* говорится о золоте, то эта *Мантра* сочинена и эпоху сравнительно современную» и пр.

Но тут именитый санскритолог сильно обрывается. Свами Дайананд доказывает, а за ним и другие учёные пандиты и даже самые ему неприязненные подтверждают, что Макс Мюллер совершенно не понял значения термина «*Hirannya*». Первоначально оно вовсе не означало, а в соединении со словом *garbha* и теперь не означает «золота» – слова современного и не существующего на старом санскритском языке *Вед*. Таким образом, все блестящие доводы профессора так и пропадают даром; слово *Hirannya* в этой *Мантре* должно переводить «божественный свет», символ познания (в мистическом смысле), подобно тому, как у алхимиков «свет» назывался *сублимированным золотом*, из лучей которого они надеялись составить объективный металл. А в соединении со вторым словом – *Hirannya-garbha* (буквально *светозарное чрево*), означает в *Ведах* первоначальный принцип, в утробе коего (как золото в утробе земной) покоится свет божественного познания и истины, эссенция освобождённой от греховного мира души. В *Мантрах*, как и в *Чандах*, постоянно следует искать двоякий смысл: 1) чисто-метафизический и отвлечённый и 2) чисто-физический, так как земное или существующее на земле тесно связано с миром духовным, из которого исходит и которым снова поглощается. Например, *Индра* бог грома, *Сурья* – бог солнца, *Вайю* – бог ветра, и *Агни* – бог огня; все четверо, подвластные этому первоначальному божественному принципу, исходят, по учению *Мантры*, из утробы *Hirannya-garbha*. В этом случае они (боги), подвластные единому принципу, суть духи или олицетворённые силы природы. Но посвящённые в таинство адепты Индии весьма хорошо понимают, что вместе с этим бог *Индра*, например, просто звук, происходящий от столкновения электрических сил, или, вернее, само электричество; *Сурья* не бог солнца, а центр огня в нашей системе – эссенция того, из чего проистекают огонь, тепло, свет и т. д., то есть именно то, чего никто, даже из наших великих учёных, лавирующих между Тиндалем и Шрёпфером, не умел ещё определить... Этого-то тайного смысла профессор Мюллер и не сумел доискаться, вследствие чего он и рубит сплеча, придерживаясь одной мёртвой буквы. Каким же образом позволяет он себе определять давность *Вед* по собственным выводам и заключениям, когда он ещё так несовершенно понимает язык этого древнего писания?..

Вот сущность ответа свами, к которому мы и отсылаем гг. санскритологов, если они только потрудятся заглянуть в его *Rigvedàdi Bhàshya Bhoomika*⁶⁹ (книга 4, стр. 76).

В эту ночь все мои спутники, кроме меня, спали как убитые. Свернувшись возле догорающих костров, они нимало не обращали внимания ни на гул доносившихся с ярмарки тысяч голосов, ни на продолжительный, глухой, словно раскаты далёкого грома, рёв тигров, поднимавшийся из долины, ни даже на громкое моление пилигримов, шествие которых по узкому карнизу скалы, с которого мы чуть было не слетели днём, продолжалось взад и вперёд всю ночь. Они приходили партиями по два, по три человека; иногда шли одинокие женщины. Так как им не было доступа в большую вихару, на веранде которой мы лежали, то, поворачав, они отпра-

⁶⁸ Веды разделяются на две части: на Чанды (стопы, стихи и пр.), и на Мантры (молитвы, ритмические гимны и вместе с тем заклинания в их применении белой магией).

⁶⁹ Это периодическое ежемесячное издание, вероятно получается в России, в С. – Петербургской Академии Наук.

лялись в боковую келью, нечто вроде часовенки, с изображением Деваки-Мата (богини матери) и с наполненным водою *танком*. Подойдя к дверям, пилигрим простирался на земле, клал приношение у ног богини и затем или окунался в «святую воду очищения», или же, зачерпнув рукой воды из *танка*, мочил себе лоб, щёки, грудь; потом снова простирался и шёл уже назад, спиной к дверям, где опять простирался, пока с последним воззванием к «мата, маха мата!» (матери, великой матери!) окончательно не исчезал в темноте. Двое слуг Гулаб Синга, с традиционными копьями и щитами из носорожьей кожи, получив приказание охранять нас от диких зверей до рассвета, сидели на ступеньке над пропастью. Не в состоянии уснуть, я следила за всем окружающим с возрастающим любопытством. Не спал в ту ночь и такур. Каждый раз, как я полуоткрывала отяжелевшие от усталости веки, мне бросалась в глаза гигантская фигура нашего таинственного друга...

Поместясь по-восточному (с ногами) на одной из высеченных в скале скамеек, у самой окраины веранды, он сидел неподвижно, обвив обеими руками приподнятые колена и вперив глаза в серебристую даль. Раджпут сидел так близко к краю, что малейшее неосторожное движение, казалось, должно было свергнуть его в зиявшую у ног его пропасть. Но он двигался не более стоявшей наискось от него гранитной богини Бхавани. Обливавшее всё впереди его сияние месяца было так сильно, что чёрная тень под нависшею над ним скалой делалась ещё непроницаемее, оставляя его лицо совершенно во мраке. Только вспыхивавшее по временам яркое пламя догорающих костров, обливая тёмно-бронзовое лицо горячим отсветом, позволяло порой разглядеть неподвижные черты сфинксоподобного лика, да как угли светящиеся, такие же неподвижные глаза.

Что́ это? спит ли он или замер? Замер, как замирают посвящённые *раджа-йоги*, о которых он сам рассказывал утром... О Боже мой! хоть бы заснуть!.. Вдруг громкое продолжительное шипенье, раздавшееся у самого уха, как бы из-под сена, на котором мы свернулись, заставило меня внезапно вскочить с какими-то неясно определёнными воспоминаниями о «кобре». Затем пробило раз, другой... То был наш американский дорожный будильник, как-то нечаянно попавший под сено. Сделалось и смешно, и стыдно за невольный испуг.

Но ни шипенье, ни громкий бой часов, ни моё быстрое движение, заставившее мисс Б*** сонливо приподнять голову, не пробудили Гулаб Синга, который всё также висел над пропастью, как и прежде. Прошло ещё с полчаса. Несмотря на долетавший издали гул праздника, всё кругом было тихо и неподвижно; сон бежал от меня всё более и более. Подул свежий пред-рассветный и довольно сильный ветер, разом зашелестевший листьями и вскоре закачавший кругом нас вершинами торчавших из бездны деревьев. Всё моё внимание было теперь сосредоточено на группе трёх сидевших предо мною раджпутов: на двух щитоносцах и их господине. Не знаю почему, но оно было особенно привлечено в эту минуту длинными развивавшимися по ветру волосами слуг, сидевших сбоку веранды и более защищённых от ветра, нежели их *саиб*. При взгляде в его сторону, мне показалось, будто вся кровь у меня застыла в жилах: висевшую возле него и крепко привязанную к колонне кисейную вуаль (*тони*) хлестало со всех сторон ветром; длинные же волосы *саиба* лежали неподвижно, словно приклеенные к плечам: ни один волос не шевелился, ни малейшего движения в лёгких складках обвивавшей его белой кисеи; изваянная статуя не может казаться неподвижнее...

Да что́ ж это такое? Бред, галлюцинация или изумительная, непонятная действительность? Крепко зажмурив глаза, я было решила не глядеть далее. В эту минуту что-то захрустело в двух шагах от ступени, и длинный чёрный силуэт – не то собаки, не то дикой кошки – ясно очертился на светлом фоне неба. Животное стояло на краю обрыва боком, и высокий, трубою хвост то подымался, то опускался в воздухе... Оба раджпута быстро, но неслышно встали и повернули голову к Гулаб Сингу, как бы ожидая приказаний... Да где же сам Гулаб Синг? На месте, где за минуту до того он так неподвижно сидел, никого не оказалось; лежала лишь одна сорванная ветром *тони*... Страшный, продолжительный рёв вдруг оглушил меня,

заставив вскочить на ноги; рёв этот, проникнув в вихару, казалось, разом пробудил уснувшее эхо и отозвался глухими раскатами вдоль всего обрыва. Господи... тигр! Не успела эта мысль ещё ясно сложиться в уме моём, как захрустели деревья, и словно чьё-то тяжёлое тело покатилося в пропасть. Все мгновенно вскочили; мужчины схватились за ружья и револьверы; произошла страшная суматоха...

– Что с вами? – раздался спокойный голос Гулаб Синга со скамьи, где он снова сидел, как ни в чём не бывало. – Что это вас всех испугало?

– Тигр! Ведь это был тигр? – посыпались вопросы европейцев и индусов. Мисс Б*** дрожала, как в лихорадке.

– Тигр, или что другое, теперь это для нас очень мало значить. Что бы оно ни было, теперь оно лежит на дне пропасти, – отвечал, зевая, раджпут. – Вы, кажется, особенно встревожены? – добавил он с лёгкою иронией в голосе, обращаясь к истерически рыдавшей англичанке, которая видимо колебалась, упасть ли ей в обморок или нет.

– И почему это правительство не уничтожит всех этих ужасных зверей? – всхлипывала наша мисс, вполне веровавшая во всемогущество своего правительства.

– Вероятно потому, что наши *повелители* приберегают порох на нас самих, делая нам честь считать нас опаснее тигров, – отрезал Гулаб Синг.

Чем-то грозным и вместе насмешливым звучало это слово «повелители» в устах раджпута.

– Но каким же образом вы отделались от «полосатого»? – допытывался полковник. – Разве кто стрелял?

– Огнестрельное оружие только у вас, европейцев, считается *единственным* или, по крайней мере, *самым верным способом* одолевать диких зверей. У нас, дикарей, есть и другие средства, даже более опасные, – пояснил бабу Нарендро Дас-Сен. – Вот когда вы приедете к нам в Бенгалию, то будете иметь хороший случай познакомиться с тиграми; они приходят к нам непрошенные и днём и ночью, даже в городах...

Начинало светать, и Гулаб Синг предложил спуститься вниз и до первых жаров осмотреть другие пещеры и развалины крепости. В пять минут всё было готово к завтраку, и в половине четвёртого мы отправились другой, более покатою дорогой в долину, на этот раз без особенных приключений. Только махрат, не говоря ни слова, отстал от нас и исчез.

IX

Факир в Мадрасе

Осмотрев Логарх, крепость, взятую Сиваджи в 1670 году у могулов, и ныне разрушенные покои, где вдова Нана Фарнави́зы⁷⁰ под предлогом протекции и 12 000 рупий пенсии со стороны Англии, сделалась *de facto* пленницей генерала Уелеслея (Wellesley) в 1804 году, мы поехали в богатую и когда-то укрепленную деревню Варгаон. Там мы решили переждать знойные часы (от 9 утра до 4 пополудни) и потом ехать в исторически знаменитые пещеры Бирзы и Баджах, милях в трёх от Карли.

Часа в два пополудни, когда, обвеваемые огромными протянутыми через всю длину комнаты пánками, мы, несмотря на то, сильно охали от жары, неожиданно предстал нам исчезнувший с дороги приятель наш – махратский брамин. Сопровождаемый полдюжиной дакни (жителей Деканского плато), он тихо ехал верхом, сидя почти на ушах лошади, которая фыркала и очень неохотно шла; когда же он подъехал к крыльцу веранды и спрыгнул с коня, мы увидали в чём дело: поперёк седла лежал, волоча по земле хвост, громадный тигр. Из полуоткрытой пасти висела кусками запёкшаяся чёрная кровь. Его сняли и положили у порога.

Неужели это наш ночной посетитель? мелькнуло у меня в уме. Я взглянула на Гулаб Синга. Он лежал в углу на ковре, опершись головой на руку, и читал; брови его слегка нахмурились, но он не произнёс ни слова. Молчал и брамин, привёзший тигра, тихо отдавая приказание, словно он приготовлялся к торжественному таинству. По народному суевию, то было действительно «таинством», как мы это скоро узнали...

Клочок шерсти тигра, убитого не пулей или каким-либо холодным оружием, а *словам*, считается самым верным талисманом против нападения ему подобных. «Такие случаи чрезвычай-

⁷⁰ Нана Фарнави́за был первым министром пешвы, молодого Махадева Рао, которого он так строго держал в руках, что тот, после публично полученного от него выговора, утром 26 октября 1796 г., бросился вниз с террасы своего замка, в Пуне, и умер.

чайно редки, говорил нам махрат, так как чрезвычайно трудно встретить человека, обладающего этим *словом*. Отшельники *йоги* и *садху* не убивают их, считая убиение даже тигра и кобры грехом, а просто *отстраняют* от себя зверей. Есть только одно *братство* в Индии, члены коего обладают всеми секретами и для которых нет в природе тайн... А что тигр был убит не вследствие падения со скалы (они никогда не оступаются), не пулей и не каким-либо другим орудием, а просто *словом* Гулаба Лалл Синга, то в этом нам порукой тело самого зверя». «Я нашёл его очень скоро», продолжал рассказывать брамин, «в кустах, где он лежал, прямо под нашею вихарой, и у подножия скалы, с которой он скатился вниз уже мёртвым... Гулаб Лалл Синг, – ты раджа-йог, и я тебе кланяюсь!..», добавил гордый брамин, присоединяя дело к слову и простираясь пред такуром на землю.

– Не говори пустого, Кришнарао! – перебил его Гулаб Синг. – Вставай, и не представляй из себя *шудры* ... Тигр просто свалился со скалы и сломал себе при падении шею. Иначе нам пришлось бы употребить в дело оружие, а не *слова* ...

– Повинуюсь тебе, саиб, но... прости, что верю всё-таки в *своё* ... Ни один *раджа-йог* ещё не сознавался, что он принадлежит к *братству*, с тех пор как существует гора Абу.

Он стал оделять нас клочками шерсти, вырываемой им у мёртвого зверя. Все молчали. Со странным чувством любопытства я стала наблюдать над группой моих спутников. Полковник (президент нашего общества) сидел, потупив глаза в землю и очень бледный; секретарь его, мистер У***, курил сигару и лежал навзничь, вперив холодные, ничего не выражающие глаза в потолок. Он молча принял клочок шерсти и спрятал его в портмоне. Индусы стояли над тигром, а сингалезец чертил какие-то кабалистические знаки на лбу у зверя. Один Гулаб Синг продолжал лежать, спокойно читая в углу. Мисс Б*** тихо предложила мне вопрос: «Знает ли наше правительство о существовании этого *братства*, и дружелюбно ли расположены *раджа-йоги* к англичанам?»

– О, чрезвычайно дружелюбно! – серьёзно отвечал раджпут, прежде чем я успела раскрыть рот, – если они только существуют: одни раджа-йоги мешали до сей поры индусам перерезать всем вашим соотечественникам горло; удерживая их... *словом*.

Англичанка не поняла.

Наши психологические исследования в Индии начинались, по-видимому, хорошо, обещающая столь же богатую нашему обществу жатву, как и археологические.

Пещера Бирзы – около шести миль на юго-запад от Варгаона, вырыта по тому же плану, как и Карли. Сводообразный потолок храма поддерживается двадцатью шестью колоннами, 18 футов вышины, а портик – четырьмя в 28 футов, над коими высечена замечательной красоты группа лошадей, быков и слонов. Зала «посвящения», огромная овальная комната с колоннами и одиннадцатью кельями, идущими внутрь скалы. Пещеры Баджа древнее и красивее. Там сохранились надписи, доказывающие, что все эти храмы были высечены буддистами, или скорее джайнами. Нынешние буддисты признают, как известно, лишь *одного* Будду – Гаутаму, принца Капилавасту (VI века до Р. Х.), а джайны считают и признают за Будду каждого из своих двадцати четырёх (*Тиртанкара*) божественных учителей, из коих последний был учителем (*гуру*) Гаутамы. Это разногласие чрезвычайно мешает верному определению древности некоторых вихар или *чаитий*. Секта джайнов неизвестной и глубокой древности; поэтому имя *Будды*, упоминаемое на надписях и таблицах, может относиться как к последнему, так и к первому Будде, жившему (по генеалогии, составленной Тодом) гораздо ранее 2200 лет до Р. Х. Первая надпись, например, в пещере Беире (гвоздеобразная) гласит так:

«Аскетом из Назики, уподобленному очищенному от грехов *святому* Будде, первобытному, небесному и великому».

Решают, что эта пещера вырыта буддистами.

Вторая надпись в той же пещере, над другою кельей, содержит в себе следующее:

«Благоугодный дар небольшого приношения движущейся силе (жизни), умственному принципу (душе), многолюбимому вещественному телу, плоду Ману, бесценной драгоценности, высшему и присутствующему здесь Небесному».

Выходит, что постройка принадлежит не буддистам, а браминам, признающим Ману.

Или вот ещё эти две надписи (из пещеры Баджа):

1) «Благоугодный дар символа и колесницы (вместилища) грехоочищенного Сака-Сака».

2) «Дар вместилища Радды (жёны Кришны, символ совершенства) Сугате, навеки ушедшему»

Сугата опять одно из имён Будды. Опять противоречие!

Здесь, возле Варгаона, после сражения Кхирхи, махраты схватили капитана Вогана (Vaughan) и брата его, которых и повесили.

В тот же вечер мы вернулись в Бомбей. Через два дня мы готовились пуститься в наше далёкое путешествие в северо-западные провинции, и наш маршрут казался самым привлекательными. Мы приготовлялись увидеть Бенарес, город 5000 храмов и стольких же обезьян; Канпур, прославленный кровавым мщением Нана-Саиба, и развалины города Солнца, разрушенного, по мнению Колебрука, около 6000 лет тому назад; Агру и Дельхи, и затем, объехав весь Раджастхан с его тысячами такурских укрепленных замков, крепостей, разрушенных городов и легенд, намеревались проехать в Лахор, столицу Пенджаба, и остановиться, наконец, в Амритсаре. Там, в *Золотом Храме*, построенном посреди озера «Бессмертия», должна была состояться первая встреча членов нашего «Общества» – браминов, буддистов, сикхов, словом, представителей тысячи и одной секты двухсот сорока пятимиллионной Индии, которые все, более или менее, сочувствовали нашему Теософическому *Обществу братства со всем человечеством*.

X

Лимро-Гуджират, брамин, член Теософ. общества

Бенарес, Праяга (ныне Аллахабад), Насик,⁷¹ Хардвар, Бадринат, Матхура – вот те священнейшие места древней доисторической Индии, которые одно за другим мы собирались посетить, но, конечно, не так, как их обыкновенно посещают туристы *à vol d'oiseau*,⁷² с дешёвым *гидом* в кармане и под командой сбивающего вас и с ног, и с толку чичероне. Нет, мы хорошо знали, что вокруг всех этих мест, словно плющ на развалинах старых замков, обвилось предание, веками narosли сорные травы фантазии, пока, наконец, по примеру этих паразитных растений, постоянно сдавливая в своих холодных объятиях стены, они совсем не разрушили первобытной формы здания, и археологу так же трудно по обезображенным, усыпающим окрестности остаткам судить об архитектуре когда-то целого здания, как и для нас из этой массы легенд отделить плевелы от настоящего зерна. До неискажённой истины, до первоначальной истории каждой интересующей нас местности нам, конечно, придётся доискиваться самим, следуя собственным соображениям.

Современная Индия не представляет и бледной тени не только древней, то есть Индии дохристианской эры, но даже и Индостана под владычеством Аурангзеба, Акбара, Шах-Джахана. Словно кровавыми, окаменелыми слезами усеяны круглым красноватым булыжником окрестности каждого многократно истерзанного города, каждой разрушенной деревушки. Но не по природным камешкам, изранивая себе ноги, приближаетесь вы к высоким, окованным железом воротам старинных укрепленных городов, а по гранитным ещё древнейшим облом-

⁷¹ Ныне Нашик. – *Прим. ред.*

⁷² Поверхностный взгляд (фр.). – *Прим. ред.*

кам, под которыми часто покоятся развалины третьего ещё более древнего города. Нынешние названия даны им мусульманами, которые обыкновенно строили свои города на пепелище побеждённых, взятых приступом городов; названия последних кое-как ещё упоминаются в преданиях, но названия их предшественников исчезли из памяти людской ещё до мусульманского вторжения. Кому когда удастся проникнуть в эти вековые тайны!..

Зная всё это заранее, мы решились не терять терпения, и даже, если бы того потребовали обстоятельства, посвятить целые годы на частые экскурсии в одни и те же места, пока не добьёмся более верных исторических данных, менее исковерканных фактов, нежели добытые нашими предшественниками. Последние должны были довольствоваться набором диких вымыслов, с трудом вызываемых из уст напуганного, неохотно отвечающего дикаря, или же враждебного, нарочно искажающего истину брамина. Нам же помогает целое общество образованных, заинтересованных теми же вопросами, как и мы, индусов; мы уже имеем положительное обещание быть допущенными хотя бы в некоторые тайны древних хранителей их, *махантов*, слышать не предание, а верный перевод старинных, чудом уцелевших хроник и грамот о некоторых городах.

История Индии давно исчезла из памяти её сынов, она совершенно неизвестна её завоевателям; но она несомненно существует, хотя, быть может, и в растерзанных частях, в тщательно оберегаемых от европейского глаза рукописях. Недаром брамины, в редкие минуты дружеских излиятий, иногда проговаривались. Так не раз уже упомянутому мною англичанину Тоду старый *махант* (настоятель) некоего древнего храма-монастыря раз заметил: «не теряй времени, сааб, в напрасных розысках: Индия *беллати* (Индия иностранцев, англичан) пред тобою, *гунта* Индию (то есть тайную) ты никогда не увидишь; мы, хранители её тайн, скорееотрежем язык друг у друга».

И однако же Тод много кой-чего узнал. Правда, ни один англичанин не был так любим туземцами, как этот старый, храбрый друг Махарани Удайпурского; но зато и он любил туземцев и никогда не показывал презрения даже к беднейшему из них. Он писал до периода полного развития современной этнологии, и книга его до сей поры считается авторитетом во всём касающемся Раджастхана. Хотя, по собственной скромной оценке её автора, она представляет «лишь свод добросовестно собранных материалов для будущего историка».

Так пусть же недоверчиво улыбаются наши друзья и наши недоброжелатели, даже смеются над нашею претензией «проникнуть в мировые тайны Арьяварты», как выразился недавно один критик. Смотри с самой пессимистической точки зрения, наши заключения если даже и не окажутся достовернее заключений и доводов Фергюсона, Вильсона, Уиллера и прочих археологов и санскритологов, трактовавших об Индии, то во всяком уж случае не будут бездоказательнее прочих. Нам замечают, что мы неблагоприятно затеяли то, пред чем ежедневно отстают археологи и историки, которым способствует здешнее правительство с его влиянием и неистощимой казной; что мы взялась де за работу, оказавшуюся не под силу даже Азиатскому Королевскому обществу...

Пусть так. Но у всех свежо в памяти, а у нас тем более, как бедный венгр, не только без средств, но почти нищий, отправился пешком в Тибет, чрез страны неизведанные, опасные, увлекаемый лишь любознательностью да желанием пролить свет на историческое начало своего народа. В результате вышло то, что были внезапно открыты неисчерпаемые рудники литературных сокровищ. Филология, дотоле бродившая в египетских потёмках безвыходного лабиринта этимологий и уже важно предлагавшая учёному миру помириться с самыми фантастическими теориями, вдруг неожиданно напала на нить Ариадны. Она открыла, наконец, что санскритский язык если не праотец, то всё же «старший брат» всех других древних языков, по выражению Макса Мюллера. В Тибете найдена неисчерпаемая литература на языке, о письменности которого не было ничего известно. Благодаря необыкновенному рвению Александра Ксома де *Кэрши*, она им частью переведена, а частью анализирована и выяснена. Перевод же его

доказал всему учёному миру, что, во-первых, подлинники *Зенд-Авесты* – солнцепоклонников, *Трипитаки* – буддистов, и *Айтареи-брахманы* – браминов, были в оригиналах своих написаны на том же древнесанскритском языке; во-вторых, что все три языка, то есть зендский, непальский и современный или брахманосанскритский – более или менее диалекты первого; в-третьих, что от санскритского произошли все менее древние индо-европейские и современные языки и диалекты Европы; в-четвёртых, что три самые значительные религии язычества: зороастризм, буддизм и брахманизм, хотя только ереси монотеистического учения *Вед*, но это не мешает им быть всем трём древними религиями, а вовсе не современными подлогами.

Мораль вышесказанного очевидна. То, чего не могли бы добиться целые поколения учёных, то есть проникнуть в *ламасериш* Тибета и получить доступ к священной литературе этого вполне изолированного народа, того добился бедный странник, без средств и без протекции; быть может, и даже вероятно, только потому, что смотрел на диких монголов и тибетцев, как на *братий* своих, а не как на *низшую расу*. И стыдно становится подумать, стыдно за человечество вообще, а за науку в особенности, что первый добывший такие драгоценные для науки результаты, сеятель столь обильной для неё жатвы, оставался почти до самой смерти тем же непризнанным бедным тружеником. Достигнув Калькутты по возвращении из Тибета пешком, без гроша денег, он сделался известен и его имя стало громко произноситься с почестями и хвалой лишь в то время, как, вследствие бескорыстной любви своей к науке, Ксомо де Кэрэш умирал в одном из беднейших кварталов Калькутты и, больной, на обратном пути пешком через Сикким в Тибет умер в Даржелинге, где и похоронен.

Само собою разумеется, что в пределах журнальных писем нельзя было серьёзно начинать что-либо подобное затеваемому нами. Мы могли лишь надеяться, что заложим первый камень здания, дальнейшую постройку коего может взять на себя разве будущее поколение. Чтоб успешно опровергнуть установленные целыми двумя поколениями индологов мнения о древностях Индии, потребуется не менее полувека упорной работы. А для того чтобы заменить эти мнения другими, необходимо заручиться фактами, основанными не на хронологии и лжепоказаниях лукавых браминов, заинтересованных в невежестве европейских санскритологов (как то испытали, к своему горю, лейтенант Вильфорд, а за ним Луи Жаколио), а на неопровержимых доказательствах древнейших, доселе неразобранных надписей, ключа к которым европейцы ещё не нашли, ибо он, как не раз уже указано, хранится в *не менее древних*, почти недоступных рукописях. Да если даже наши надежды и осуществятся, и мы получим этот ключ, то и тогда явится другая необходимость: начать систематическое опровержение, страница за страницей, каждого из многих десятков фолиантов, доселе опубликованных Королевским Азиатским обществом, *гипотез*. А на это потребовалось бы дюжины постоянно занятых учёных санскритологов, которые даже в Индии редки, как белые слоны.⁷³

Сильно занятые подобными мыслями, мы, то есть один американец, три европейца и три туземца, заняли целый вагон *Great Indian Peninsular Railroad*, и отправились в Насик, один из древнейших, как уже упомянуто мною, городов Индии, и самый священный в глазах обитателей западного президентства. Насик заимствует своё имя от санскритского слова *насика*, то есть «нос», вследствие эпической легенды, уверяющей, будто Лакшман, старший брат обоготворенного царя Рамы, отрезал на этом самом месте нос у великанши «Сарпнаки», сестры царя Раваны, похитителя Ситты (троянской Елены индусов).

Поезд железной дороги останавливается в шести милях от самого города, и мы приехали в ночь; поэтому нам пришлось отправиться далее в час пополуночи в шести золочёных двухколёсных таратайках, называемых *эка*, и на волах. Даже невзирая на поздний час ночи, рога

⁷³ Благодаря частным капиталам и усердию некоторых образованных патриотов-индусов, два даровые класса языков санскритского и пали уже были открыты: один в Бомбее – Теософическим обществом, другой в Бенаресе – под председательством учёного Рамы Мисры Шастри, а в 1882 году первое имело уже 14 школ на Цейлоне и в Индии.

этих животных были вызолочены и украшены гирляндами цветов, а на ногах звенели медные браслеты. Дорога пролегла неровными, ухабистыми оврагами, густо заросшими джунглями, в которых, по приятному показанию наших возниц, постоянно играли в прятки тигры и другие четвероногие мизантропы лесов. С тиграми в эту ночь мы не знакомились, но зато в продолжение всей дороги были угощаемы концертом целого общества шакалов. Неотвязно следовали они за нами, раздирая уши своим воплем, диким хохотом и лаем. Эти милые животные здесь до того дерзки и вместе с тем трусливы, что хотя они в ту ночь бегали вокруг стаями достаточно сильными, чтобы легко поужинать не только всеми нами, но и нашими златорогими волами, ни одно из них однако не осмелилось подойти ближе нескольких шагов. Достаточно было стегнуть одного из них длинным кнутом, которым мы запаслись от змей, чтобы вся стая с невообразимым визгом далеко отбегала прочь. И однако же погонщики не пренебрегли ни одним из своих суеверных средств против нападения тигров. Они хором пели заклинательные молитвы «мантры», сыпали бетелем по дороге в знак своего уважения к лесному «радже», и после каждого куплета заставляли волов становиться на передние колена и низко наклонять в честь высших богов голову, причём лёгкая, как ореховая скорлупа, *эка* грозила каждый раз, вместе с седоком, перекинуться вверх дном через рога животных. Это приятное путешествие в тёмную ночь длилось пять часов. Мы достигли «гостиницы пилигримов» лишь в шесть часов утра.

Настоящая причина святости Насика, как мы узнали, не в отрезанном хоботе великанши, а в местоположении города на Годавари, вблизи источников этой реки, называемых почему-то туземцами *Гангой* (Гангес). Этому магическому имени, вероятно, город и обязан своими многочисленными богатыми храмами и отборным классом браминов, поселившихся на берегах реки. Два раза в год пилигримы собираются сюда молиться, и число странников превышает в такие торжественные дни даже население Насика (35 000). Чрезвычайно живописны, но столь же и грязны дома богатых браминов, построенные вдоль спуска, от центра города до самых берегов Годавари, по обеим сторонам которой тянутся целые леса узких пирамидальных храмов. И что ни храм, то легенда, которую каждый брамин из массы этих наследственных жуликов рассказывает на свой манер, в надежде, конечно, на приличное вознаграждение.

Самое интересное в Насике – это пещерные храмы, расположенные в пяти милях от города.

Так как приходилось долго ехать в крутую гору, то мы решились отправиться на слонах. Нам привели лучшую парочку в городе, самца и самку, на которых, по уверению хозяина, «ездил сам принц Уэльский и остался доволен». За всё удовольствие туда и назад на целый день мы сторговались по две рупии за слона, ударили по рукам и стали готовиться.

Наши товарищи-туземцы, с малолетства привыкшие джигитовать на слонах, мигом очутились на спине у своего. Как мухи облепили они его, преспокойно рассевшись где ни попало, цепляясь за разные верёвочки сидений гораздо более пальцами ног, нежели рук и вообще представляя картину полного довольства и комфорта. Под нас, европейцев, как самую смирную из двух, приготовили слониху, на спине которой прикрепили нечто вроде двух скамеечек, на сиденье покатом на обоих боках и без малейшей опоры для спин. Недоверчиво посматривали мы на это «усовершенствованное» сиденье, но делать было нечего. Наш вожак (махут) поместился между ушами громадного животного (о росте которого несчастные подростки, показываемые в странствующих цирках Европы, дают весьма слабое понятие), а мы с постыдным чувством мурашек по всему телу кое-как влезли по лесенке на спину слонихи, ставшей по приказанию *махута* на колена. Она носила поэтическое название *Чанчули-Пери* (в переводе «Деятельная Пери») и была действительно самая послушная и весёлая изо всех когда-либо виденных мною представительниц своей породы. Крепко цепляясь друг за друга, мы, наконец, подали сигнал, и *махут*, вооружённый железным дротиком, ткнул животное остриём его в правое ухо. Установясь сперва на передние ноги, от чего нас отбросило назад, слониха тяжело приподнялась затем на задние, и мы, едва удержавшись от падения, шарахнулись вперёд, чуть было не сбив

махута с места. Но этим не окончилось ещё наше испытание. При первых шагах *пери* мы все четверо развалились в разные стороны, словно комки киселя...

Пришлось остановиться. Нас кое-как подобрали, причём добродушная *Пери* много помогала нам хоботом. Мы отправились далее. С ужасом подумывая о предстоявших нам пяти милях подобного путешествия и совестясь отказаться от поездки, мы однако с гневом отвергли постыдное предложение хохотавших товарищей привязать нас к сиденью... Чуть не пришлось мне горько раскаяться в своём самолюбии. Этот непривычный нам способ локомоции⁷⁴ являлся чем-то невообразимо фантастическим и вместе глупым. Рысью бежавшая возле важно шагавшей слонихи лошадь с багажом казалась нам с непривычной высоты каким-то малым ослёнком. Каждый шаг *Пери* превращал нас в акробатов, заставляя выкидывать самые неожиданные штуки. Шагнёт она правой ногой – и мы ныряем вперёд; левой – мы как снопы и валимся назад, всё время вдобавок перетряхиваемые с одного её бока на другой. Это ощущение, особенно под палящим солнцем, стало вскоре переходить в лихорадочный бред, оно являлось чем-то средним между морской болезнью и кошмаром во сне. К довершению удовольствия, только что мы стали подниматься по каменистой, извилистой тропинке, на окраине глубокого оврага, в гору, как вдруг наша *пери* тяжело оступилась. Этот неожиданный толчок заставил меня окончательно потерять равновесие: сидя на задней части спины слонихи, на *почётном* месте экипажа, я неудержимо покатила вниз, и в следующую затем секунду непременно очутилась бы с неприятным для своей особы изъяном на дне оврага, если бы не удивительный инстинкт и понятливость нашего умного животного. Слониха задержала моё падение со своей «покатоности», буквально поймав меня налёту *хвостом*. Чувствуя вероятно, что я падаю, она крепко и ловко обвила хвост вокруг моего туловища и тут же, остановясь как вкопанная, стала опускаться на колена. Но природная тяжесть моя дала себя, вероятно, знать и оказалась не под силу тонкому хвосту доброго животного. Хотя *Пери* и не выронила меня, но зато быстро опустилась на землю и тут же тихо и жалобно замычала, вероятно размышляя, что чуть было не поплатилась за своё великодушие собственным хвостом. Так по крайней мере заявил соскочивший мигмом с её головы *махут*, бросившийся на помощь мне и принявшийся осматривать якобы «повреждённый» хвост слонихи. И тут произошла сцена, как нельзя лучше характеризующая грубое лукавство, хитрость, жадность к наживе и вместе с тем трусость низшего класса индусов, «бескастников» (*outcastes*), как их здесь называют.

Сперва хладнокровно осмотрев хвост и для вящей проверки крепко дёрнув его несколько раз, он уже собирался возвратиться на своё место, но, услышав моё неосторожное соболезнование о хвосте *Пери*, он внезапно и самым неожиданным образом переменял тактику. Бросившись плашмя наземь, он вдруг стал кататься по ней, выпуская всё время ужасные, дикие вопли. Рыдая на всю долину, он стал приговаривать и причитать, как над покойником, стараясь уверить публику, будто «мам-сааб»⁷⁵ оторвала у его *Пери* хвост. «*Пери* навеки осрамлена (плакался он). Её супруг, свидетель позора её, гордый Айравати, прямой потомок любимого слона бога Индры, теперь отвергнет её, и ей остаётся лишь умереть»...

Так голосил *махут*, невзирая на все увещания сбежавшихся наших товарищей. Напрасно было доказывать ему, что «гордый Айравати» не показывал ни малейшего поползновения поступить так жестоко со своею супругой, добродушной *Чанчули-Пери*, о бок которой он даже в эту критическую минуту преспокойно чесал свой хобот, и что у самой *Пери* хвост был цел и на месте. Ничего не помогало! Тогда, выведенный из терпения наш приятель Нараян, известный силач, прибег к весьма оригинальному средству. Бросив одною рукой на землю серебря-

⁷⁴ Передвижение (англ.). – Прим. ред.

⁷⁵ Т. е. Madame Sahib. Слово сахиб, произносимое сааб, приклеивается здесь к каждому титулу, чину, имени. Так, например, говорят Captain-Saab, Colonel-Saab, Мам-Сааб и т. д.

ную рупию, он приподнял другую тщедушную фигурку *махута* за его *дотти*⁷⁶ и преспокойно швырнул его прямо носом на монету. Невзирая на окровавленную физиономию и даже не обращая внимания на неё, *махут* бросился на рупию с жадностью дикого зверя на добычу. Много раз простершись во прах пред нами, с нескончаемыми «салаамами» в знак благодарности, он стал без малейшего перехода изъяслять такую же безумную радость, какое за минуту до того выказывал горе. В заключение спектакля и в знак того, что хвост был действительно цел «молитвами *сааба*», он повис на нём, как виснет звонарь на колокольной верёвке, пока его силой не оторвали и не заставили вернуться на своё место.

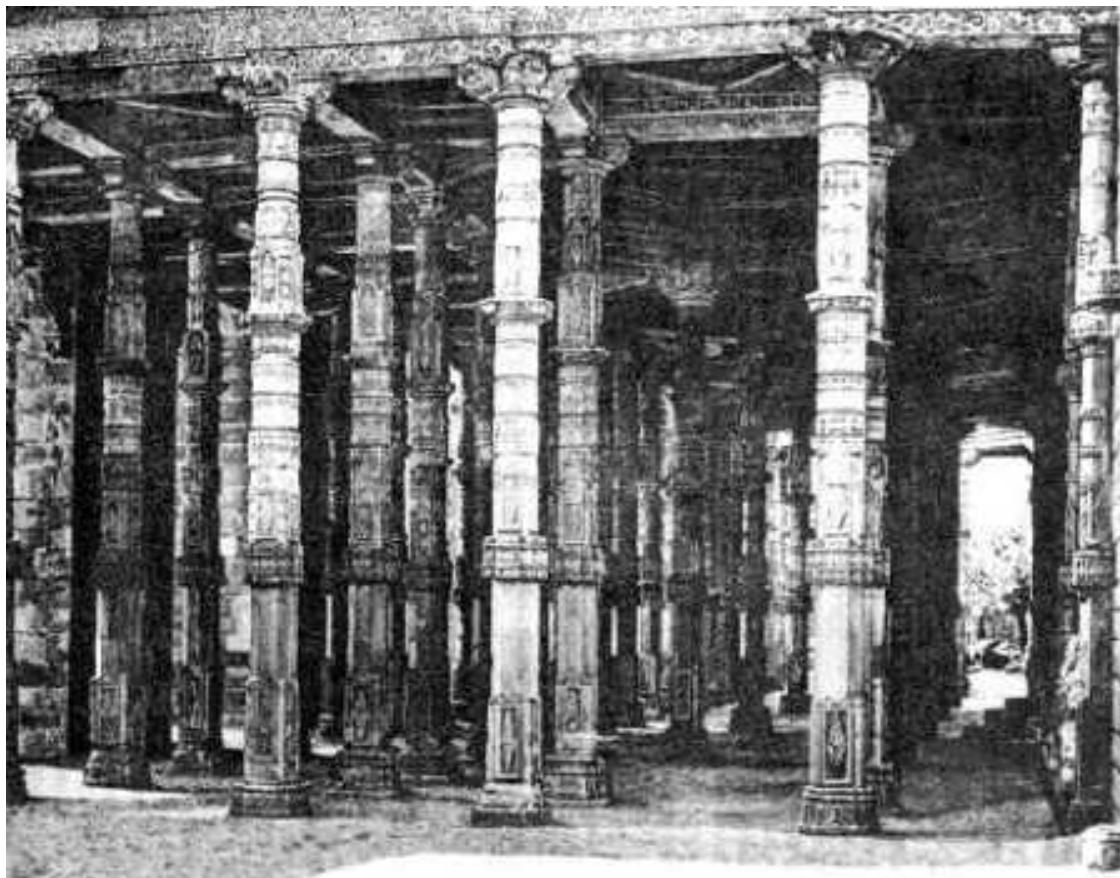
– Неужели всё это за одну несчастную рупию? – воскликнули мы в изумлении и дружным хором.

– Изумление ваше понятно, – объявили нам индусы. – Трудно, особенно нам, не чувствовать стыда и отвращения при виде подобного унижения и жадности. Но не забудьте, что этот несчастный *махут*, у которого есть жена и, вероятно, дети, получает от своего хозяина номинально 12 рупий в год без содержания, а *фактически* последний с ним чаще расплачивается пинками, чем деньгами. Вспомните также долгие века угнетения от своих же браминов, от фанатиков-мусульман, видящих в индусе лишь нечистую гадину, наконец, от наших настоящих, высокообразованных, *гуманных* властителей-англичан, и вы, вместо отвращения, почувствуете, быть может, глубокое сожаление к этой карикатуре рода человеческого.

Но «карикатура» рода человеческого видимо считала себя счастливой, не чувствуя ни малейшего унижения. Сидя, поджав ноги на широкой макушке Пери, он ей рассказал про своё неожиданное богатство, и, напоминая ей, что она «божья» слониха, заставлял кланяться *саабам* хоботом. *Пери*, в превосходном расположении духа, вследствие пожертвованного ей мною целого стебля сахарного тростника, забрасывала хоботом назад и игриво дула нам через него в лицо...

⁷⁶ *Дотти* – длинный кусок материи, которым обвивают себе индусы верхнюю часть ног и поясицу. У простого народа это единственная одежда, за исключением такой же тряпки на голове.

XI

Один из храмов

Из мира современных пигмеев житейских дрязг Индии, столь падшей и униженной, мы опять в мире глубокой древности, в мире Индии неведомой, великой и таинственной...

Пещеры Насика, очевидно, вырывались не одним поколением, как и не одною сектой. Первое, что в них поражает, – это грубость первоначальной работы, громадные размеры и дряхлость скульптуры на капитальных стенах, в то время как резьба и изваяния на шести колоссах, поддерживающих главную пещеру, во втором этаже, великолепно сохранились и чрезвычайно изящны. Это обстоятельство заставляет думать, что пещера была начата за много веков до своего окончания. Но когда же хоть приблизительно? Одна из приведённых санскритских надписей, находящихся на работах гораздо позднейшей эпохи (на подножии одного из колоссов) прямо указывает на 453 год до Р. Х., как на год этих пристроек. Так, по крайней мере, доказывают по астрономическим данным на этой надписи Гибсон, Бэрд, Стивенсон, Ривз и несколько учёных, воспитанных на Западе, стало быть не предубеждённых, как туземные пандиты. Да, впрочем, дата, по соединению планет, очевидна; она обозначает или 453 год до Р. Х., или 1734 нашей эры, или же 2640 лет до Р. Х., что невозможно, так как в надписи говорится о Будде и буддистских монастырях. Привожу главные и самые интересные фразы из неё по переводу, сделанному сперва доктором Стивенсоном и переправленному в коллегии санскритских прачинительственных пандитов в Бенаресе:

«Совершеннейшему и высшему. Да окажется сие благоприятным ему! сыном царя Кшапараты, властелина племени кшатрий (то есть воинов) и покровителя людей, владыкой Диника, лучезарным как заря, приносится сей дар сто тысяч коров пасущихся на реке Баназа вместе

с рекой, а также дар золота, им, строителем сего святого пристанища богов и места для укрощения страстей браминов. Нет более желанного места, нежели это место, и даже в Прабхазе, куда стекаются сотни тысяч браминов, повторяя священный стих; ни в святом граде Гайа́, ни на Крутой горе возле Дазатуры, ни на Змеином поле в Говардхане, ни во граде Пратисраи, где монастырь буддистов, ни даже и здании, воздвигнутом Депанакарой на берегу *пресноводного моря* (?). Это место доставляющее несравненные милости, приятное и во всех отношениях полезное для пятнистой оленьей шкуры (?) аскета.⁷⁷ Безопасная лодка, присланная в дар также им, строителем бесплатного парома, ежедневно перевозит к хорошо охраняемому берегу. Им также, строителем здания для путников и общедоступного резервуара воды, позолоченный лев был поставлен у постоянно осаждаемых толпою ворот этой *Говардханы*; также другой (лев) у перевоза, а ещё другой у Раматирты. Для тощего стада найдётся здесь разных родов корм; для такого стада более ста родов трав и тысячи горных корней припасены этим щедрым дарителем. В этой же самой *Говардхане*, в лучезарной горе, эта вторая пещера была вырыта по приказанию той самой благотворительной особы, *в тот самый год, когда почитаемые людьми. Солнце, Сукра и Раху*⁷⁸ были в полном ликовании своего восхода; в этот-то год и были дары поднесены. Лакшми, Индра и Яма,⁷⁹ освятив их, отправились назад с кликами торжества на свою колесницу, поддерживаемую заклинательными мантрами, на беспрепятственном пути;⁸⁰ когда все они (боги) уехали, то полил проливной дождь» и т. д.

Первые пещеры вырыты на конусообразном холме саженях в сорока от подножия. В главной, в 45 квадратных шагов, стоят три фигуры Будды; в боковых – лингам; затем два джайнские идола, а в верхней пещере находится идол или скорее статуя *Дхармы Раджи*, или *Юдхитхиры*, старшего Панду, которого здесь обоготворили и которому поклоняются в собственном, в честь его воздвигнутом, храме. Затем целый лабиринт келий, очевидно, буддистских отшельников, громадная статуя Будды в лежачей позе; другая таких же колоссальных размеров и окружённая колоннами с капителями, украшенными фигурами различных зверей. Стили всех эпох, как и всех сект, перемешаны, и перепутаны как разнородные деревья в лесу.

Весьма замечательно то обстоятельство, что почти все без исключения пещерные храмы Индии вырыты в конусообразных скалах и горах, словно древние строители нарочно отыскивали такие природные пирамиды. О странной и необычайной, нигде не виданной мною, кроме Индии, форме уже замечено при описании поездки в Карли. Случай ли это, или же одно из правил религиозного зодчества тех далёких времён? И кто тут подражатель? Зодчие ли египетских пирамид, или же неизвестные строители подземных храмов Индии? Как в пирамидах, так и в храмах всё кажется геометрически рассчитанным и, подобно пирамидам, вход во храмы находится не внизу, но на известном расстоянии от подножия горы. Природа, как известно, никогда не подражает искусству, а напротив, последнее всегда старается воспроизвести формы природы. И если даже в этом сходстве между символами Египта и Индии на найдётся ничего, кроме случайности, то остаётся только сознаться, что игра случая бывает иногда необъяснима. Далее нам придётся, быть может, представить более веские доказательства тому, что Египет заимствовал многое у Индии. Не забудем, что начала царства фараонов совершенно неизвестны науке; а то малое, что мы успели узнать, не только не противоречит этой теории, но даже указывает на Индию, как на колыбель и первобытную родину египтян. Так в своей *Истории Индии* Каллука-Батта писал ещё во дни глубокой древности следующее:

«Во время царствования Висвамитры, первого царя Сомы-Вангской династии, вследствие пятидневного сражения, Ману-Вена, наследник древних царей, покинутый браминами, эми-

⁷⁷ Аскеты Индии и в наши времена покрываются à la Геркулес шкурой диких зверей, обыкновенно тигра.

⁷⁸ *Раху* и *Кехетти* – две неподвижные звёзды, составляющие голову и хвост созвездия Дракона; Раху также одна из девяти планет.

⁷⁹ То есть созвездия – Девы, Водолея и Тельца, который подвластны и посвящены этим трём из двенадцати высших богов

⁸⁰ На небесном пути.

грировал со всею армией и, пройдя страну Арии и Барии, дошёл наконец до берегов *Масры* ...»⁸¹

Лесли нам ответит, что «Каллука-Батта» – историк до того древний, что санскритологи до сей поры спорятся из-за него, затрудняясь придать ему какую-либо правдоподобную эпоху и поэтому благоразумно колеблются между 2000 лет до Р. Х. и эпохой императора Акбара (т. е. как раз во времена Иоанна Грозного), то вот что говорит историк более современный и всю жизнь свою изучавший Египет (не в Лондоне или Берлине, по примеру многих его коллег, а и самом Египте) прямо с надписей древнейших саркофагов и папирусов, словом Генрих Брюгш-бей.

«...Повторяю, это моё непоколебимое убеждение, что египтяне пришли из Азии задолго до исторического периода и, перейдя этот мост всех наций – Суэцкий перешеек, – нашли новое отечество на берегах Нила». Есть доказательства, что во времена одиннадцатой династии египтяне вели торговлю с Аравией и берегами Индийского Океана – кто знает, с каких незапамятных времён? А надпись, найденная на скале Хамавата, гласит, что *Шанкара*, последний царь одиннадцатой династии, послал вельможу Ханну в *Пунт* или Пёнт. «Я был послан везти корабли в страну Пунта, дабы привезть домой душистой камеди, собираемой принцами Красной Земли"», сказано в надписи. Комментируя эту надпись, Брюгш-бей объясняет, что «под именем Пунта древние жители *Кеми* (Египта) подразумевали дальнюю страну, омываемую большим океаном, страну, полную гор и долин, изобилующую чёрным деревом и другим дорогим лесом, бальзамом, ладаном, драгоценными металлами и камнями; страну богатую, изобилующую дикими зверями, жирафами, леопардами, пантерами, большими обезьянами и длиннохвостыми макашками». Даже название обезьяны на древнеегипетском языке *Каф*, *Кафи* (у израильтян *Коф*) чисто санскритское – *Кани*.

Этому «Пунту» (очевидно, Индии) легендарные сказания уже весьма древнего Египта придавали весьма священный характер; ибо Пунт⁸² (или Пент) был «первобытною обителью богов, которые именно оттуда, под предводительством А-Мона (*Ману-Вена* Каллуки-Батта?), *Хора* и *Хатор* отправились по направлению долины Нила и благополучно прибыли в *Кеми*». ⁸³

Недаром Хануман имеет такое родственное сходство с египетским священным киноцефалом (*Супоcephalus*), а эмблемы *Озириса* и *Шивы* одни и те же. *Qui vivra verra!*...⁸⁴

Обратный путь в город на *Пери* оказался приятнее. Мы приноровались к её шагу и, въезжая в Насик, почувствовали себя бесподобными наездниками. Зато в продолжение целой недели мы едва могли ходить от боли в поясице.

⁸¹ Ария – Иран (Персия); Бария – древнее имя Аравии; а Маср или Масра – имя чисто египетское. «Масром» мусульмане ещё зовут Каир, коверкая имя и Мисро, Муср и т. д.

⁸² *Пент* – от Па-нугер, «священная земля», или египетская – «страна богов».

⁸³ С памятника 11-й династии (См. История Египта во времена фараонов, написанная единственно с десяти её памятников. Г. Брюгш-бея. Том I, стр. 114).

⁸⁴ Поживём – увидим (фр.). – *Прим. ред.*

XII

В буддийском пещерном храме

На вопрос – кто бы что предпочёл, если бы пришлось выбирать между слепотой и глухотой – девять из десяти всегда скорее помирятся с последней. А кому пришлось хоть раз заглянуть в один из волшебных уголков Индии, часто напоминающей вам самые фантастические и казалось бы в природе невозможные декорации Большой Парижской оперы, – этой страны мраморных кружевных дворцов и заколдованных садов, – тот вдобавок к глухоте решился бы скорее захромать на обе ноги, нежели лишиться подобных зрелищ.

Рассказывают, что великий поэт Саади раз горько жаловался на равнодушие друзей, которым будто бы надоедали его бесконечные, восторженные похвалы своей возлюбленной. «Если бы, замечал он им, вы получили хотя один раз возможность и счастье, подобно мне, увидеть её дивную красу, вы вполне поняли бы мои стихи, непрестанно воспевающие – увы! так слабо и так бледно – то чарующее душу чувство, которое она внушает всякому, хотя издали увидавшему её!..» Я вполне понимаю положение влюблённого поэта, но не виню и друзей его, не выдавших его возлюбленной. Поэтому я дрожу от боязни, как бы мои постоянные восторженные рапсодии об Индии не нагнали на читателей скуки друзей Саади. Но что же делать бедному повествователю, если на каждом шагу он открывает в своей «милой» всё новые и самые диковинные прелести! Самые тёмные её стороны, отвратительные, безнравственные, а подчас и глубоко ужасающие черты – и те полны чего-то столь дико-поэтического, незаурядного, чего никогда не встретишь ни в какой другой стране. Нередко местные сцены заставляют непривычного европейца содрогаться; но в то же время, как ночной призрак, они притягивают его, приковывают к себе внимание, и от них невозможно глаз оторвать....

Всего этого мы насмотрелись вдоволь в продолжение многих дней нашей *école buissonnière*. Дни эти мы провели вдали от линии железной дороги, этого проблеска цивилизации, которая

столь же к лицу Индии, как модная шляпка на голове полуголой перуанки, «девы солнца» Кортесовских времён.

Ежедневно бродили мы через реки и джунгли, по сёлам и развалинам старых крепостей, по просёлочным дорогам, между Насиком и Джабалпуром; днём переезжая из одной деревни в другую, частью в арбах на волах, иногда на слонах, а не то так и в *пальках* (в паланкинах) и верхом, а ночью – обыкновенно разбивая палатку где ни попало. В эти дни мы имели случай убедиться, насколько человек, в силу одной привычки, может сделаться властелином, хоть и пассивным, над непобедимыми для всех других и смертельно опасными климатическими условиями. В то время как мы «белые», невзирая на толстейшие пробочные *топи* на головах и защиту навеса, чуть не падали в обморок и положительно *тлели* под нестерпимо палящими лучами солнца, и когда даже туземцы-спутники обвивали лишним куском кисеи голову, наш приятель, бенгальский *бабу*, проезжал верхом целые мили под вертикально стреляющим в него солнцем с обнажённой головой!.. У него даже не было с собой и простого *пэгери*, куска лёгкой материи для тюрбана, не только шляпы. Спокойно ехал он целые часы с непокрытой ничем, кроме собственных густых волос, макушкой, и над его бенгальским черепом солнце оказывалось совершенно бессильным. Этот народ никогда не покрывает головы, кроме торжественных случаев, когда тюрбан надевается лишь как принятое украшение, как цветы на бале, во время *дурбара*, свадьбы или пира.

Бенгальские *бабу*, занимающие почти все низшие гражданские и особенно писарские должности, наводняют все железнодорожные и телеграфные станции, канцелярии, почтамты и правительственные присутственные места. Закинув через плечо белые кисейные мантии наподобие римской *тоги*, с голыми от колен ногами и всегда простоволосые, они гордо расхаживают на платформах станций и пред дверьми своих контор, с презрением посматривая на женственные украшения махратов, с их кольцами на пальцах ног и рук и огромными серьгами в верхней части правого уха... Они не носят сектантских знаков на лбах, как прочие индусы, и позволяют себе лишь дорогие *колье*, да и то редко. И однако же, в то время как страстно преданные женоподобным украшениям махраты справедливо считаются одним из храбрейших народов Индии (не раз уже заявив себя очень неприятно с этой стороны англичанам) и долгими веками войн выказали себя превосходными и храбрейшими воинами, Бенгалия, испокон века, из *шестидесяти пяти миллионов своих жителей не произвела ещё на свет ни одного солдата*: среди туземных войск английской армии никогда не было и нет ни одного бенгальца. Это странный, но тем не менее неопровержимый *факт*, которому мы долго не могли верить, но должны были наконец сдаться пред подтверждениями многих английских офицеров и самих бенгальцев. И со всем этим, однако, их нельзя назвать трусами. Если *бабу* и высшие классы раджей изнежены, то их *земиндары* (землевладельцы) и поселяне несомненно храбры. Обезоруженный правительством бенгалец идёт на тигра своей родины, самого свирепого из всех тигров Индии, так же спокойно с дубиной, как в прежние времена шёл на него с винтовкой и ятаганом.

Много глухих тропинок, на которые, быть может, с начала мира не ступала нога белого, ещё более чудом уцелевших роц прошли и посетили мы в эти короткие дни. И всюду мы встречали привет, благодаря магическому влиянию Гулаб Лалл Синга, который за отсутствием своим послал провожать нас и руководить нами в дороге своего доверенного слугу. И если бедные, голые крестьяне дичились и часто запирали пред нами двери, зато все брамины являлись к нашим услугам.

Прелестны местоположения в окрестностях Кандеша, по дороге в Тхальнер и Мхау, но много украшена здесь природа и искусством человеческим, и это искусство проявляется более всего на мусульманских кладбищах. Теперь все они большею частью полуразрушены и заброшены вследствие изгнания из этих местностей мусульманских принцев и ханов и большинства индусского населения. Когда-то властелины почти всей Индии, мусульмане теперь в загоне

и в тысячу раз более унижены, чем индусы. Но много они оставили по себе несокрушимых памятников, между прочим свои кладбища. Эта неискоренимая верность мусульманина своим покойникам – одна из самых трогательных черт в характере сынов Пророка. Их посмертная преданность, всегда горячее выказываемая ими, нежели их любовь к семейству при жизни, как бы вся сосредоточивается на последних жилищах тех, кто отошли до них в лучший мир. Насколько их понятия о рае, обещанном Магометом, грубы и материальны, настолько поэтична обстановка их кладбищ, особенно в Индии. В этих тенистых, прелестных садах, с рядами белых гробниц, увенчанных чалмами, покрытых сверху донизу розами и жасмином, с кипарисами вокруг, невольно можно засиживаться по целым часам. В них мы обыкновенно совершали привалы, обедали, часто и ночевали. Особенно прелестно кладбище возле городка Тхальнер. Из нескольких уцелевших исторических мавзолеев великолепен памятник семейства Киладара, повешенного на городской башне в 1818 году генералом Гислопом, который между прочим расстрелял в тот же день всех солдат сдавшегося гарнизона, под предлогом, будто те составили против него заговор. Кроме памятника этому повешенному злополучному Киладару, есть четыре другие мавзолея, из коих один славится на всю Индию. Восьмиугольной формы, весь из белого мрамора, он покрыт сверху донизу резьбой, какой не найти и на *Père Lachaise*. Персидская надпись на подножии гласит, что он стоил 100 000 рупий. Днём залитый горячим солнцем, этот высокий, минаретообразный мавзолей отделяется на синеве безоблачного неба, блестя как пирамидальная ледяная глыба; ночью, при том особенном фосфорическом свете луны в Индии, который приводит в восторг всех путешественников и артистов, он ещё ослепительнее и поэтичнее. Будто вновь выпавшим лёгким снегом покрыты его вершины; возвышая над тёмною зеленью кустов свой тонкий профиль, он кажется каким-то полуночным чистым видением, витающим над этой безмолвной обителью разрушения и смерти и оплакивающим невозвратное прошлое...

А рядом с такими кладбищами, обыкновенно на берегу рек возвышаются гхоты индусов... Есть действительно нечто величественное в этом обряде сожжения мёртвых, – а в очень недалёком прошлом и сожжения живых, – но только в теории, а не на практике. Следя за церемонией и видя, как в какой-нибудь час времени после смерти от покойника остаётся лишь несколько пригоршней пепла, который тут же рукой посвящённого брамина, жреца смерти, и рассеивается на все четыре стороны по ветру, над рекой, дабы пепел навеки смешался со священной водой, зритель невольно поражён глубокою философией основной мысли подобного обряда. Разбрасывая горсть того, что некогда жило и чувствовало, любило и ненавидело, радовалось и плакало, брамин поручает пепел всего этого четырём стихиям: *земле*, из которой оно мало-помалу развилось и сформировалось в человека и которая так долго питала его; *огню*, эмблеме чистоты, пожравшему его тело, дабы дух его также был очищен ото всего греховного и мог свободнее вращаться в той новой сфере загробного существования, где каждый грех является камнем преткновения на пути души человеческой к «Мокше» или вечному блаженству; *воздуху*, которым он дышал и тем самым жил, и *воде*, которая очищала его физически, как и духовно, поила его и теперь принимает его пепел в «чистое лоно своё...» (Мантра XII.)

«Чистое», как прилагательное, является здесь только в фигуральном смысле «мантры». Говоря вообще, реки в Индии, начиная с трижды священного Ганга, невообразимо грязны, особенно близ городов и селений. Двести миллионов человек круглым счётом омываются в них от тропического пота и грязи по несколько раз в день; а *касты*, недостойные сожжения, как шудры, парии, мэнг и пр., бросают в них вдобавок всех своих покойников. Далее все касты, до браминов включительно, бросают туда же детей, умерших ранее трёхлетнего возраста.

Пройдёмся вдоль берегов любой реки, но только поздно вечером, чтобы провести там ночь и дожидаться рассвета. Вечером хоронят лишь богатых или принадлежавших к высшим кастам. Только для таковых зажигаются после заката солнечного высокие костры из сандалового дерева вдоль священных вод; для них одних произносятся мантры и заклинания богам, а

для простых смертных, для бедных *бескастников*, нет не только костра, но и простой молитвы: *шудра* недостойн слышать даже после смерти божественные слова из священной книги откровения, продиктованного в начале мира четырьмя Риши Ведавьясе, великому богослову Арьяварты. Как не допускался он ближе семи шагов к ступеням храма при жизни, так не допустится он и в загробной жизни стать наряду с «дважды рождёнными».

Ярко горят костры, протягиваясь по берегу реки длинной огненной змеёй. Чёрные силуэты странных, дико-фантастических фигур тихо двигаются среди огней, то подымая тонкие руки к небу как бы в молитве, то подбавляя дров к костру, то мешая огонь длинными вилообразными кочергами, пока потухающее пламя не вспыхнет снова, треща и вясь и брызгая во все стороны растопленным человеческим жиром, да выпаливая под облака целый дождь золотых искорок, тотчас же исчезающих в густом облаке чёрной копоти. Это на правом берегу; перейдём на левый...

В тот самый предрассветный час, когда красные огни костров, чёрные облака миазмов и тощие фигуры факиров-прислужников, отразившись в последний раз в тёмном зеркале реки, одни потухают, другие расходятся, а миазмы с их запахом пригорелого мяса рассеваются утренним ветерком и всё на *гхотах* погружается в тишину до следующего вечера, – в тот самый час, на противоположном берегу, начинается процессия другого рода...

Печальной, безмолвной вереницей, то короткою, то длинною, смотря по смертности в городе и окрестностях, тянутся индусы обоего пола. Они подходят к реке отдельными группами, без плача, безо всяких обрядов. Вот двое принесли на плечах что-то длинное, тонкое, завёрнутое в красную тряпку. Раскачав его за ноги и за голову, носильщики хладнокровно кидают ношу в жёлто-грязные воды реки. При падении, красная тряпка слетает в сторону, и тёмно-зелёное лицо молодой женщины показывается на один лишь миг, чтобы тотчас же исчезнуть в мутных волнах. Далее другая группа. Старик и две молодые женщины; одна из них, девочка лет десяти, низенькая, худая, далеко ещё не развитая, рыдает с причитаньем: то *мать мёртвого ребёнка*, которого она тотчас же бросит в холодные воды грязной реки. Слабый голос её монотонно раздаётся по берегу, а дрожащие руки словно не находят силы кинуть бедную, маленькую фигурку, скорее похожую на тёмно-коричневого котёнка, нежели на младенца. Старик её уговаривает, затем берёт мёртвое тело из её рук и, войдя в воду по пояс, кидает его на середину реки. За ним входят обе женщины, в чём стоят, то есть одетые или скорее полунагие, по обыкновению, и, погрузившись семь раз сряду в воду, для очищения после мёртвого тела, выходят на берег и даже не отряхнувшись идут домой. Между тем коршуны, вороны и другие хищные птицы, целый день кружащиеся над рекой в ожидании добычи, собираются чёрною тучей над телами и долго задерживают их путь вниз по течению. Иногда такое обглоданное тело, зацепясь за прибрежный тростник или попав меж двух камней, беспомощно торчит из-под мелкой воды, пока наконец один из прибрежных *мэнгов*, несчастное бескастное существо, доля которого всю жизнь со дня рождения до последнего вздоха возиться за подобной *нечистой* работой, не придёт вооружённый своим длинным шестом и, зацепив застрявший скелет между рёбер, не выковырнет его из-под камней или тростника, чтобы снова толкнуть по течению – по дороге к синему Океану...

Но встанем теперь с песчаного и, несмотря на раннюю пору, уже накалённого берега. Простимся с водяным кладбищем бедных. Встанем и пойдём далее... Тяжелы и омерзительны для европейца подобные картины, и невольно при этом переносишься быстрокрылою мечтой туда, на далёкий север, на те мирные сельские кладбища, где вместо резных мраморных с высокими чалмами гробниц, костров из сандалового дерева, да грязной реки вместо последнего ложа, стоять кресты, осенённые старыми берёзами. Как мирно спят под высокой сочной травой наши *покойнички*. Не видал никто из них, сердечных, плывя вниз по течению, ни гигантских пальм, ни дворцов мраморных, ни пагод, крытых чистым золотом. Но зато над их бедными курганами цветут и фиалки, и белые ландыши, да весной заливаются соловей на старой берёзе...

Для нас соловьи уже давно не поют ни в соседних рощах, ни на душе. Этого-то уж тут всего менее. Но пойдём вдоль высокой стены из красного песчаника, ведущей к крепости, когда-то знаменитой и залитой кровью, теперь же безвредной и полуразрушенной, как и прочие. Стаи зелёных попугаев, испуганные нашим приближением, выпархивают из каждой полуразваленной ниши стены, сверкая на солнце крыльями, словно летающие изумруды. Мы на «проклятой» англичанами территории, и стране Чандвада, где во время сипайского мятежа бхили, ринувшиеся из своих засад как неудержимый горный поток в долины, перерезали несколько дюжин своих властелинов.

XIII

Суббати-Велиманкара, первосвященник при храме Будды

В двенадцати милях на юго-восточной стороне Чандвада находится целый город пещерных храмов, известных под именем *Енкай-Тэнкай*. Опять, как и в прочих пещерах, храмы на высоте ста футов над подножием, а холм пирамидальный. Описывать их здесь в подробности невозможно, так как предмет этот требует совершенно иной разработки. Поэтому лишь бегло замечу, что и в этом случае все статуи, идолы и работа на колоннах приписываются *буддистским* аскетам первых веков по смерти Будды. На том бы и можно покончить, если бы здесь неожиданно не являлось для гг. археологов новое и гораздо более серьезное затруднение, нежели все затруднения, вместе взятые, касательно других спорных пунктов. В этих пещерах находится более идолов, называемых *буддами*, нежели где-либо в другом месте. Они покрывают главные входные двери, густо посажены вдоль каменных балконов, занимают задние стены всех келий, стоят на часах, как чудовища-великаны у входов, и наконец две такие фигуры сидят в главном *танке* (бассейне), где столетие за столетием ключевая вода омывает

их по пояс без малейшего видимого ущерба для их гранитных тел. Между этими *буддами* есть прилично одетые, с пирамидальными, многоярусными пагодами на головах, есть и голые: некоторые в сидячем положении, другие представлены стоя; есть между ними колоссальной величины идола, есть и маленькие, найдутся и средние. Всё бы это ещё ничего, хотя мы знаем, что реформа, затеянная Гаутамой или Сидхартой-Буддой, именно в том и состояла, чтобы вести ожесточённую войну против браминов и искоренить навеки идолопоклонство. Эта религия сохранялась чистой, *без малейшей примеси идолопоклонства* целые века, пока, наконец, попав в руки тибетских лам, китайцев, бирманцев и сиамцев, она не совратилась и не исказилась ересями. Затем, изгоняемая из Индии, преследуемая ожесточёнными и, в свою очередь, торжествующими браминами, она нашла последнее убежище на острове Цейлоне. Там теперь она и процветает подобно тому легендарному алоэ, что цветёт будто бы лишь один раз в жизни и цвет коего убивает главный корень, а семена цветов, пуская, в свою очередь, отпрыски, производят сорную траву. Но главное затруднение для археологов состоит не в идолах, приписываемых буддистам, а в физиономиях, в *тине* всех этих *Енкай-тэнкайских будд*. Все они до единого, от малого до большого – негры: приплюснутые носы, толстейшие губы, профили под углом 45° и курчавые волосы! Ни малейшего сходства между этою физиономией чистокровных негров и каким-либо из будд даже в Сиаме или в Тибете, где, при монгольских лицах с широкими скулами и такими же широкими носами, у всех этих идолов, однако, гладкие, совершенно *прямые* волосы. Этот неожиданный и нигде не находимый в Индии африканский тип приводит антиквариетов в полное смущение. Недаром археологи избегают говорить об этих замечательных пещерах, так как после насикских пещеры енкай-тэнкайские для современных антиквариетов настоящие Фермопилы.

Мы проехали Малеганв и Чикалвал, где осматривали чрезвычайно любопытный и весьма древний храм джайнов, снаружи построенный без малейшего цемента из сложенных квадратных, так аккуратно и тесно прилаженных камней, что даже тонкое лезвие ножа не проходит между ними; внутри храм украшен великолепной резьбой. Вернувшись в Тхальнер, мы отправились прямо в Гхару. Там, для того чтобы посетить великолепные развалины старинного, когда-то укрепленного города *Манду*, находящиеся в двадцати милях к северо-востоку, нам пришлось опять нанимать слонов. На этот раз мы доехали благополучно и скоро. Упоминаю об этом месте, так как оно связано в моих воспоминаниях с одним из самых замечательных когда-либо виденных мною зрелищ, относящихся к той ветви многочисленных сект Индии, что обыкновенно называют «чертопоклонством».

Манду расположен на хребте гор Виндии около 2000 футов над уровнем моря. По уверению Малькольма, этот город был построен в IV веке по Р. Х. (в 313 году) и долго был столицей индусских раджей Дхары. Историк Фириштах указывает на Манду как на резиденцию Диливара хана Гхури, первого царя Мальвы, процветавшего от 1387 до 1405 года. В 1526 году город был взят приступом Багадур-шахом, царём Гуджератским, и затем снова взят обратно в 1570 году Акбаром, имя коего и год его посещения вырезаны на мраморной доске над главными воротами.

Странное чувство, должно быть схожее с тем, которое овладевает иными особами при их первом посещении Помпеи, охватило нас при самом входе в этот огромный, пустынный, называемый туземцами «мёртвым» город. По всему видно, что некогда Манду был одним из самых обширных городов Индии. Городская стена – *тридцать семь* миль в окружности, по измерению, сделанному в 1852 году. В этом бесконечном пространстве тянутся улицы на целые мили; по обеим сторонам стоят разрушенные дворцы, валяются мраморные колонны. Из-за развалившихся гранитных стен зияют провалы подземных покоев, в прохладном полумраке которых проводили жаркие дни султанши. Далее разбитые ступени, засохшие танки, безводные резервуары, бесконечно длинные дворы, мрамором выложенные помосты и поломанные арки величественных портиков. Всё это заросло вьющимися растениями и кустами, ныне скрываю-

щими берлоги диких зверей. Высоко над развалинами торчат там и сям полууцелевшие стены мраморных и гранитных дворцов, пустые окна которых, широко тараща безглазые впадины под густою бахромой вековых чужездных растений, как бы хмурятся на назойливых, нарушивших их покой пришлецов. А ещё далее, там, в самом центре развалин, из разбитого сердца опочившего города, из широкой богатырской груди, в которой когда-то бушевало столько страстей, столько жизни, выросла целая кипарисовая роща...

Казалось просто невероятным, чтобы город, который ещё в 1570 году назывался *Шадиабад*, «обителью счастья», и в несчётный раз описанный и упоминаемый францисканскими миссионерами Адольфом Акуавива, Антарио де Монсеротти, Энрикесом и другими лицами посольства, отправленного с тот самый год из Гоа к Могольскому правительству за разными привилегиями, один из величайших городов того времени в целом свете, с великолепными улицами и роскошью, удивлявшею даже самые роскошные дворцы того периода в Индии, – чтобы тот город был этими самыми развалинами, на которых мы насилу могли отыскать чистое место для палатки. Наконец, из опасения диких зверей, мы решились разбить её в единственном, почти неповреждённом здании Джамии-Масжид, или «Соборной мечети», возвышающемся на гранитной платформе, ступеней на двадцать пять выше площади. Ведущая сюда лестница, мраморная, как и всё прочее, широка и мало повреждена временем; но зато крыша совершенно исчезла, и над нами сиял бы целую ночь небесный свод, если бы не случилось одного обстоятельства, о котором ниже. Кругом главного строения, стоящего на квадратной площадке, с четырёх сторон идёт низкая галерея, поддерживаемая несколькими рядами огромных столбов. Издали, невзирая на свою немного неуклюжую непропорциональную величину, это здание очень напоминает Акрополь в Афинах. Со ступеней, где мы расположились, видится мавзолей Гушанга-Гури, царя Мальвы, доведшего город до высшей степени блеска и роскоши. Масивное, величественное строение из цельного белого мрамора, с крытою галереей на превосходно украшенных резьбой колоннах, когда-то ведшей прямо в один из его дворцов, теперь же обрамляющей глубокий овраг, который завален камнями и зарос кактусом. Внутри мавзолея просторная комната с потолком и стенами из широких квадратных плит, покрытых сверху донизу изречениями из Корана, писанными золотыми буквами, а посреди комнаты саркофаг самого султана. Неподальёку от этого жилища смерти дворец Баз-Бахадур – в мелких кусках, в пыли и заросший деревьями...

Усталые и изнемогая от жажды и голода, пройдя весь день по развалинам, и с тремя убитыми змеями, перекинутыми через палки как военный трофей, мы вернулись за несколько времени до солнечного заката и уселись пить чай и ужинать у входа нашей палатки, уже расположенной внутри мечети. Мы нашли у себя неожиданных гостей: *патель* – официальное лицо, нечто среднее между сборщиком податей и мировым судьёй – соседней деревни и два землевладельца (*земиндары*) приехали верхом засвидетельствовать нам своё почтение и умолять как нас самих, так и наших спутников-индусов, с которыми были давно знакомы, принять их приглашение и ехать с ними. Услыхав, что мы намерены ночевать в «мёртвом городе», они горячо восстали против этого плана. По их уверениям, мы затеяли опасное и совершенно неслыханное дело. Через два часа развалины оживятся и из-под каждого куста, из подземных комнат каждого дома начнут вылезать для ночного разбоя гиены, *читты* и тигры, не говоря о нескольких тысячах шакалов и диких кошек. Наши слоны или убегут, или же будут обессилены и съедены. Следует, не теряя времени, собраться в путь и, оставив как можно скорее за собою развалины, ехать в их деревню, которая отсюда всего на полчаса расстояния. Там у них уже всё приготовлено, и наш бабу ожидает нас.

Только в эту минуту заметили мы, что наш простоволосый и осторожный друг блещет своим отсутствием. Как видно, ещё за три часа до того он спустился в долину к своим знакомым и послал их за нами.

Вечер был так хорош и мы так было славно устроились, что мысль перевернуть все наши планы на утро вовсе не улыбалась нам. К тому же казалось просто смешным, чтобы развалины, где мы спокойно проходили целый день, не встретив ничего опаснее трёх убитых нами змей, были наполнены дикими зверями. Мы продолжали благодарить и отнекиваться.

– Но вам положительно невозможно оставаться здесь, – настаивал толстый *патель*. – Если случится несчастье, то я один должен буду отвечать перед правительством. Неужели вам приятно будет провести ночь без сна и в рукопашной схватке с шакалами, если не хуже того?.. Вы не верите, что окружены дикими зверями, невидимыми до заката солнца, но тем не менее опасными? Так поверьте же инстинкту слонов, которые не трусливее нас, но, пожалуй, умнее. Взгляните, что они проделывают!..

Действительно, с нашими важными, напоминающими философов слонами происходило в эту минуту нечто необыкновенное. Высоко задрвав вопросительным знаком хобот кверху, они сопели и с беспокойством топтались на одном месте. Ещё минута, и один из них, перервав толстую, привязывавшую его к сломанной колонне верёвку как гнилую нитку, повернулся в один приём всем тяжёлым телом и стал напротив ветра. Крепко тянул он хоботом воздух, подняв правую ногу и как бы собираясь бежать... Он, очевидно, чуял опасного зверя.

Полковник поглядел на него через очки и продолжительно свистнул.

– Дело действительно выходит серьёзное, – заметил он. – Ну, а как в самом деле на нас нападут тигры...

Да, подумалось мне, а такура-то Гулаб Лалл Синга с нами и нет!..

Оба наши индуса, поджав ноги, сидели на ковре и спокойно жевали бетель. На вопрос об их мнении они хладнокровно отвечали, что это до них не касается: что мы решим, тому они и последуют. Но остальные наши спутники, англичане, уже перепугались и поспешно собирались уезжать. Через пять минут мы все сидели на слонах, а через четверть часа, и в тот самый момент, как солнце заходило за гору и мигом распространились сумерки, мы выезжали из Акбаровских ворот и начинали спускаться в долину.

Но не отъехали мы и десяти шагов, как позади нас, не более как в полуверсте расстояния и как бы из только что оставленной нами кипарисовой рощи, поднялся вой и лай шакалов, а вслед за этим, как рёв обманутого ожидания, послышалось такое продолжительное, громкое, вдруг потрясшее воздух рычание, что нас всех бросило в холодный пот. Наш слон рванулся вперёд и чуть было не сбил с ног ехавших впереди верховых. Но на этот раз собственно мы, наездники, находились в безопасности: мы сидели в крепкой *хауде*, – в плотно запертой, как карета, башне.

– Вовремя же мы убрались, – заметил полковник, рассматривая из окна, как верховые, человек двадцать приведённой *пателем* прислуги, зажигали факелы.

Через час мы остановились у ворот довольно большего бунгало и нас встречал, улыбаясь, наш простоволосый спутник бенгалец. Введя всю нашу компанию во двор и под веранду, он объяснил нам, что, зная наперёд, что наше «американское» упрямство восстанет против всякого предостережения, он пошёл на хитрость, которая, к счастью, и удалась.

– А теперь отправимся умыться и за ужин...

И он добавил, наклонясь ко мне:

– Вы давно желали присутствовать на чисто индусском обеде или ужине. Ваше желание теперь исполняется. Наш хозяин брамин, и вы первые европейцы, переступающие порог его *семейного* жилого дома...

XIV

Браминская семья. Глава семьи в моленном костюме.

Кому когда-либо приходило в Европе в голову, что есть на белом свете такая страна, где каждый шаг в жизни человека, малейший его поступок, особенно в домашнем быту, самое незначительное действие связаны с религиозными постановлениями и *не могут* быть иначе совершены, как по известной программе? В этой стране не только все крупные эпизоды жизни, все главные выдающиеся черты её, как-то: зачатие, рождение, переход из одного периода жизни в другой, женитьба, родительское звание, старость и, наконец, смерть, но даже все ежедневные отправления, функции физические и физиологические, как, например, утренние омовения, туалет, еда *et tout ce qui s'en suit*,⁸⁵ со дня рождения до последнего вздоха, – всё это должно быть исполнено по установленному браминами шаблону, *под опасением отлучения от касты*. Браминов можно уподобить музыкантам оркестра, в котором разнохарактерные инструменты представляют бесчисленные секты этой страны. Все они различной формы, разнятся и в звуках; тем не менее все подчинены одному и тому же капельмейстеру.

Насколько бы эти секты ни отличались одна от другой в толковании своих священных текстов и как бы враждебно ни относились они друг к другу, стараясь выставить вперёд и возвысить над прочими каждая своё божество, но все они и каждая из них, слепо повинуюсь веками установленным обычаям, обязаны следовать, как музыканты, одному дирижёрскому жезлу – законам М́ану. На одном этом пункте они сходятся и составляют единодушную, единомыслящую общину, крепко, неразрывно связанную массу. И горе тому, кто в этой общей симфонии произвольно или даже нечаянно сфальшивит! Старшины (должность у индусов наследствен-

⁸⁵ И всё, что за этим следует (фр.). – *Прим. ред.*

ная) и выбираемый пожизненно верховный совет каждой касты или даже субкасты (коих множество) держат членов своей общины, что называется, в «ежовых рукавицах». Их решения безапелляционны, и поэтому-то исключение или, по принятому выражению, «отлучение» от касты является, одним из самых страшных наказаний, влекущих за собою ужасные последствия. «Отлучённый» хуже прокажённого, так как солидарность между кастами, особенно в этом отношении, нечто феноменальное и может сравниться разве лишь с солидарностью сынов Лойолы. Если, при самом строгом соблюдении всех требований, члены двух разных каст, хотя бы и связанные самыми горячими чувствами взаимного уважения и дружбы, не могут не только вступать между собою в брак или вместе обедать, но даже и выпить, принять стакан воды друг у друга, или же выкурить вместе кальян, то понятно, насколько строже соблюдаются подобные запрещения касательно «отлучённого». Несчастный в полном смысле слова *умирает* для всех: для своих столько же, как и для чужих. Даже собственное семейство: отец, мать, жена, дети обязаны или отвернуться от него, или же быть, в свою очередь, отлучёнными. Нет надежды на замужество его дочерей, на женитьбу сыновей, как бы ни были дети неповинны в наказуемом грехе...

С минуты «отлучения» индус как бы исчезает для всех любивших и знавших его. Его мать, жена, дети не смеют накормить его, ни даже позволить напиться из домашнего колодца. Никто из прежней касты, тем менее из других, ни за какие деньги не осмелится ни продать ему, ни приготовить для него пищу. Ему буквально приходится или умереть с голоду, или же ещё более *осквернить* себя, покупая необходимое у *бескастников* или у европейцев.

Понятно, что против такой силы – она тем страшнее в своей пассивности, что против последней закон совершенно бессилён – не помогут ни западное воспитание, ни английское влияние. Остаётся одно: каяться и подчиняться всевозможным унижениям, а благодаря алчности браминов иногда и полному разорению. Я знаю лично несколько браминов, кончивших самым блестящим образом курс в английских университетах, которые, вернувшись на родину, вынуждены были подвергнуться всем отвратительным требованиям «очищения», а именно: сбривать половину усов и бровей, ползать голыми на животе вокруг пагод, держаться по часам за хвост *священной* коровы, читая молитвы, и, наконец, есть испражнения этой коровы!⁸⁶ Путешествие за море (*калапани*, т. е. за «чёрную воду») считается самым тяжким из грехов и требует вследствие этого самых строгих очищений. На совершившего такой поступок взирают как на человека, который от самой минуты отъезда на корабле *беллати* (иностранцев) до минуты возвращения осквернялся постоянно... Всего несколько дней тому назад один наш знакомый, доктор юриспруденции, блистательно окончивший курс в Англии, вынужден был пройти через подобное «чистилище» и чуть с ума не сошёл. На наше замечание, для чего же ему подчиняться всему этому, если, по собственному сознанию, он давно перестал верить в брахманизм и сделался ярким «материалистом», он нам привёл причины, против которых возражать было невозможно. «У меня в доме две дочери (говорит он), одна пяти, другая шести лет; если я их не выдам замуж, особенно старшую, в продолжение этого года, то их станут считать перезрелыми и на них уже никто не женится. Допустив, чтобы меня отлучили, я их этим обещаю, поставлю в невозможность найти мужей и сделаю их навеки несчастными. Затем старуха-мать до того суеверна, что, вследствие такого семейного позора, непременно покончит с собою: она уже не раз грозила мне самоубийством»... Но, быть может, заметят нам: почему бы ему, человеку образованному, разом не разорвать всякую связь с брахманизмом и кастой? Почему бы не соединиться с другими товарищами в подобном ему положении? Забрав семейство и всех ему близких – не перейти целою колонией на сторону цивилизации, присоединиться к европейцам?

⁸⁶ Называется панч-гайя, дословно «пять коровьих» (принадлежностей): смесь из молока, масла, сыворотки, мочи и экскрементов...

Вопрос весьма естественный, но и ответ на него далеко не затруднителен. Как в знаменитом ответе одного маршала Наполеону, из тридцати двух приведённых им причин, почему нельзя было атаковать некоей крепости, первую причиной являлось отсутствие пороха, так что о других причинах и спрашивать было нечего, так и из многих причин, почему для индуса немыслимо *объевропеиться*, – первая должна оказаться совершенно достаточной и, конечно, не потребует указания остальных. Разрубив Гордиев узел, индус не только не помог бы горю, но попал бы прямо из огня да в полымя. Будь у него семь пядей во лбу, будь он в науке соперником какого-нибудь Тиндаля, в политике равен Дизраэли и Бисмарку, принадлежи он к знатнейшему роду, – как только он отрекается от своей касты и соотчичей, так разом становится в положение гроба Магомета: говоря метафорически, он повиснет между небом и землей!..

Мудрая поговорка: «от своих отстал, а к чужим не пристал», кажется, сложена нарочно для этого злополучного народа. Напрасно воображают, будто отстранение как индийцев-магометан, так и индусов⁸⁷ от гражданской службы есть лишь результата несправедливой, трусливой политики, боящейся привлечения своих заклятых врагов к управлению страной. Общественный остракизм и совершенно откровенно высказываемое со стороны англичан враждебно-презрительное чувство «высшей» к «низшей» (по английским понятиям) расе играет в этом вопросе гораздо более серьёзную роль, нежели предполагают даже в Англии. Это незаслуженное презрение, высказываемое при всяком случае туземцам (включая тут и мусульман), с каждым годом расширяет между двумя нациями пропасть, которой им веками не засыпать. Приведу два примера.

Мы гостили у одного весьма влиятельного здесь лица, редактора английской газеты, и имели случай познакомиться с одним чрезвычайно замечательным мусульманином, молодым человеком из высшей туземной аристократии Сеидом М. Что туземец принят в доме, посещаемом всем местным английским *beau monde*,⁸⁸ объясняется двумя причинами: во-первых, мистер С*** далеко не заурядный англичанин, а джентльмен в полном смысле этого слова; во-вторых, этот курьёз, как нам кажется, можно отчасти объяснить тем, что Сеид М., не в пример прочим, носит европейское платье, воспитывался в Англии и человек не только талантливый, но вдобавок сумевший заставить даже англичан уважать его. Горячий патриот, он бросил адвокатуру, обещавшую ему громкое имя и ещё большее состояние, и перешёл в гражданскую службу, приняв место судьи в незначительном округе, из-за одной надежды, по его словам, «хоть сколько-нибудь улучшить политическое и общественное положение туземцев». Единственный, быть может, пример между индийскими мусульманами: он не делает разницы между могулами и индусами и одинаково горячо защищает интересы обеих рас. Его любовь к индусам даже чуть ли не горячее привязанности к единоверцам: мать Сеида была перешедшею в мусульманство браминкой...

– Все мы, туземцы, дети одной и той же несчастной матери нашей, Индии, – говорил он нам недавно, выражаясь привычным ему восточным и весьма поэтическим слогом. – Сыны одной горькой участи, мы должны дружно нести её, а не растревлять наболевшие язвы распрями между двумя фанатическими религиями.

Это говорилось вследствие только что происшедшего публичного в Бенаресе побоища между могулами и индусами во время и по случаю религиозных празднеств у первых.

Сеид М. заезжал к нам каждый день и обыкновенно тотчас же заводил беседу о «болячках» Индии, как он их называл, и по целым часам бывало спорили – С. отстаивая англичан, М. доказывая угнетённое положение туземцев, несправедливость к ним англо-индийского общества и невыносимое высокомерие британцев в Индии. Раз у них зашёл спор горячее обыкно-

⁸⁷ Европейцы весьма часто впадают в ошибку, смешивая индийских мусульман с индусами. Первые даже оскорбляются этим названием, и зовут себя индийскими могулами. Те – семиты, а индусы арийского племени и разнятся от них во всём.

⁸⁸ Высший свет (фр.). – *Прим. ред.*

венного по поводу только что вышедших в Калькутте новых гражданских служебных постановлений. М. спрашивал, почему, например, из двух чиновников, англичанина и туземца, и совершенно равных чинах и занимающих совершенно одинаковые должности (окружного судьи, например), англичанин получает на 35, а иногда с разными натяжками и на 60 процентов более годового оклада, нежели полагается на той же должности туземцу? Первому выдаются для летней кочёвки экстренные суммы, так называемые «лагерные», каждый год «вспомогательные», а туземцу *ничего*, кроме жалованья? «И ведь всё это из денег Индии (добавил он), т. е. из кровавого пота несчастной дойной коровы англичан, коровы, уже до того передоенной, что следует только удивляться, как у неё до сих пор не отвалилось вымя»...

Припёртый таким образом к стене, С., блестящий писатель и такой же оратор, знакомый с политическим направлением калькуттского кабинета как с собственным карманом, не нашёлся что на это ответить и сказал парадоксальную глупость: «Не забудем (пробормотал он), что мы в этой стране *изгнанники*; что вы, индийцы, по вашему же собственному сознанию, нуждаетесь в нас, и *что было бы несправедливо заставлять нас служить вашей стране без хорошего вознаграждения*. Вы, туземцы, обязаны платить нам: наши нужды, наконец, более ваших»...

У М. от изумления даже опустили руки.

– «Изгнанники»?.. – воскликнул он наконец. – Вы изгнанники? Да кто же вас просил приезжать сюда из-за морей спасать нас! Неужели...

Но он не закончил!.. Под перекрёстным огнём наших изумлённых взглядов, при этой комической выходке, сам С. расхохотался над самим собою... Он видимо старался замять этот щекотливо-политический разговор. Но М. не унимался; очевидно, у него сильно накопело на сердце, и он через несколько минут снова повёл атаку.

– Вот, – заметил он, – мы с вами старые друзья, и вы принимаете меня как равного. Но ведь это не потому, что мои прадеды были в продолжение стольких веков первыми сановниками могольской империи, или что мы ведём свой род от дочери Магомета... А просто оттого, что я в Англии сделался более или менее похожим на *джентльмена*, что я ношу чёрный фрак и, при случае, даже палевые перчатки. Иначе и в туземном костюме, хотя он красивее ваших чёрных мешков, вы стыдились бы принимать меня, тем более сажать за свой стол.

И на горячий протест хозяев он прибавил:

– Не спорьте, С.; а главное не отвечайте за других, так как я вам сейчас же докажу, что вы неправы и что есть между вами лица, в глазах которых даже мой чёрный фрак не спасает меня. Вчера, например, леди К. не приняла моего визита. Это бы ещё ничего. Но знаете ли, что она приказала сказать мне через секретаря её супруга? Фраза знаменательная, уже облетевшая весь город и обрисовывающая в нескольких штрихах наше политическое и социальное положение. Она приказала мне передать своё «удивление»... Я должен был знать, что лорд К., её высокородный супруг и мой начальник, три дня тому назад уехал из города, а что «жёны» сановников ни в Англии, ни в Индии не имеют обыкновения принимать визиты «по службе». Иными словами, что ей и в голову не могло придти, чтобы туземец «осмелился» сделать английскому семейству визит наравне с другими смертными, кроме разве по *служебным обязанностям*.

– Леди К. этим показала только свою природную глупость, – вспыхнула мистрис С. – Никто, кроме неё, не сделал бы вам подобной дерзости.

– Совсем нет, – отвечал, по-видимому, спокойно мусульманин. – Делали мне весьма часто и другие ваши дамы, и даже их мужья, мои собственные сослуживцы, такие же ничем не вызванные дерзости. – И он назвал несколько имён. – А если я, в моём исключительном для туземца положении, подвержен таковым, то чего же приходится ожидать другим, менее фаворизованным судьбой и правительством туземцам?

Он сидел, нагнувшись над чашкой, и говорил тихо, по-видимому, сохраняя полное хладнокровие. Только ложечка, которою он машинально постукивал о блюдечко, слегка дрожала в его руке, да чёрные глаза налились кровью и пылали...

– За Англию, которая меня воспитала, – продолжал он тем же тоном, – за правительство, которому я присягал в верности и которому служу, я готов отдать, ради моей же возлюбленной Индии, жизнь. Мы, как народ, неспособны теперь управлять страной без чужой помощи, это я знаю, хотя худо ли, хорошо ли, а управляли ею веками, и страна была богаче и счастливее. Но я сознаю, что теперь, за последнее столетие, мы выродились и что помощь Англии нам необходима. Но если я присягал в верности правительству, то не делал ещё ничего подобного в отношении к обществу и частным лицам... и я *ненавижу их!*.. Попомните мои слова: если Англии когда-нибудь снова придётся бороться с мятежом, то этому виной будет единственно английское же общество; и случится это вследствие до бешенства доводящего туземцев презрительного высокомерия посылаемых сюда ваших чиновников. Нам все твердят о тирании и деспотизме России, нас пугают жестокостью её правительства. Да знаете ли вы, что на это отвечают хоть бы наши мусульмане, потомки султанов, сердарей, героев и величайших государственных людей прошлых веков? Они говорят следующее: да, быть может, администраторы России и жестоки и её правительству не сравниться с «благодарным» правительством её величества императрицы Индии. Но когда мы читаем и слышим со всех сторон, что в России такой-то генерал – *мусульманин*, другой – армянин и, несмотря на это, главнокомандующий целой армией, между тем как у нас последний английский солдат скорее дезертирует, нежели согласится повиниться и признать начальником *туземца*, будь последний хоть принц крови, то, сравнивая нашу горькую участь с судьбой и надеждами каждого верного России иноверца и иноплеменника, у нас невольно шевелится на душе вопрос: чем же это мы одни заслужили подобные унижения? Почему это только нас одних держат в чёрном теле? И, в безмолвном отчаянии, сознавая всю безвыходность нашего положения, нельзя нам подчас и не позавидовать положению нашего брата мусульманина – в так называемой вами *деспотической России!*..

Второй пример. Семейство одного известного и очень учёного доктора медицины в Бомбее, уроженца Гоа, по фамилии португальца. Уже более трёх поколений они христиане католики, но прадеды как мужа, так и жёны были чистокровными высокорожденными браминами. И муж, и жена воспитывались за границей и получили превосходное образование. Муж – кавалер нескольких почётных орденов, член многих учёных обществ и находится на хорошем счету в Азиатском Королевском Обществе. Жена – молодая двадцатилетняя женщина, превосходно образованная, обладает восхитительным голосом. *Ни тот, ни другая в обществе не приняты.* На их музыкальных вечерах по вторникам, кроме нескольких журналистов из европейской *богемы*, не найдётся ни одного лавочника-англичанина; из дам положительно ни одной. «Помилуйте», завопят либеральные барыни и барышни, юность которых, быть может, протекла в какой-нибудь задней лавке Оксфордской улицы, «помилуйте! Кто же водит знакомство с подобными *неграми?*»...

Чем-то странным, чудовищно невероятным покажется всё это нашим русским читателям.

Ради яснейшего понятия о туземцах Индии, мы здесь распространились об этом вопросе, быть может, более, нежели следовало; как бы то ни было, но злополучные индусы, ввиду всего этого, предпочитают временное унижение и все страдания «очищения», как физические, так и нравственные, подобной перспективе общего презрения до самой смерти.

Множество подобных вопросов занимало нас в продолжение тех двух часов, которые нам пришлось высидеть до обеда с браминами. Это, как казалось с первого взгляда, опасное, почти невозможное отступление от предписаний Ману – обед с иностранцами и людьми других каст – объяснялось на этот раз просто. Во-первых, толстый *патель* был *главою* своей касты, поэтому не боялся отлучения; во-вторых, он заранее принял все предосторожности и предписанные законом меры, дабы не *оскверниться* нашим присутствием; а в-третьих, либерал в душе и приятель Гулаб Лалл Синга, он обещал ему показать нашему обществу на деле, сколько софизма и тонких уловок придумано хитрыми браминами, дабы, сохраняя на вид мёртвую букву закона, в то же время ловко вывёртываться при экстренных случаях из-под его железной руки.

Таковы были, во всяком случае, объяснения нашего бабу в ответ на выраженное нами удивление. Нам оставалось, стало быть, только возрадоваться редкому случаю и не упустить оно. Кто раз был допущен не только разделить, но даже присутствовать при обеде брамина, тот становится как бы священным в его глазах. Не только сам хозяин, но даже все члены касты его взирают на такого счастливицу как бы на принадлежащего по крайней мере *de jure* к их касте. Но зато как редки, почти невозможны такие случаи!..

XV

Группа учеников махатм, среди которых полковник Олькотт и Е. П. Блаватская

Индусы едят всего два раза и день (мы говорим о богатых), утром в десять и вечером в девять часов; оба раза трапеза сопровождается сложными обрядами и церемониями. В остальное время дня никто, даже дети не едят ничего, так как есть без предписываемых религий заклинаний считается грехом. Тысячи образованных индусов давно перестали верить в эти суеверные обряды – остатки глубокой старины, но, невзирая на это, обязаны подчиняться им.

Наш хозяин Шамрад Бахунатджи принадлежал к древней касте «Патарских Прабху» (Pátáres Prabbhus) и весьма гордился своим происхождением. Прабху (т. е. лорды, господа) – потомки кшатриев (воинов), родоначальником коих был Ашвапати (700 лет до Р. Х.), происходивший по прямой линии от Рамы и Притту, которые, по местной хронологии, управляли Индией в *дванара* и *трета* югах.⁸⁹ Для них одних брамины обязаны исполнять чисто-ведические обряды, известные под названием «обрядов кшатриев». Теперь их зовут *патанами* вместо патаров (т. е. «падшие»), и этим несчастьем они также обязаны родоначальнику своему царю Ашвапати. Раз, раздавая милостыню святым отшельникам, он нечаянно обошёл великого Бригу. Оскорблённый этим, пророк и ясновидец проклял его, пригрозив, что его царствованию скоро придёт конец, а всё потомство погибнет. Тогда царь, бросившись к его ногам, стал умо-

⁸⁹ То есть по летосчислению индусов в последней до настоящей калиюги и в предшествующей той юге, так как они делят махаюгу или «большой период» на четыре меньшие периода (юги), или по чисто-арифметическому исчислению около двух миллионов лет тому назад!!

лять о прощении. Бригу наконец согласился простить его, но проклятие святого уже пустило корни, и всё, что он сам мог сделать для поправления дела, было не допустить его род до окончательной гибели. Вследствие этого патары вскоре потеряли престол и даже всякую власть. С тех пор им приходилось жить «пером» и службой разным правительствам, переменить имя патаров на патанов (падших) и жить беднее, нежели многие из миллионов бывших их подданных. К счастью, ещё прадеды нашего словоохотливого амфитриона перешли в брахманство, т. е. пролезли через золотую корову...

Выражение «жить пером», как мы узнали, относилось к тому, что со времени английского владычества почти все должности писарей и мелких чиновников в бомбейском президентстве заняты патанами, как в северо-западных провинциях их занимают бенгалийские бабу. В одном Бомбее их насчитывают до 5000. Они смуглее конканских браминов, но зато и гораздо красивее и умнее. А таинственное выражение «пролезать через золотую корову» означало следующее: в исключительных случаях и при готовности затратить большую сумму денег, не только кшатрии, но даже презренные шудры могут преобразоваться, так сказать, в «побочных» браминов. Настоящие брамины, от которых исключительно зависит эта метаморфоза, заставляют их покупать это право за несколько сот, а иногда и тысяч коров. Затем, вылив из чистого золота корову, которая освящается при разных мистических церемониях, кандидата заставляют пролезать три раза через её пустое отверстие, и тогда подвергшийся такому искусству тотчас же перерождается в брамина. Нынешний траванкорский махараджа и даже великий, недавно умерший махараджа Бенареса – оба шудры и некогда купили себе подобным образом желаемое право.

Все эти сведения как исторически-легендарная хроника о патарах были переданы нам с большою любезностью нашим хозяином. Попросив нас готовиться к ужину и обещав вернуться за вами через полчаса, почтенный Шамрао исчез, уводя с собою и наших кавалеров. Оставшись одни и пользуясь отсутствием мужчин, мисс Б*** и я отправились рассматривать пустой, как нам казалось, дом, захватив с собою одного лишь простоволосого бабу для объяснений. Бабу, как истый, современный бенгалиец, презирал религиозные приготовления к столу и поэтому находил лишним «готовиться». Он пошёл с нами.

«Прабху», если их несколько братьев, все живут в одном бунгало, и у каждого женатого брата непременно своя особенная комната (если не отдельное помещение во дворе) и свой слуга. Дом нашего хозяина был обширный, окружённый меньшими пристройками, занимаемыми его братьями, тогда как главное здание служило для гостей и заключало в себе общую столовую, молельню или кумирню, комнату для родильниц, другую для покойников и т. д. Как и все туземные бунгало, весь нижний этаж был окружён верандой (крытою галереей), с которой входы с арками и без дверей вели в большую, занимавшую весь нижний этаж залу. Вокруг этой комнаты, со всех её четырёх сторон шли деревянные с великолепной резьбой колонны, поддерживавшие потолок верхнего этажа и заменявшие в этом случае стены. Мне почему-то показалось, что эти колонны когда-то должны были украшать один из дворцов «мёртвого города». Резьба была совсем не индусского характера, и вместо богов, баснословных чудовищ и зверей, колонны были покрыты арабесками с изящно вырезанными цветами и листьями. Колонны поставлены вблизи одна от другой, но рельефная работа не позволяла им, однако, составлять одну сплошную стену, вследствие чего вентиляция оказывалась немного форсированною: во время нашего сидения посреди столовой нас продувал из-за каждой колонны сильный сквозной ветер и со всех четырёх сторон жужжали миниатюрные ураганы, будя все уснувшие было в климате Индии ревматизмы и зубную боль. Весь фасад дома был покрыт прибитыми к стенам и над окнами железными подковами – вернейшее средство против злых духов и от *глазу*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.